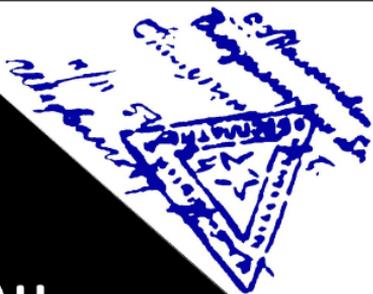

На страже закона

М. А. ФУРМАН

■ ХРОНИКА
■ НЕОБЫЧНОГО
РАССЛЕДОВАНИЯ

М. А. ФУРМАН

**ХРОНИКА
НЕОБЫЧНОГО
РАССЛЕДОВАНИЯ**

**Москва
«Юридическая литература»
1989**

67.99(2)
Ф 95

Рецензенты:

Ю. И. Соседко, доктор медицинских наук;
В. Н. Крюков, доктор медицинских наук, профессор

М. А. Фурман

Ф 95 Хроника необычного расследования.—
М.: Юрид. лит., 1989. — 240 с.
ISBN 5-7260-0135-4

Судебная медицина — разновидность общей медицинской науки. Она изучает вопросы медико-биологического характера, возникающие в судебной и следственной практике. Основываясь на личном опыте и деятельности коллег, автор в популярной форме рассказывает о том, как конкретно судебная медицина помогает правосудию.

Ф $\frac{1203020110-058}{012(01)-89}$ КБ-11-11-88

67.99(2)

ISBN 5-7260-0135-4

© Издательство «Юридическая литература», 1989

Предисловие

Автор предлагаемых очерков — представитель медицинской науки, призванной оказывать помощь органам правосудия в борьбе с определенными категориями преступлений. М.А.Фурман — эксперт Владимирского областного бюро судебно-медицинской экспертизы, кандидат медицинских наук. Основываясь на опыте своей работы, практике других экспертов и данных литературы, он в популярной, занимательной форме показывает возможности и значение судебной медицины при расследовании конкретных происшествий и уголовных дел, связанных с автокатастрофами, применением огнестрельного и холодного оружия, несчастными случаями, наркоманией, и других. Некоторые материалы освещают использование судебно-медицинских знаний при решении отдельных вопросов, возникающих в медицинской, правовой, научной практике, но не связанных с преступлениями. Например, при установлении фактов ранений, полученных во время Великой Отечественной войны, в случае отсутствия документов, подтверждающих их; при рассмотрении некоторых медико-криминалистических аспектов дуэли М. Ю. Лермонтова и т. п.

Судебная медицина как наука постоянно развивается и совершенствуется. Отмечаемый в последние годы значительный научно-технический прогресс в различных областях знаний существенно расширил возможности судебно-медицинской экспертизы. Это убедительно показано автором.

М.А.Фурман уже знаком советскому читателю. В 1982 году издательство «Юридическая литература» выпустило его книгу «Записки эксперта». Книга была переиздана в Польской Народной Республике под названием «Преступление под микроскопом». Несколько очерков из нее повторяются в настоящем издании. Предлагаемая читателю «Хроника необычного расследования» послужит более тесному знакомству их с трудной и ответственной работой судебно-медицинского эксперта.

*Заслуженный деятель науки РСФСР,
профессор В. В. Томилин*

Человек с двумя фамилиями

Время от времени перелистываю свою записную книжку. Завел я ее давно, вскоре после окончания медицинского института, когда еще только начал работать судебно-медицинским экспертом. Теперь страницы пожелтели, многие события, очевидцем которых довелось быть мне или моим товарищам, стерлись в памяти. Пора бы, кажется, завести новую. Однако всякий раз, как приходит эта мысль, откладываю: все-таки книжка верно несет свою службу. Стоит полистать ее — и вспоминаются давние случаи, этапы расследования, необычные эпизоды, связанные с экспертной работой. Вот на одной из страниц подчеркнутая красным карандашом запись: «Экспертиза № 415, фамилия — Палутин».

...В солнечный мартовский день, с утра, когда мороз еще крепок и свеж, в наше областное бюро судебно-медицинской экспертизы вошел невысокий

пожилой мужчина. Он не спеша разделся, отогрелся — видно, путь его был недалек — и протянул мне определение Меленковского районного народного суда. Меленки — райцентр, находится в 160 километрах от Владимира, на юго-востоке области.

— Палутин Георгий Николаевич, — представился посетитель.

В кратком определении я прочел следующее: *«...в годы Великой Отечественной войны Палутин Г. Н. находился на фронте под фамилией Шувалова И. П. Во время боевых действий дважды был ранен — в 1943 и 1944 годах, но все справки о его ранениях из архива выданы на Шувалова И. П. После войны, демобилизовавшись в сентябре 1945 года, он получил документы на имя Палутина, с которыми проживает в настоящее время. Так как истец не может получить льготы, полагающиеся инвалиду войны, поскольку медицинские справки выданы на другую фамилию, он просит признать факты ранений после освидетельствования, что подтвердит истинность документов, выданных на фамилию Шувалова...»*

Ознакомившись с определением, беру документы пришедшего. Паспорт, военный билет, пенсионное удостоверение. Все на фамилию Палутина. Наконец, две медицинские справки, выданные архивным отделом Военно-медицинского музея Министерства обороны СССР, обе на другую фамилию — Шувалова И. П. Так началась эта необычная, редкая экспертиза под очередным порядковым номером — 415.

Вместе с определением суда Палутин представил и другие документы: выписки из больниц и поликлиник, где он лечился, рентгенограммы, справку об инвалидности. А вот заявление в суд, заканчивающееся словами: *«Прошу признать военно-медицинские документы, выданные на фамилию Шувалова, принадлежащими непосредственно мне. Палутин и Шувалов — одна и та же личность».*

Мне уже понятно, зачем приехал к нам этот не-

высокий, многое переживший человек. И, кажется, мы в силах ему помочь. Но что заставило Палутину изменить фамилию в годы войны? Я не решаюсь об этом спросить. Смущает разница в возрасте. Да и стоит ли ворошить давние воспоминания, которые могут оказаться для человека такими же болезненными, как и старые раны? Однако, если эксперт хочет разобраться во всем досконально и объективно, для него не должно оставаться белых пятен. Но мой собеседник, видно, человек особого склада, необычно прочной закалки. Как люди, многое пережившие, он выше житейских условий и способен на откровенность.

— Не буду скрывать, доктор, — начал он сам, не дожидаясь моих вопросов. — В 1940 году я был осужден. По молодости совершил преступление. Горячий был, вот и сорвался. Когда пошел на допрос, фамилию и имя утаил, назвался Шуваловым Иваном Петровичем. Документов у меня не было, потерял. Осудили на пять лет лишения свободы, приговор вынесли на фамилию Шувалова. В 1942 году с места, где отбывал наказание, неоднократно писал заявления с просьбой отправить на фронт. Наконец летом 1943-го мою просьбу удовлетворили. Под фамилией Шувалова я и воевал. Когда в октябре 1945 года вернулся в родные края, начальник милиции, тоже фронтовик, посоветовал мне взять прежнюю фамилию. «Воевал ты достойно, Георгий Николаевич, — сказал он, — вину свою полностью искупил. Чего прятаться под чужой фамилией?» И вот я опять стал Палутиным. Хоть давно это было, но помню — на душе сразу легче стало...

Шли годы, Палутин добросовестно трудился, невзирая на болезни и старые ранения. Не чурался никакой работы, даже после 1961 года, когда, перенес операцию на легком, стал инвалидом второй группы. Был электриком, завскладом технических материалов леспромхоза, потом перешел в совхоз «Меленковский», оттуда, по состоянию здо-

ровья, — в райпромкомбинат. Разумеется, он знал о льготах, которыми пользуются участники и особенно инвалиды Великой Отечественной войны, но то ли из скромности, то ли из-за нежелания ворошить прошлое сам не поднимал вопрос об этом. Однако поднимали родные и наконец, на 66-м году жизни Палутина, заставили его принять решение.

— Вот тогда я и написал заявление в суд, — закончил Георгий Николаевич свой рассказ.

Любая экспертиза начинается с осмотра освидетельствуемого. Предлагаю Палутину раздеться. Он аккуратно вешает на спинку стула пиджак, рубашку, майку. Одежда его чистая, опрятная.

— Куда вы были ранены, Георгий Николаевич? — задаю первый вопрос.

— Одно ранение я получил в 1943 году, в левую половину груди, второе — в 1944, в левую руку.

Включаю яркий боковой свет и начинаю осмотр. Георгий Николаевич худощав, подтянут, по виду моложе своих лет. Видно, что для него привычен физический труд. На передней поверхности грудной клетки слева, чуть ниже проекции второго ребра, замечаю бледный овальный рубец размерами полтора сантиметра на сантиметр. Беру справку о первом ранении. Из нее следует, что *«автоматчик 735-го стрелкового полка 166-й дивизии Шувалов Иван Петрович 25 сентября 1943 года получил осколочное проникающее ранение левой половины грудной клетки. Находился на излечении в эвакуационном госпитале № 5837 с 21.10 по 6.12.1943 года»*.

Следы от второго ранения располагаются на левом предплечье. С наружной стороны руки вижу большой бледный рубец длиной 13 сантиметров с ровными краями, в центре его западение со втянутостью кожи глубиной до одного сантиметра. С внутренней стороны руки — другой рубец, с множественными радиально расходящимися светло-коричневыми складками. При исследовании в ультрафиолетовых лучах центральной части пер-

вого рубца выявилось узкое в виде овала кольцо пигментации кожи, являющееся одним из признаков старой входной огнестрельной раны. Следовательно, на внутренней поверхности руки — выходное отверстие. Сверяю увиденное с официальным документом, выданным архивом. В нем говорится, что *«автоматчик 171-го стрелкового полка 1-й Московской гвардейской дивизии Шувалов Иван Петрович 5 февраля 1944 года получил сквозное пулевое ранение левого предплечья с повреждением локтевой кости и локтевого нерва. Находился на излечении с 16.2 по 23.5.44 года в эвакогоспитале № 5860, откуда выписан в батальон выздоравливающих».*

После предварительного осмотра подробно диктую лаборанту отделения, моей давней помощнице Лиде Жуковой, то, что удалось увидеть. Рубец на левой половине груди Палутина располагался спереди. След от входного отверстия на левой руке снаружи. Типичные боевые ранения, полученные солдатом в наступательном бою. Когда солдат идет в атаку, левая рука с оружием (автоматом, винтовкой) выдвинута вперед. Каждый из нас в кино, по телевидению видел наступающих бойцов. Потом, вернувшись домой, я возьму томик стихов К. Симонова и прочту стихотворение «Атака», написанное поэтом в тяжкие дни 1942-го:

Когда ты по свистку, по знаку,
Встав на растоптанном снегу,
Готов был броситься в атаку,
Винтовку вскинув на бегу...
Когда осекся звук короткий,
Ты в тот неуловимый миг
Уже тяжелою походкой
Бежал по снегу напрямик.

Не знаю, читал ли Георгий Николаевич эти стихи. Но даже если они ему не знакомы, наверняка хранит в памяти солдат-ветеран те мгновения своей беспокойной юности, которые столь правдиво передал поэт-фронтовик.

Спрашиваю Палутина о его самочувствии в настоящее время. Есть ли жалобы, какие, не надо ли чем помочь?

— В общем-то, чувствую я себя неплохо, — отвечает он. — Работаю сейчас электриком гаража, дома хозяйством занимаюсь. Хотя кое-какая память о войне у меня осталась до сих пор.

Я поначалу не понял, о какой «памяти» говорит этот человек. Слова Палутина стали мне ясны позднее, когда Георгий Николаевич принес заключение рентгенолога. Из него я узнал, что *«на рентгенограммах грудной клетки выявлен старый консолидированный (т.е. сросшийся. — Авт.) перелом 4-го ребра слева с наличием в левом легком металлического инородного тела, вероятно осколка, размерами 1,5×0,5 см, расположенного спереди от восходящей аорты»*.

— Что ж вы молчали, Георгий Николаевич? Ведь осколок — это бесспорное вещественное доказательство ранения в грудь. Если бы, допустим, справки в архивах не сохранились, и без них можно было бы обойтись.

Палутин смущенно разводит руками. Потом, помолчав, произносит:

— Оно, конечно, так. Осколок здесь, в груди, с сорок третьего. Видно, из-за него все мои недавние беды — туберкулез, частые пневмонии. Но в последнее время притих, затаился. Он ведь маленький, не больше ногтя. А справки — вот они. Как вы говорите, вещественные доказательства...

Разоткровенничавшись, Георгий Николаевич рассказал, как он в Рязани искал госпиталь, в котором когда-то лечился после первого ранения. Обошел множество больниц, зданий, где размещались госпитали. Наконец неподалеку от центра набрел на многоэтажное строение из потемневшего от времени серого кирпича. Он оказался двадцать третьим по счету, его госпиталь. Однако нужных бумаг и здесь обнаружить не удалось. Тогда по совету знающего человека, тоже в про-

шлом фронтовика, он и обратился в Ленинград, в Военно-медицинский музей.

Несколько слов об этом уникальном музее. Позже мне довелось побывать в нем в связи с другой экспертизой. Созданный в ноябрьские дни 1942 года, когда шли бои на улицах Сталинграда и в предгорьях Кавказа, Военно-медицинский музей Министерства обороны СССР с момента основания по настоящее время выполняет многопрофильную работу по сбору всех медицинских материалов периода Великой Отечественной войны. Особым, наиболее сложным отделом музея является архив военно-медицинских документов. Здесь в большом количестве представлены карточки персонального учета раненых и больных (их около 32 миллионов), истории болезней из госпиталей и медсанбатов (свыше 20 миллионов), операционные и перевязочные журналы (более 121 тысячи), иные материалы. Здесь не забыт никто — от рядового до генерала.

Самоотверженно трудится не столь уж многочисленный коллектив музея, возглавляемый опытным военным медиком, кандидатом медицинских наук, полковником Вадимом Михайловичем Варламовым. Ежедневно в адрес архива со всех концов страны, а порой из-за рубежа поступает несколько сот писем с просьбами выслать справки о ранениях. Число писем резко возросло с 1984 года, после выхода постановления партии и правительства о дополнительных льготах для участников Великой Отечественной войны и семей военнослужашщих, погибших при защите Родины.

Экспертизу № 415 мне хотелось закончить побыстрее. Я отложил в сторону другие, менее срочные дела, чтобы заняться ею непосредственно. В общем-то меня никто не торопил. Но хотелось помочь этому скромному и непритязательному человеку. Ведь Георгий Николаевич многие годы, а если быть точным — более 37 лет никуда не обращался по поводу своих ранений. Неоднократно

болел, лечился, перенес несколько операций, однако даже удостоверения инвалида войны не имел. К тому же меня начали тревожить воспоминания. Память, она ведь есть у любого из нас. Даже сейчас, когда прошло уже более 40 лет со дня великой Победы, вряд ли найдется семья, на которой война не оставила бы своей суровой меты. Мальчишка военной поры, я помню бомбежки под Кишиневом и Одессой, идущие во мраке переполненные платформы, на которых лежали вперемешку люди и уголь, помню, как меня прятали под вагоны, когда на беззащитный состав пикировали вражеские самолеты...

Из всех правил, касающихся судебно-медицинской экспертизы, вытекает, что судебный медик, проводя любую экспертизу или исследование, должен быть объективным и беспристрастным. Это вопрос чести, совести, наконец, едва ли не главное требование к профессии. Проводя 415-ю, любой из моих коллег был бы объективным и предельно точным. Но беспристрастным? Наверное, нет...

Через несколько дней Палутин опять появился у нас в бюро. Объяснил, что зашел поинтересоваться, не надо ли представить еще какие-нибудь документы. Постепенно мы разговорились. Вероятно, этому способствовал взаимный душевный настрой.

Как-то незаметно разговор коснулся фронтового периода жизни Палутина. Оказалось, что Георгий Николаевич вначале воевал в отряде, выполнявшем специальные задания командования. Такие отряды всегда шли в авангарде наступательных операций, всегда были на переднем крае. Первое ранение он получил на Украине, под Белой Церковью.

— Прямо перед нами, километрах в двух, за низиной и болотом, находилось большое село, — рассказывал Палутин. — Брать его мы не собирались, ждали подхода главных сил. Вдруг

видим: фашисты ходят по деревне с факелами, собираются ее поджечь. Население: женщины, старики, дети — высыпало из домов. Вот-вот случится непоправимое. Вижу — лица у всех побелели. Командир не успел слова сказать — все как один 35 бойцов поднялись в атаку. Мы скатились в низину и тут же попали под прицельный минометный огонь. Командира убило на месте, меня ранило осколком в грудь. Хоть мои товарищи и ворвались в село, но спасти его не удалось. Дул сильный ветер, почти все постройки сгорели. Сожгли немцы деревню...

Почти три месяца пролечился Георгий Николаевич. А как поправился, влился в атакующие колонны 1-й Московской гвардейской дивизии, сражавшейся на Белорусском фронте. Второе ранение, в левую руку, он получил в феврале 1944 года под Витебском, где фашисты оборонялись яростно, с фанатизмом обреченных. Помимо локтевой кости, простреленной насквозь, пуля повредила нерв. Около 4 месяцев лечился Палутин. Летом 1944-го, когда фронт переместился на территорию врага, он опять в строю. Теперь уже до Победы.

Когда за Георгием Николаевичем закрылась дверь, я достал его рентгенограммы. Помните об осколке в легком? По описанию рентгенолога, он находился спереди от восходящей аорты. Пройди частица немецкой мины хотя бы на сантиметр глубже, оказалась бы пораженной аорта — самый крупный сосуд человеческого тела. А ранение аорты всегда смертельно. Знал ли Георгий Николаевич об этом? Разумеется, знал, хотя и без медицинских тонкостей. Однако же и слова не сказал, об этом осколке меня проинформировали снимки, заключение рентгенолога.

Наконец экспертиза была закончена. Не приводя ее подробного описания, кратко остановлюсь на выводах, вытекающих из вопросов, поставленных судом. «...Имеющиеся у Палутина Г. Н. те-

лесные повреждения и данные рентгенографии указывают на то, что у него в прошлом было два ранения: слепое осколочное ранение грудной клетки слева с повреждением 4-го ребра и наличием в легком инородного тела (осколка), а также сквозное огнестрельное ранение левого предплечья со сросшимся переломом локтевой кости. Оба ранения большого срока давности и могли быть получены в годы Великой Отечественной войны. По локализации и особенностям они идентичны ранениям, указанным в медицинской документации, выданной на имя Шувалова Ивана Петровича архивом Военно-медицинского музея Министерства обороны СССР». В тот же день заключение по экспертизе № 415 было отправлено заказным письмом в Меленковский районный народный суд.

Человек с двумя фамилиями. Чем не название для судебного очерка, приключенческой повести или рассказа? В следственной и судебно-медицинской практике такие случаи не часто, но встречаются, обычно когда следователь, эксперт или автор детектива имеет дело с лицом, преступившим рамки закона, иногда с настоящим преступником. Тут совершенно другая ситуация. Долгие годы Палутин не претендовал на льготы и привилегии, полагающиеся фронтовикам и инвалидам войны. Что это — слабость или сила характера? Это, наверное, как раз тот случай, когда оценкой поступков может быть только собственная совесть и человек сам для себя судья. Возможно, ответ содержат слова Л. Н. Толстого: «Часто скромность принимается за слабость и нерешительность, но когда опыт докажет людям, что они ошиблись, то скромность придает новую прелесть, силу и уважение характеру».

Когда я заканчивал очерк, то получил от Георгия Николаевича письмо. Поясню, что прежде сам написал Палутину, интересовался окончательным решением суда, а также спрашивал разрешения

назвать истинные фамилии в материале, над которым работал.

Некоторые строки его письма привожу дословно. «...12 апреля Меленковский народный суд рассмотрел дело... Решил признать принадлежность мне справок о ранениях от 25.9.43 г. и 16.2.44 г., полученных на фронтах Великой Отечественной войны, выданных на Шувалова И. П. 17 мая я получил удостоверение инвалида войны 2 группы и начинаю пользоваться всеми льготами. ...Вы меня спрашиваете: писать в очерке подлинные фамилии или изменить? Если будет указана настоящая моя фамилия и та, с которой воевал, мое местожительство — это меня смущать не будет, принципиальных возражений не имею... С искренним уважением Г. Палутин».

Вот такая история об одной экспертизе и судьбе человека. Тут, как говорится, ни убавить, ни прибавить. В бесконечной летописи Великой Отечественной у Георгия Палутина свои вехи, своя память.

Случай у колодца

Обычный труд судмедэксперта, как и работников правоохранительных органов прокуратуры, милиции, суда, всегда направлен на борьбу с негативными явлениями, во имя истины и справедливости. И все же разные бывают случаи, жизненные обстоятельства, если хотите, повороты судьбы. Встречаются в нашей профессии ситуации, когда поневоле начинаешь симпатизировать человеку, совершившему правонарушение. Правда, бывает это крайне редко и уж никак не отражается на объективности экспертных заключений. Вот об одном таком случае, по-своему трагическом, хочется рассказать.

Произошло это в совхозе, расположенном в средней полосе России. Ныне даже горожане знают, насколько напряженным бывает летний трудовой день на селе. А если человек еще и руко-

водитель, то, как правило, он задерживается в поле куда дольше остальных. Знал я одного директора совхоза. С апреля по ноябрь он раньше двенадцати ночи не ложился, а в четыре утра был уже на ногах. Причем все это время без выходных — ни суббот, ни воскресений. Так вот, Игнат Борисович Крылов*, главный агроном большого совхоза «Первомайский», тоже был из таких людей. Вставал он с первыми петухами, ложился, когда в окнах гасли последние огоньки.

Семнадцатилетним пареньком Крылов ушел на войну. Служил во фронтовой разведке, сражался достойно, храбро и вернулся домой с тремя орденами и несколькими медалями. После демобилизации закончил сельскохозяйственный институт. И вот уже почти тридцать лет работал в родных краях — вначале рядовым агрономом, а потом главным агрономом совхоза.

Накануне того дня, о котором пойдет речь, в совхозе была получка. Уже с вечера молодые ребята с гитарами наперевес мерили шагами село вдоль и поперек. Так продолжалось до часу ночи. На следующий вечер картина повторилась. Руководил «музыкантами» местный парень, Валерий Архипов, приехавший на каникулы. Он изнывал от безделья, от избытка молодых сил и наконец нашел себе развлечение. Гремели гитары, рвались истошные звуки из мощного динамика японского «Сони». И не спал агроном. Видно, годы брали свое, а тут еще и старые раны заныли. В общем, ни сна, ни покоя. Далеко за полночь сквозь плотно закрытые окна и задернутые шторы он услышал голос Валерия — тот пел.

* Фамилии подавляющего большинства лиц — обвиняемых, свидетелей, потерпевших, за исключением некоторых работников следствия, а также большинство названий городов и сел, где происходили события, описанные в книге, автором изменены.

Песня была длинной, голос все никак не смолкал. Он рвался сквозь стекла, шторы, стены. Агроном понял, что теперь ему не уснуть до утра. И тогда он вышел на крыльцо...

Где-то около трех часов ночи соседка Крылова Мария Тарасовна пошла за водой. Время она помнит хорошо — кукушка в ходиках на кухне три раза прокуковала. Ее, как и Крылова, разбудила песня Валерия. В доме было душно, жарко, и Мария Тарасовна решила напиться холодной воды. Она спустилась с крыльца, толкнула калитку и с кружкой в руке пошла к колодцу. Вдали, у самого горизонта, небо слегка посветлело, но было еще темно. Колодезный сруб смутно виднелся во мраке, что, впрочем, не имело для Марии Тарасовны существенного значения — она могла найти дорогу и на ощупь. До сруба оставалось метра три, когда женщина споткнулась обо что-то лежавшее на тропинке. «Накидают тут всякого, прости господи», — в сердцах подумала она, сворачивая с тропы, как вдруг услышала тихий стон.

Испуганная женщина бросилась в дом. Через несколько минут она подошла к колодцу вместе с мужем — совхозным механиком Иваном Карповым, который прихватил с собой карманный фонарик.

На земле рядом со срубом, прямо поперек тропы лежал парень. От виска стекала вниз струйка крови. Тут же валялись магнитофон и гитара. Иван приподнял голову лежавшего и осветил лицо.

— Валерка Архипов, — сказал он. — Доигрался, музыкант. — Иван приложил ухо к груди парня. — Кажется, жив, дышит. Ты побудь с ним, Маша, а я сбегаю за врачом.

Вскоре на совхозной машине фельдшер и Иван повезли Архипова в районную больницу. Сейчас многие сельские больницы мало чем отличаются от столичной клиники. Рентген, лаборато-

рии, прекрасные операционные, различные кабинеты. Дежурный хирург, едва взглянув на Валерия, отправил его на рентгенографию черепа. В глубине души он надеялся, что у парня нет перелома, но, когда принесли еще мокрый снимок, на нем врач увидел в правой височной области темноватый округлый контур — вдавленный перелом. Минутой спустя раздался звонок на областной станции санитарной авиации. Еще через двадцать минут нейрохирург Анатолий Николаевич Деменов мчался в санитарной машине на аэродром для срочного вылета в районную больницу. После звонка на станцию дежурный хирург районной больницы связался с милицией. Действовал он в соответствии с инструкцией, которая предписывает медикам во всех случаях подобных травм оповещать об этом соответствующие органы.

Пока бригада больницы: дежурный хирург, анестезиолог, сестры — готовилась к операции, милицейская машина выехала в совхоз «Первомайский». Предстоял неизбежный в таких случаях осмотр места происшествия.

Уже совсем рассвело, когда желтый «УАЗ» подъехал к колодцу. На селе не то что в городе, люди быстро узнают о случившемся. Поэтому здесь уже собралась небольшая толпа, состоявшая в основном из женщин. Следователь райотдела капитан Бережной понимал, что уговаривать людей разойтись бесполезно. Он отобрал двух понятых и приступил к работе.

Осмотр места происшествия — одно из наиболее распространенных следственных действий. Согласно статье 178 УПК РСФСР *«следователь производит осмотр места происшествия, местности, помещений, предметов и документов в целях обнаружения следов преступления и других вещественных доказательств, выяснения обстановки происшествия, а равно иных обстоятельств, имеющих значение для дела».*

Небольшая темноватая лужица подсохшей

крови на тропе свидетельствовала о том, что Валерий лежал именно здесь, а несколько небольших округлых пятен такого же цвета недалеко от сруба указывали на то, что после травмы он упал не сразу, а какое-то время продолжал стоять. Бережной методично, шаг за шагом осматривал прилегающую местность. Он сфотографировал колодец, следы крови на земле и стал прислушиваться к разговорам вокруг. Версии в толпе выдвигались самые разные.

— Видно, кто-то из дружков к Валерию приложился, — сказала одна женщина.

— Даром что молод, — подтвердила другая, — да из ранних. Приехал из города, гитара и транзистор заграничные. Наверное, не поладил с кем-то из наших.

— А может, его ручкой от колодца ударило? — предположила третья. — У этого колодца характер особый, ворот что мельница, если не придержать вовремя, рукоятью так вдарит. Может, он захотел напиться, да в темноте не справился...

Это предположение следовало проверить. Бережной подошел к колодцу и взялся за массивную железную ручку. Пустое ведро скользнуло в проем, и, едва только оно скрылось за краем сруба, ворот начал быстро вращаться. Бережной едва успел перехватить рукоять.

— У нас этот ворот зовут бешеным барабаном, товарищ капитан, — сказал кто-то. — Вы уж поосторожнее с ним.

Бережной поставил ведро на сруб и зачерпнул воды. Она была холодной и приятной на вкус. Он подумал, что предположение о рукояти надо будет все-таки проверить, и, передернув затвор фотоаппарата, сфотографировал крупным планом ручку ворота.

После этого, собрав в два спичечных коробка землю с тех мест, где имелась кровь, следовательно со здешним участковым поехали в правление сов-

хоза. Туда участковый должен был вызвать для беседы всех, с кем Архипов был вчера вечером.

Когда нейрохирург из областного центра появился в больнице, там уже все было готово к операции.

Архипов спал. Грудь его мерно вздымалась, дыхание казалось ровным и спокойным. Деменков посмотрел рентгенограммы и, натянув на руки резиновые перчатки, подошел к столу.

— Вдавленный перелом в правой височной области, — сказал дежурный хирург и встал рядом с Деменковым. Коснулся головы Валерия. — Прекрасная шевелюра у парня, но придется ее убрать.

Нейрохирург едва начал осматривать рану, как тут же в глубине ее увидел несколько мелких частиц. Вооружившись пинцетом, Анатолий Николаевич одну за другой вытащил их наружу. Всего набралось шесть штук. Они были беловатого цвета, длина наиболее крупной не превышала половины сантиметра, остальные были еще меньше.

— Похоже на кусочки дерева, — констатировал врач, аккуратно перекладывая частицы во флакон из-под пенициллина. — Возможно, пригодятся судмедэкперту. Не исключено, что парня ударили каким-то деревянным предметом.

Операция закончилась через три часа. Хирургам пришлось пойти на трепанацию черепа. Из-под твердой мозговой оболочки они удалили скопившуюся кровь, остановили кровотечение, потом обработали вдавленный перелом в височной области.

— Можно надеяться на благоприятный исход, если не будет осложнений, — коротко сказал Деменков бабушке Архипова, которая во время операции тихо сидела на скамеечке у входа в больницу и теперь вызвалась дежурить у постели внука.

Бережной, принявший к производству дело о

нанесении тяжких телесных повреждений Валерию Архипову, понимал, что без помощи судебно-медицинского эксперта ему не обойтись. Даже если бы следователю все было ясно, требовалось назначить экспертизу для определения тяжести повреждений. Относительно же Валерия обстоятельства происшедшего представлялись весьма туманными. Это мог быть несчастный случай — например, рукоятка «бешеного барабана» ударила неосторожного парня в висок. Не исключалось также, что удар мог нанести посторонний человек.

На листе бумаги Бережной выписывал фамилии тех, кто вчера вечером был рядом с Валерием. Набралось уже около пятнадцати человек, а участковый Филимонов приводил все новых и новых ребят. К обеду опытный следователь уже представлял себе, как провел вчерашний день Валерий Архипов.

В шесть часов в клубе совхоза демонстрировалась кинокартина «Удар в спину». Из-за интригующего названия зал оказался переполненным. У Бережного название вызвало иную реакцию. «В кино — в спину, а в жизни — в голову», — с мрачным юмором думал следователь. Валерий сидел с компанией в середине зала, шутил, смеялся, до начала сеанса наигрывал на гитаре, что, впрочем, не вызывало особого недовольствия окружающих.

После окончания фильма, около восьми часов, в клубе начались танцы. Осталась только молодежь. Хоть и с трудом, но Бережному удалось установить, что к этому времени Архипов с приятелями уже успел выпить.

— Так, пустяки, товарищ капитан, — сказал один из них. — Две бутылки сухого на троих. Для затравки.

Филимонов даром времени не терял и быстро выяснил, кому в тот день продавалось вино в совхозном магазине.

После танцев, около одиннадцати часов, Архипов и еще трое парней проводили знакомых девушек по домам. Около половины двенадцатого они опять собрались у опустевшего клуба.

— Еще совсем рано, только темнеть начало, — сказал Валерий. — Нет ли у кого «горючего»?

— Разве что сельского коньячку поискать, — посоветовал худой, длинный как жердь Степан Аристов.

Искать «коньяк» не пришлось. Мимо шел двоюродный брат Аристова, совхозный сторож Ефим Доронин, который охотно поделился содержимым своих карманов с ребятами.

«Надо написать на него представление за спаивание несовершеннолетних, наложить штраф, а также изготовителей самогона установить», — пометил у себя в блокноте Бережной.

Парни пошли длинной совхозной улицей. Архипов играл на гитаре, ревел магнитофон. Так продолжалось с полчаса. Потом, уже где-то в начале первого, Константина Вавилова увел домой отец. Следователь опросил почти всех жителей близлежащих домов. Из показаний свидетелей вытекало, что около часа ночи Архипов уже «веселился» один.

— Я все думала: когда же он уймет-ся? — рассказывала Мария Тарасовна, обнаружившая Валерия у колодца. — Точно не могу сказать, но к началу второго его уже не было слышно. Рядом, от соседей, уже за полночь выходил наш агроном, Игнат Борисович, что-то говорил ребятам. Тогда, кажется, двое других и ушли, а Валерка остался.

Фамилия главного агронома, человека весьма уважаемого в совхозе, тоже была в блокноте у Бережного. Он хотел с ним побеседовать, но Филимонов сообщил, что агроном, едва рассвело, уехал в область «выбивать» удобрения.

Бережной еще не успел допросить всех, кого

наметил, как ему позвонили из больницы и сообщили, что в ране на голове Архипова обнаружены кусочки дерева. Эта неожиданная находка почти исключала версию о несчастном случае, и Бережной, набрав телефон областного бюро судебно-медицинской экспертизы, попросил срочно выслать эксперта в совхоз «Первомайский».

После обеда автобусом я выехал из города и к четырем часам дня был уже в «Первомайском». Совхоз производил приятное впечатление. Аккуратные чистые улицы, много зелени, новые дома. В центре, как в городе, большой универмаг из стекла и бетона.

В правлении разыскал Бережного, и он подробно проинформировал меня обо всех известных ему обстоятельствах травмы Архипова. Я решил повторно осмотреть место происшествия. Конечно, следователь уже был там — среди прочих материалов дела я заметил аккуратно вычерченную схему с обозначением колодца и места обнаружения Архипова. Но воспользоваться только планом — значит утратить часть важной информации. Каждый судебно-медицинский эксперт знает, что при проверке различных версий мало ознакомиться с документами, надо самому побывать на месте происшествия. Это аксиома. Ничто — ни самый подробный протокол, ни отлично составленные схемы, ни прекрасные фотографии не могут заменить эксперту его собственных глаз, личного восприятия событий именно на месте.

Колодец как колодец. Обыкновенный. Правда, несколько более высокий сруб. Барабан с массивной железной рукоятью. Из рассказа Бережного и свидетельских показаний я уже знал о капризном характере «бешеного барабана». Приблизительно в трех метрах от колодца в землю воткнута веточка.

— Здесь был обнаружен Архипов, — пояснил следователь.

Я еще раз обошел все вокруг. В нескольких метрах впереди от колодца густые заросли цветущей черемухи, почти рядом с ними на песке несколько еле заметных темноватых пятнышек.

— Кровь?

— Вероятно, она, — подтвердил Бережной. — Пробы грунта для ее определения изъяты.

— А может быть, Архипов упал и ударился головой о какой-то предмет? — подкинул следователь новую версию.

Теперь их уже три: удар по голове каким-то предметом, несчастный случай с травмой и вот теперь — падение. Я подошел к колодцу и внимательно осмотрел рукоять. Толщина массивного железного стержня около двух с половиной сантиметров. Удар его концом при раскручивании ворота, пожалуй, мог привести к перелому.

— И все же пока этот вариант маловероятен, — сказал я Бережному. — Для того, чтобы точно его исключить, надо осмотреть парня, познаться с рентгенограммами.

Мы выпили холодной, приятной, почти родниковой воды и на подъехавшем «УАЗе» отправились в райцентр — я в больницу, следователь в райотдел.

Нередко эксперты начинают освидетельствование в лечебных учреждениях с осмотра потерпевшего. В данном случае это было невозможно. Слегка приоткрыв дверь палаты, я увидел на кровати в углу молодого человека с толстой круговой марлевой повязкой на голове. Рядом на стуле сидела старушка, смотревшая на него печальными глазами.

Осторожно прикрыв дверь, я прошел в ординаторскую. Просмотрел историю болезни Архипова, сделал необходимые записи, изучил рентгенограммы. На них был четко виден контур вдавленного перелома в правой височной области черепа. Перелом имел форму овала размером четыре на три сантиметра — это больше, чем размеры конца

рукояти. Деменков протянул мне флакон из-под пенициллина. Сквозь стекло в нем были видны очень маленькие беловатые частицы.

Тонким глазным пинцетом я вынул их, положил на стеклянную пластинку и вооружился сильной лупой. Бесспорно, это были частицы дерева. Одна из них, более крупная, даже с беловатой в крапинку чешуйкой. Похоже на березовую кору. Вложил их обратно во флакон.

— Скажите, Анатолий Николаевич, — спросил Деменкова, — насколько глубоко эти частицы проникли в рану? Не могли ли они попасть туда уже после травмы, скажем, при случайном загрязнении во время перевозки?

Нейрохирург полностью исключил такую возможность.

— Дело в том, — пояснил он, — что частицы дерева проникли в кожу довольно глубоко. Мы убрали их, даже когда обрабатывали перелом кости, одна застряла между обломками. Геннадий Станиславович не даст соврать...

Второй хирург, молча наклонив голову, подтвердил мнение Деменкова. Он хорошо рисует и на листе бумаги довольно точно изобразил контуры раны и перелома.

Пожалуй, все, что можно, я уже узнал. В итоге мы пришли к единому мнению: Архипову был нанесен один сильный удар по голове каким-то деревянным предметом со сравнительно небольшой контактной поверхностью.

Я забрал флакон, рентгенограммы, записи, поблагодарил коллег за помощь и совет. Надо было идти в милицию, где меня ждал Бережной.

Следователь задавал вопрос за вопросом. Я подробно отвечал на них, понимая всю сложность создавшегося положения. Парню были причинены тяжкие телесные повреждения. Это статья 108 Уголовного кодекса РСФСР, предусматривающая ответственность за умышленное тяжкое телесное

повреждение. Совершенно серьезное преступление. Достав из кармана флакончик, я протянул его Бережному. Он повертел его в руках и положил на стол.

— Н-да, — произнес следователь. — Вот задача! Значит, деревянным предметом. А каким был этот предмет? — задал он вопрос в лоб.

Я, как в футболе мяч, подхватил вопрос и вернул собеседнику обратно:

— Сразу трудно сказать. Ну, скажем, палка, кол. Да мало ли деревянных предметов! И еще одно предположение. Похоже, что этот таинственный предмет был из березы. На одной из частиц есть кусочки коры.

— Пошлем их на экспертизу, — решил Бережной, отправляя флакон в ящик стола. — А как вы считаете, доктор, после такой травмы Архипов мог передвигаться, совершать активные действия?

Ясно, следователь хотел знать, мог ли удар быть нанесен в другом месте, или это случилось непосредственно у колодца, где обнаружили Валерия.

— При такой травме, а врачи предполагают у Архипова еще и ушиб мозга, вряд ли он был способен ходить. Разве что несколько метров...

Я взглянул на часы. Стрелка приближалась к восьми. Можно было, конечно, успеть на последний автобус. Но что-то остановило меня. Пожалуй, взгляд Бережного, который оставался теперь один на один с нераскрытым преступлением. Но пока следствием не будет установлен таинственный деревянный предмет, моя миссия сводилась лишь к пассивному созерцанию.

— Остаюсь, — сказал я. — Вдруг завтра что-нибудь прояснится. Утро вечера мудренее.

Добавив эту банальную, затертую до дыр фразу, я тут же устыдился. Но Бережной, похоже, обрадовался, хотя и не подал виду. Он позвонил

в гостиницу, позаботился о моем ночлеге. А потом мы пошли ужинать в столовую.

Утром следующего дня, войдя в кабинет Бережного, я увидел незнакомого пожилого мужчину. Он сидел за столом и что-то писал. Сам хозяин, вероятно, встал совсем рано: в пепельнице уже лежали три свежих окурка. Бережной взглядом остановил меня и показал глазами на дверь. Мы вышли в коридор.

— Дело почти раскрыто, — неожиданно заявил следователь. — Мужчина у меня в кабинете — это главный агроном совхоза «Первомайский», Крылов. Утверждает, что он вчера ночью ударил Архипова.

— Явка с повинной, — констатировал я. — Видно, совесть заела, вот сам и явился.

— Не совсем так, доктор, — прервал следователь. — Кстати, очень хорошо, что вы не уехали. Помощь эксперта еще потребуется.

Вот что рассказал Бережной.

...Агроном понял, что теперь ему до утра не заснуть, и тогда он вышел на крыльцо. Ночь выдалась беззвездной. В нескольких метрах от его дома гремела гитара, слышался нахальный смех. Он ничего не видел перед собой. Только в глазах плясал огонек от горящей сигареты.

Крылов что-то крикнул так громко, что закололо в груди. И услышал в ответ все тот же нахальный смех и бранные слова. Они летели в пожилого усталого человека как пулеметная очередь и оказались той последней каплей, которая переполнила чашу терпения. Крылов шагнул с крыльца, протянул в темноте руку к поленице дров, схватил первое попавшееся под руку полено и с силой бросил его в ту сторону, где мелькал огонек, откуда неслась брань.

— Больше он ничего сказать не может, — Бережной помолчал. — Бросил полено и сразу же ушел в дом. Потом выпил валерианки, чтобы ус-

покоиться, а рано утром уехал в город по совхозным делам.

— Что же, он сам к вам пришел?

— Почти, — подтвердил Бережной. — Когда он вчера поздно вечером вернулся из города, жена рассказала ему о случившемся. Крылов посидел, все обдумал, потом пошел к Филимонову. И вот теперь он здесь. Жаль его, — Бережной развел руками. — Прекрасный человек, фронтовик, имеет награды. И этот нелепый случай...

— Вы верите ему? — спросил я.

Следователь помолчал. Я понял, что мой вопрос неуместен.

Часом спустя мы опять выехали в совхоз. Следователь решил непосредственно на месте проверить показания агронома. Крылов, сидевший рядом со мной, не переставая молча курил.

Вскоре мы были у знакомого колодца. Напротив — дом Крылова под красной черепичной крышей. Действительно, стоит шагнуть с крыльца, протянуть руку в сторону — и она натывается на поленницу аккуратно сложенных березовых дров. Поиск самого полена не занял много времени: приблизительная траектория его полета была теперь известна. Вскоре проворный Филимонов обнаружил в густых зарослях черемухи злополучное «орудие преступления». На одном из его концов были заметны мелкие брызги крови и два прилипших белокурых волоска. Через несколько дней судебно-медицинская экспертиза установила, что кровь на полене идентична по группе с кровью Валерия Архипова. Приставшие к полену волосы, по заключению биологов, имели признаки сходства с образцами волос потерпевшего.

Есть у Василия Макаровича Шукшина прекрасный рассказ «Думы». Насколько же точно фрагменты его перекликаются с той сложной, можно сказать, трагической ситуацией, в которую попал Игнат Борисович Крылов. Правда, у Архипова

были гитара и магнитофон, а у героя Шукшина — Кольки Малашкина — гармонь.

«И вот так каждую ночь!

Как только маленько уgomонится село, уснут люди — он начинает... Заводится, паразит, с конца села и идет. Идет и играет.

А гармонь у него какая-то особенная — орет. Не голосит — орет.<...>

Сам Колька Малашкин, губастый верзила, нахально смотрел маленькими глазами и заявлял:

— Имею право. За это никакой статьи нет.

Дом Матвея Рязанцева, здешнего председателя колхоза, стоял как раз на том месте, где Колька выходил из переулка и заворачивал в улицу. Получалось, что гармонь еще в переулке начинала орать, потом огибала дом, и еще долго ее было слышно.

Как только она начинала звенеть в переулке, Матвей садился в кровати, опускал ноги на пол и говорил:

— Все: завтра исключу из колхоза. Придерусь к чему-нибудь и исключу.<...>

И потом долго сидел после этого, думал... Гармонь уже уходила в улицу, и уж ее не слышно было, а он все сидел. Нашаривал рукой брюки на стуле, доставал из кармана папиросы, закуривал».

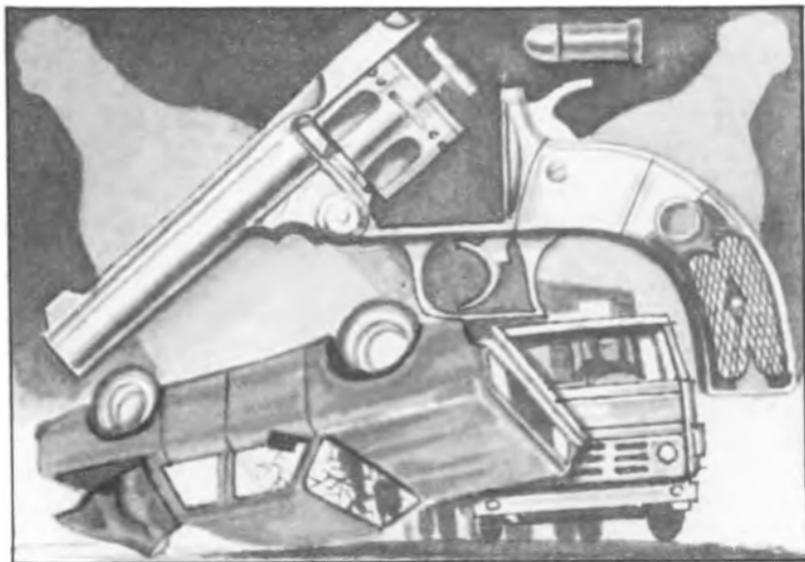
В рассказе все кончается благополучно. Председатель Матвей Рязанцев, когда Малашкин женится и перестает играть по ночам, даже скучает, считая, что в деревне стало «ужасающе тихо». Иное в жизни.

Мне довелось выступать в качестве эксперта в судебном заседании по обвинению агронома Крылова. В зале стояла гробовая тишина, когда этот пожилой человек рассказывал свою биографию. Потом суд заслушал потерпевшего — Валерия Архипова, к тому времени уже оправившегося от травмы и выписавшегося из больницы. Когда было предоставлено слово защите, адвокат в яркой

и образной речи умело использовал рассказ Василия Шукшина. После этого, я думаю, нет нужды доказывать читателю, на чьей стороне были симпатии подавляющего большинства людей, присутствовавших в зале. Но закон есть закон. С учетом смягчающих обстоятельств Игнат Борисович был осужден на два года лишения свободы. Суд учел все: и личность обвиняемого, и отсутствие умысла в его действиях, и причинение повреждения Архипову в состоянии сильного душевного волнения.

Когда я вспоминаю это необычное дело, меня больше волнуют не тонкости расследования и сложность экспертизы, а трагедия хорошего человека, оступившегося один-единственный раз в жизни.

Поклонники авторулетки

Некто Юрий П., отличный пловец, прыгнул на спор в море с тридцатиметровой скалы, но не рассчитал прыжок...

Альпинист Сергей К., обидевшись на тренера, не включившего его в штурмовую группу, в одиночку ушел в горы и не вернулся...

Больной сахарным диабетом Николай И. решил самостоятельно излечиться с помощью лечебного голодания. В тяжелейшей коме он был доставлен в больницу. И если бы не искусство врачей...

За каждым из этих трагических случаев ничем не оправданный риск, на грани самоубийства. Между тем часто на эту грань приводит человека не желание выиграть «принципиальный» спор, не обида, не болезнь, а пьяная самонадеянность.

...Это случилось на шоссе Москва — Горький в ясный солнечный день, около 16 часов. В материалах дела происшествие описано следующим обра-

зом: «23 марта на 337-м километре шоссе Москва — Горький произошла автоавария в результате столкновения автомашин «ВАЗ-2101» («Жигули»), следовавшей в сторону Горького, и «КамАЗ», следовавшей в сторону Москвы. Расследованием установлено, что автомашина «ВАЗ-2101» при скорости около 100 км в час неожиданно выехала на встречную полосу движения и столкнулась с левой передней частью «КамАЗа». При столкновении «Жигули» развернуло, и машина еще раз ударилась правой боковой частью о левую боковую часть автоприцепа «КамАЗа». После этого «Жигули» отбросило в кювет. От удара о дерево находившихся в машине граждан Сидорова, Gladкова и Щетинина выбросило из салона на землю, а гражданин Чайка остался на месте пассажира переднего сиденья. Сидоров погиб сразу, остальные получили различные телесные повреждения. Пассажир Чайка достоверных показаний по факту аварии не дал, а Gladков сказал, что ему кажется — в деревне Покровское за руль сел Владимир Сидоров и, наверное, при столкновении за рулем находился он. Владелец автомашины Александр Щетинин рассказать о происшедшем ничего не мог, так как ничего не помнил. В ходе расследования возникли сомнения, находился ли за рулем Сидоров. Водителем мог быть также владелец автомашины А. Щетинин или М. Gladков».

Я смотрю на фотографии, сделанные 23 марта на месте происшествия. Снимки получены с разных точек и, если разложить их в определенной последовательности, дают довольно четкое представление о происшедшей трагедии.

Фото первое. Широкое, в несколько рядов движения шоссе. На переднем плане автомашина «КамАЗ», вдали, метрах в 200 от нее, в кювете заметны задние колеса и багажный отсек «Жигулей». **Фото второе.** Деформированный левый передний бампер грузовика, смятое левое крыло.

Фото третье. На левой боковой поверхности автоприцепа «АЛКА» огромное бесформенное пятно, отдаленно напоминающее фигуру гигантского ящера, — след от удара неуправляемых «Жигулей» о прицеп. На других снимках — деформированные «Жигули» и тело погибшего Сидорова, лежащее в нескольких метрах от передних колес автомашины.

Видно, что фотографии сделаны в погожий, ясный, возможно даже солнечный день, широкое полотно дороги абсолютно сухое. Так чем же объяснить столь внезапно возникшую аварийную ситуацию, приведшую к гибели одного из пассажиров и травмам трех его спутников?

Большинство из читателей, наверное, догадались, а для тех, кто не успел догадаться, приведу еще одну фразу из материалов дела: *«Все четверо были в сильной степени алкогольного опьянения, и трое оставшихся в живых достоверных показаний по факту аварии не дали...»* Лабораторным судебно-химическим исследованием было установлено, что концентрация этилового спирта в крови у каждого из участников аварии колебалась от 2,5 до 3,3 промилле, иными словами, все — и водитель, и пассажиры — были абсолютно пьяны.

Можно привести десятки и сотни примеров автодорожных происшествий, виной которых явился алкоголь.

Мой коллега, кандидат медицинских наук Лев Михайлович Фридман, защитивший диссертацию по автодорожной травме, в своей книге «Записки автолюбителя» рассказывает о случае, когда легкомыслие, граничащее с преступлением, привело к гибели четырех человек. В пионерский лагерь прибыла комиссия для ревизии. С приездом выпили около 1,5 литров водки. Ревизоры принялись за работу, а шофер уснул. Часа через два ревизия свою работу окончила, шофера разбудили и пригласили снова к столу. Выпили еще два литра. По всей вероятности, водки больше не оказалось, по-

тому что решили трогаться в путь. Тот, кто раньше ездил по Казанскому шоссе в сторону Горького, помнит, что там был затяжной спуск, заканчивавшийся крутым, почти под 90 градусов левым поворотом. На этом спуске, развив очень большую скорость, пьяный водитель не сумел вписаться в поворот. Автомобиль перевернулся, вспыхнул и сгорел вместе с ним и тремя пассажирами...

Исследованиями медиков установлено, что 0,3 промилле алкоголя в крови водителя значительно ухудшают его реакцию, 0,6 — ухудшают его способность оценивать дорожную ситуацию, 0,8 промилле в семь раз увеличивают вероятность катастрофы со смертельным исходом. При концентрации же алкоголя в 1—1,5 промилле вероятность аварии повышается почти в 30 раз.

Но вернемся к нашему делу. Вот какие показания дал вскоре после аварии протрезвевший владелец «Жигулей» Александр Щетинин. *«...23 марта я взял автомашину из гаража, по дороге встретил своего родственника Чайку. Он был уже выпивши, а я еще не выпивал. Потом мы заехали за Gladковым. Пили мы много. Вино покупал Gladков, да и у меня была бутылка водки. Кроме того, как помнится, у кого-то был спирт. Как у нас в машине оказался Сидоров, я сказать не могу, не помню. Потом я уснул и как произошла авария — тоже не могу сказать. Как попал в больницу — не знаю. Но скажу точно: я за рулем не сидел. В прошлом году ГАИ отобрала у меня водительские права за то, что я управлял автомашиной в нетрезвом состоянии».*

Такие вот показания. Перелистываю несколько страниц дела и вижу характеристику на Щетинина: *«...работает в тресте «Спецстрой» с октября нынешнего года, избран секретарем комитета ВЛКСМ. Кандидат в члены КПСС, женат. Рекомендовал себя энергичным, инициативным и положительным работником. Пользуется доверием и уважением товарищей. Много делает для активи-*

зации деятельности комсомольской организации, ищет новые формы работы. Постоянно повышает свой политический и экономический уровень, изучает в кружке основы экономических знаний».

Прелюбопытная получается ситуация! С одной стороны, Щетинин лишен водительских прав на два года, с другой — секретарь комитета ВЛКСМ, «постоянно повышает свой политический и экономический уровень». Трудно представить, что конкретно дало ему это «повышение», во всяком случае не понимание того факта, что каждое автопроисшествие нередко связано не только с человеческими жертвами, но и весьма существенным ущербом для государства.

Сейчас социологи, юристы, врачи считают, что необходим профессиональный отбор, то есть определение пригодности человека к вождению автомашины. Действительно, лишь после придирчивого осмотра медики могут быть уверены в полном здоровье кандидата в водители. Сотрудники ГАИ проверяют быстроту его реакции, способность оценивать ту или иную дорожную ситуацию, знание правил вождения. Но где гарантия того, что за рулем всегда будет находиться абсолютно трезвый человек? Что и говорить, проблема проблем...

«Сегодня несчастный случай на транспорте принадлежит к распространеннейшей причине насильственной смерти. Современный автомобиль обладает большой механической энергией, — считает известный публицист из ГДР Г. Пфайфер. — Чтобы управлять им, требуются не только технические знания, но и высокая степень ответственности. Манера поведения человека в условиях уличного движения позволяет судить о его личности в целом. Она может быть классифицирована по широкому диапазону — от проявления дисциплинированности и уважения к общественным нормам поведения до безудержного эгоизма и беспощадной агрессивности».

Именно «безудержный эгоизм и беспощадная

агрессивность» чаще всего характеризуют пьяного или человека, находящегося в состоянии так называемого похмелья. Отсюда вывод один: нетрезвый водитель за рулем, равно как и выпивший накануне, весьма опасен для окружающих, поэтому и законодательные меры по отношению к таким лицам должны быть максимально суровыми.

Трое оставшихся в живых утверждали, что в момент аварии за рулем находился погибший Сидоров. Но можно ли верить показаниям людей, которые сами были фактически в невменяемом состоянии? Эта версия требовала тщательной проверки. При подобных авариях вина водителя — активного участника движения и пассажиров всегда различна. Поэтому всех троих безусловно устраивал факт нахождения за рулем Сидорова. Но следователь должен был отключиться от субъективизма свидетельских показаний и рассадить каждого из «великолепной четверки» по своим местам.

Расследование осложнилось противоречиями между свидетельскими показаниями и результатом судебно-медицинской экспертизы. Из заключения районного судмедэксперта следовало, что водителем в момент аварии был владелец «Жигулей» Щетинин, а Сидоров сидел на месте пассажира переднего сиденья. Эти противоречия надо было устранить.

Один из крупнейших специалистов нашей страны по вопросам автомобильной травмы, заведующий кафедрой судебной медицины Центрального ордена Ленина института усовершенствования врачей Анатолий Александрович Солохин в монографии, посвященной этим вопросам, пишет: «Дифференциальная диагностика повреждений у водителей и повреждений у пассажиров при травме в кабине представляет определенные трудности. Она основывается на совокупности данных, полученных при судебно-медицинском исследовании потерпевших, осмотре места происшествия и

автомашины с учетом имеющихся материалов дела... В частности, необходимо использовать особенности конструкции и внутренней отделки кабины автомобиля, влияющие на характер и локализацию повреждений. Особенности повреждений могут служить основанием для суждения о тех предметах, которыми они нанесены, а следовательно, и для установления места, занимаемого в кабине пострадавшими в момент происшествия».

Ранним утром вместе со следователем и опытным экспертом-автотехником мы выехали в Дзержинск. Предстоял повторный осмотр разбитой автомашины, находившейся в гараже Щетинина.

В помощь нам я пригласил кандидата медицинских наук Н. И. Шинкарева, который хорошо разбирался в механизме и нюансах автотравм, к тому же сам был страстным автолюбителем.

Около трех часов дня мы добрались до Дзержинска и направились к гаражу, в котором находилась автомашина. Щетинин рассказал свою печальную историю. Я, пожалуй, приведу ее в назидание, ибо по сути своей она типична для происшествий такого рода.

— Автомашину я купил незадолго до аварии, — начал Щетинин. — Очередь подошла, и хоть целиком всей суммы на приобретение «Жигулей» у меня не было, но помогли родственники, друзья. К этому времени успел построить и кооперативный гараж, на все ушло около десяти тысяч. Половину этих денег еще предстоит отдать...

Он включил свет в гараже, и мы увидели разбитый вдребезги автомобиль. Удар пришелся в левую передне-боковую часть. Будто гигантским молотом смяло передний бампер, капот, левую боковую стойку. С трудом открываем заклиненную переднюю дверцу и вместе с фотоаппаратурой втискиваемся в глубь салона. Под ногами хрустит битое стекло.

Районный судмедэксперт, как уже говорилось, полагал, что Щетинин, у которого оказались лег-

кие поверхностные ушибы, находился на месте водителя, а покойный Сидоров, получивший тяжелые повреждения, был пассажиром переднего сиденья. Эксперт исходил из чисто статистических данных, свидетельствующих о том, что при автокатастрофах наиболее часто и тяжело травмируется пассажир переднего сиденья, тогда как водитель по причине его хорошей фиксации отделяется, как правило, более легкими ушибами, а если и получает травму, то преимущественно грудной клетки, в результате ее удара о рулевое колесо. У Сидорова повреждений грудной клетки выявлено не было. Разбитую автомашину судмедэксперт детально не осмотрел, для него этот случай был «ясным».

— Если предположить, что водителем был Сидоров, то тому, что у него уцелела грудь, есть объяснение, — заметил эксперт-автотехник, когда мы осматривали салон. — Обратите внимание, наиболее сильный удар при столкновении был именно со стороны водителя, но руль, который в девяноста процентов таких случаев деформируется, сохранился как новенький.

И точно, рулевое колесо не было даже погнуто, оно крепко стояло на своем месте и легко крутилось.

— Это оттого, — продолжал он, — что удар не был фронтальным, он оказался направленным к салону под углом. А водитель ударился головой о стойку или ветровое стекло.

На пластмассовом щитке напротив места пассажира переднего сиденья мы заметили несколько пятен и потеков крови. Сфотографировали их, нанесли на заготовленную схему салона «Жигулей», а затем осторожно изъяли из машины весь щиток. В судебно-медицинской лаборатории предстояло определить механизм образования и групповую принадлежность этих следов, что могло существенно приблизить нас к цели. Через несколько часов осмотр автомашины был полностью закон-

чен. Пока следователь оформлял протокол, а Щетинин запирали гараж, Шинкарев задумчиво сказал мне:

— Половину денег, взятых в долг, ему еще предстоит отдать, а ведь эти «Жигули» уже ни один мастер не восстановит. Вот она — истинная цена рюмки за рулем. Всего за одно мгновение семья Сидорова лишилась мужа и отца троих детей, а ему, — он кивнул в сторону Щетинина, — предстоит расплачиваться еще несколько лет...

Около месяца ушло на исследование вещественных доказательств, изъятых при осмотре. Наконец пассажиры «Жигулей» были «рассажены» по своим местам. Экспертиза окончательно установила, что машиной в момент столкновения управлял покойный Сидоров. Находясь в сильной степени опьянения, он не справился с управлением, выехал на соседнюю полосу и буквально врезался в шедший навстречу «КамаЗ»...

Вот что рассказал об аварии на Горьковском шоссе единственный трезвый человек из участников катастрофы — шофер «КамаЗа» Сванадзе: *«Видимость была хорошая, участок шоссе прямой, горизонтальный. Попутного и встречного транспорта было очень мало. Примерно метрах в двухстах впереди я увидел автомобиль «Жигули». Скорость у него была не менее 90 километров в час. Вдруг я заметил, что «Жигули» съехали на свою правую обочину, потом начали прижиматься к краю проезжей части. Заднюю часть машины начало заносить вправо. Когда расстояние между нами сократилось до 7—8 метров, «Жигули» неожиданно резко пошли в направлении моего автомобиля. Я моментально вывернул руль вправо, однако столкновения избежать не удалось... Когда я вышел из кабины, у меня было такое состояние, что я не мог остановить ни одной встречной машины».*

Это произошло вскоре после случая на Горьковском шоссе. Время близилось к полуночи.

Только что завершилось многочасовое торжество, сопровождавшее уход на пенсию всеми уважаемого главного механика гаража Петра Георгиевича. Большинство вышедших из ресторана гостей стояли, оживленно разговаривая, в ожидании последнего ночного троллейбуса, наиболее нетерпеливые ловили редкие такси, кое-кто надеялся на попутные автомашины.

Никто, даже сам виновник торжества, кстати, водитель с большим стажем, не заметил, что пять человек вышли с черного хода и сели в микроавтобус «Латвия». Все они принимали участие в застолье, но этого им показалось мало, и «веселье» было решено продолжить. Захватили с собой несколько бутылок водки, закуску с юбилейного стола.

Борис Г. — водитель автомашины (за ним микроавтобус был закреплен на работе) хотел сесть за руль, но его опередил Юрий И. — механик того же гаража.

— Дозволь, Боба, взяться за руль, — попросил он. — Отсюда до моего дома каких-нибудь три-четыре километра, довезу кратчайшим путем...

— Моя машина, я и поеду. Руль постороннему не доверяю, — не совсем членораздельно возразил Боба.

Прервем на какое-то время этот спор.

Из протокола осмотра места происшествия: *«...установлено, что 21 августа, около часа ночи, микроавтобус «Латвия», следуя по городу со скоростью около 110 километров в час, на повороте выехал на тротуар, правой боковой частью ударился о металлическое ограждение и, смяв его, врезался в бетонный столб... В результате автоаварии четыре пассажира получили менее тяжкие телесные повреждения, один — тяжкие повреждения, от которых скончался в приемном покое больницы...»*

Случай был не менее сложный, чем предыдущий, и прошло немало времени, прежде чем эк-

спертам удалось доказать, что Боба все-таки доверил руль своему пьяному настойчивому приятелю.

Число подобных примеров велико. Память любого врача-травматолога, хирурга, судебного медика хранит их в избытке.

...Шофер туристского автобуса Карпов со своим напарником выпил в гостинице бутылку водки и бутылку шампанского. Спать легли около трех часов ночи. Утром они повезли группу туристов по Золотому кольцу. Естественно, за несколько часов действие алкоголя не прекратилось. Проехав десять километров, Карпов не справился с управлением, и автобус опрокинулся. Свыше двадцати человек получили тяжелые повреждения.

...Шофер автомобиля «УАЗ» Бирюков на Курском вокзале столицы поздним вечером посадил десять человек во вверенную ему служебную автомашину. Электрички уже ушли, люди торопились домой, никто не обратил внимания на то, что Бирюков пьян. Через час после начала движения автомобиль на большой скорости опрокинулся, все пассажиры погибли. Виновник аварии отделался легким переломом руки и несколькими ссадинами. По статье 211 Уголовного кодекса РСФСР он был осужден на пятнадцать лет лишения свободы. Но разве этот максимальный срок сопоставим с десятью человеческими жизнями?

Был и у меня случай, когда я сам оказался на волосок от гибели. В тот день я возвращался из дальнего района, куда накануне выехал по делам службы. Морозным вечером местный автоинспектор посадил меня в попутную автомашину. Проехали с десятков километров, и тут я заметил, что мой сосед по кабине пьян. Решение пришло мгновенно: едва показались огни ближайшей деревни, я попросил остановить машину и покинул ее. На морозе ждать пришлось довольно долго. Тут и десять минут покажутся вечностью. Лишь через полчаса мне, основательно продрогшему, удалось сесть в другую машину. Через несколько киломе-

тров в глубоком кювете мы с водителем увидели перевернувшийся грузовик. Когда, выйдя из машины, я спустился вниз, то в свете фар сверху узнал шофера, с которым совсем недавно сидел рядом.

Сейчас, когда автомобилей становится все больше и скорости их увеличиваются, растет и вероятность автокатастроф. Судебно-медицинский эксперт Ю. Сидоров, ссылаясь на иностранные источники, утверждает, что наезд на препятствие со скоростью 75 километров в час соответствует падению автомашины с высоты 125 метров, при этом водитель и пассажиры устремляются вперед с силой примерно в четыре тонны.

Водитель, садящийся за руль в нетрезвом состоянии, не только сам уподобляется человеку-самоубийце, но и вовлекает в возможную трагедию своих близких, знакомых, сослуживцев, попутчиков.

В самом начале очерка приведены три довольно редких случая (прыжок на спор со скалы в море, уход одиночки в горы без товарищей и попытка лечебного голодания, к счастью, с удачным исходом). В каждом из этих случаев люди, подвергая свою жизнь неоправданному риску, по сути дела становились потенциальными самоубийцами. Недавно в печати промелькнуло сообщение о том, что на Западе стал модным новый способ самоубийства: водитель садится в машину, разгоняет ее и на огромной скорости врежется в препятствие или встречный автомобиль. Но чем отличаются «герои» моего очерка и подобные им от западных автокамикадзе или от тех, кто решил свести счеты с жизнью каким-нибудь иным насильственным способом? Когда-то среди офицерства был популярен отчаянный способ самоубийства, называемый «русской рулеткой». Несколько человек закладывали в барабан револьвера единственную пулю, раскручивали барабан и по очереди подно-

сили ствол к виску. Кто-то один погибал от рокового выстрела. Принципиальной разницы между ними и моими «героями» я не нахожу, за исключением того, что пьяный водитель рискует не только своей жизнью.

В дни, когда я работал над этим материалом, раздался телефонный звонок. Через двадцать минут в оперативной машине я выехал на одну из городских магистралей, где был сбит человек. Неподалеку от пешеходного перехода двигавшаяся на огромной скорости легковая автомашина смертельно травмировала его и скрылась с места происшествия. На поиски преступника были брошены подразделения органов милиции и ГАИ. Не прошло и двух часов, как он был задержан. Вместе со следователем мы прибыли в гараж, где находился скрывшийся с места происшествия «Москвич». Смяты передний бампер и капот, разбито лобовое стекло, повреждена крыша (удар при наезде из-за большой скорости был настолько силен, что потерпевшего забросило на крышу). Преступником оказался водитель, который, приняв с утра изрядную дозу спиртного, на служебной автомашине отправился на рынок за покупками.

...Вы садитесь в автомашину. Не торопитесь, внимательно посмотрите на человека за рулем. Вдруг рядом с вами поклонник авторулетки. В таком случае немедленно выходите из машины. А еще лучше — позвоните в милицию или ГАИ.

Квартира номер семь

Мы сворачиваем за угол и входим в полуосвещенный подъезд старого двухэтажного дома. На первом этаже прямо перед нами дверь.

— Седьмая квартира, — говорит следователь, взглянув на цифру, написанную мелом на темно-коричневом дереве с потрескавшейся и давно облупившейся краской.

Миновав темную тесную прихожую, входим в кухню, оттуда в комнату. В окно смотрит хмурое зимнее утро. Руки ощупывают стены в поисках выключателя. Ага, вот и он. Однако света нет. Под ногами хрустит разбитое стекло. Постепенно глаза привыкают к полумраку. Но работать в таких условиях невозможно. Следователь выходит и вскоре возвращается с двумя лампочками — одолжил у соседей. Ввинчиваем их в патроны. Помещение заливают яркий свет. Инстинктивно замуриваю глаза.

Дежурная оперативная группа — следователь прокуратуры, инспектор уголовного розыска, эксперт-криминалист и судебно-медицинский эксперт — начала свою работу по осмотру места происшествия.

Вот что мы увидели. На кухне в углу автомобильное сиденье, кое-где с выступающими из-под рваной кожи пружинами. Прямо на нем гора грязной посуды, окурки, куски хлеба. На подоконнике и под ним множество пустых бутылок. Дотошный инспектор из уголовного розыска взялся их подсчитывать, насчитал во всей квартире 92 штуки. «Без малого сотня», — с мрачным юмором сказал следователь, внося эту цифру в протокол осмотра. Но главным «украшением» кухни был стол. Уже потом, когда мы ушли отсюда, я подумал, что человек даже с изощренной фантазией, наверное, не смог бы представить себе ничего более «живописного». В центре стола среди всеобщего хаоса печальным монументом возвышался электрический утюг. Его хромированные бока отражали пустые стаканы (из них два разбитых) и сковородку с остатками какой-то еды. На столе, как и везде, множество окурков, обгоревшая газета — видно, пепельница считалась излишней роскошью. Возникни здесь пожар, это было бы скорее не случайностью, а закономерностью. Еще стояла на столе бутылка с остатками красноватой жидкости, валялись два грязных ножа, пустые банки... Возможно, я что-то упустил. В оправдание скажу, что пишу по памяти, под рукой нет протокола осмотра. Вот там все в точности и гораздо подробнее.

В комнате на стенах местами не было обоев, виднелась пожелтевшая штукатурка. Удивляло почти полное отсутствие мебели. В углу комнаты стояла кровать с потемневшей металлической обивкой, рядом с ней, прямо на полу, телевизор. Кровать поражала тем, что на ней вообще не было каких-нибудь принадлежностей человеческого

ложка, даже матраса, не говоря уж о подушке, простыне, одеяле. Рваная металлическая сетка — и все. В комнате кругом валялись пустые бутылки, окурки, пара рваных женских туфель (одна на телевизоре), хрустело под ногами разбитое стекло. Еще одну дамскую босоножку нашли под кроватью, рядом множество пустых консервных банок: килька, килька, еще килька...

Однако мы пришли сюда не ради любопытства и простого созерцания. Дело было серьезное. На стенах комнаты, местами на полу, на дверном проеме в кухню виднелись бурые пятна, похожие на кровь.

Выявлению следов крови на месте происшествия с давних пор придавалось большое значение. Тщательное изучение их, судебно-медицинская и следственная оценка часто помогают устанавливать истину по сложным и запутанным уголовным делам.

Если человеку нанесены повреждения, нарушившие целостность кровеносных сосудов, следы крови возникают не хаотично. Механизм их образования подчиняется определенным физическим законам. Кровь может свободно изливаться, капать на пол или другую поверхность, разбрызгиваться при ударах, срываться с плоскости окровавленного предмета и т. п. Криминалисты и эксперты различают такие следы крови, как потеки, пятна, брызги, помарки, отпечатки, комбинированные следы. Всегда учитывается, что в некоторых случаях первоначальная форма следов крови может измениться под влиянием внешних факторов (снег, дождь, грязь). Порой преступник пытается уничтожить следы крови, и тогда они тоже меняются (например, замытые следы).

Приведу интересный пример установления истины по следам крови. В отделение милиции обратился гражданин с окровавленным лицом; он показал, что несколько минут назад в электричке

подвергся разбойному нападению неизвестного. Разбив ему лицо, преступник отнял часы и кошелек. Вскоре в вагоне электропоезда был обнаружен мужчина лет 25—30, на рубашке которого имелись многочисленные пятна от брызг, похожие на кровь. Задержанный заявил, что пятна на рубашке образовались в результате кровотечения из его собственного носа. Так как кровь потерпевшего и подозреваемого совпадала по группе, было решено по форме и расположению следов на рубашке определить механизм их образования. Изучение следов показало, что они не могли возникнуть в результате носового кровотечения, причиной их появления мог явиться удар тупым предметом по кровоточащей поверхности, причем источник кровотечения находился на расстоянии примерно 50 см от рубашки.

Если биологические свойства крови (вид, группа, половая принадлежность) изучены сравнительно недавно — в конце прошлого века и нынешнем столетии, то форма ее следов известна человечеству с незапамятных времен. При случае обратите внимание на картины старых мастеров, где сюжеты связаны с ранениями или насильственной смертью. На многих картинах удивительно точно передана форма следов крови. Живописец эпохи Возрождения венецианец Антонелло де Мессина в своем творении «Св. Себастьян» (1476 г.), считающемся одним из шедевров Дрезденской галереи, изображает гибель юноши, пронзенного стрелами. Красочную репродукцию этой картины я рассматривал не только с эстетической, но и с чисто профессиональной точки зрения. В картине правильно передана форма направленных вниз вертикальных потеков крови (юноша стоит), а из раны в верхней части груди справа кровь стекает отдельными каплями, что объясняется выпуклым рельефом атлетической грудной клетки Себастьяна. На стопах заметны крупные пятна крови (от падения ее из кровоте-

чащих ран на груди и животе). Впереди от ног на каменном полу — большая лужа крови. Такие подробности и сегодня могут сделать честь любому судебному медику, если он их так же тщательно опишет в протоколе осмотра места происшествия. Интересно, что в полотне «Св. Себастьян» другого великого венецианца — Тициана, созданном на тот же сюжет почти сто лет спустя, около 1570 года, и хранящемся в Эрмитаже, таких подробностей нет.

Но вернемся в квартиру номер семь.

— Вчера тут почти весь день шумели, была драка, — сказала заглянувшая в дверь соседка.

— И не только драка, — уточнил следователь.

Женщина постояла и ушла, а мы со следователем и экспертом-криминалистом Владимиром Кузнецовым в присутствии понятых продолжали осмотр, сосредоточив внимание на фиксации, фотографировании и изъятии для последующего исследования многочисленных следов крови. Накануне в квартире побывало немало разных людей, и чья это кровь — еще предстояло выяснить.

Хозяина седьмой квартиры Ростислава Васильевича Ватникова дома не было. Опережая события, скажу, что в дальнейшем милиции пришлось приложить немало усилий, чтобы разыскать его и вызвать в прокуратуру для беседы. Биография Ватникова особого интереса не представляет, однако есть в ней свои характерные вехи. В свои пятьдесят с небольшим Ватников был дважды женат, имеет двух сыновей, но семьи у него давно уже нет. Ранее был судим за кражу. Несколько лет назад с ним случилось несчастье. Морозным зимним вечером, находясь в нетрезвом состоянии, он так обморозил ноги, что их пришлось ампутировать. С тех пор называет себя инвалидом Великой Отечественной войны, и многие этому верят.

А вот собственные показания Ватникова, су-

щественно дополняющие его биографию: «Часто меня посещает молодежь. Одному, знаете, скучновато бывает, вот и заходят погреться. Говорим о том о сем, больше о жизни. Мне, инвалиду войны, приятно посидеть с ребятами, рассказать им о прошлом... Для веселья заходят женщины. Выпивают, угощают и меня. В тот день, 25 января, я с утра был пьян, выпил две бутылки, ничего не помню. Знаю, что в квартире было много народу, наверное, не меньше пятнадцати человек. Драка? Да, было что-то похожее. Но я спал».

Итак, драка. Да, она действительно была. Через какое-то время следствие все разложило по полочкам. В уголовном деле есть показания соседей, свидетелей, очевидцев. Сухие официальные строки протоколов, допросов, бесед. Воспользуемся ими и представим себе, как все происходило.

В прокуренном полумраке квартиры Ватникова веселится подвыпившая компания. Одни приходят, другие уходят. За вечер тут перебивало не менее 20 человек, были и женщины. Время от времени выкрики нетрезвых людей перемежаются бранью.

А в это время рядом, всего в пяти минутах ходьбы, в четком трудовом ритме работает крупный завод. Конец месяца. Некоторые из тех, кто сейчас «гуляет» в седьмой квартире, должны находиться там — в цехах, у станков. Потом в соответствующие органы они представят справки, кое-кто больничные листы, будут давать объяснения, каяться устно и письменно...

Уже поздно, но пьяная компания не расходится. Спиртное, выпитое в течение дня, все больше дает о себе знать. Ругань, пьяные выкрики, смех чередуются с хоровым пением, мешая отдыхать соседям по дому. Стихийно возникает драка. Сцепились двое, Савинов и Григорьев. У одного идет кровь из носа, у другого рассечена губа. Кто-то разнимает дерущихся. Григорьев уходит.

Но атмосфера накалена. И вот Савинов берет в руки нож. Только что им открывали консервную банку, резали хлеб. Теперь он перестает быть предметом обихода и становится орудием преступления. Савинов с ножом выходит на улицу. После душного помещения морозный воздух еще сильнее пьянит его. Он догоняет Григорьева и наносит ему ножевой удар в спину.

Вскоре по звонку из больницы, куда «скорая помощь» доставила потерпевшего, оперативная группа выехала на Литейную.

Впрочем, милиция бывала здесь и раньше. Причем не один раз. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть уголовное дело. Вот краткая характеристика предшествовавших событий. В мае прошлого года в квартире Ватникова были обнаружены краденые вещи. В сентябре тут произошла пьяная драка, прервать которую смогла только подъехавшая по вызову соседей патрульная автомашина. Среди прочих документов — официальное предостережение райотдела милиции Ватникову, наконец, соответствующее отношение, посланное из райотдела начальнику ЖКО. Вот коротко его содержание: *«Направляем Вам материал на Ватникова С. В., проживающего по ул. Литейная, 4, для принятия к нему мер общественного воздействия на заседании товарищеского суда и решения о выселении его из квартиры Вашего завода... В квартире Ватникова устраиваются пьянки, хулиганят посторонние, нарушаются правила санитарии, предоставляется место для проживания подозрительных лиц, тунеядцев, чем создаются ненормальные условия для граждан указанного дома. О принятых мерах незамедлительно сообщите в Октябрьский РОВД г. Владимира».*

Уже потом я узнал, что этот официальный документ пролежал без движения в столе у начальника ЖКО Терентьева более двух месяцев,

и только после случившейся трагедии он вспомнил о «бумаге из милиции».

Короткий январский день близился к концу, а осмотр места происшествия еще не был завершен. Савинов нанес Григорьеву ножевой удар на улице. Мы выходим из помещения с мощной переносной лампой и вскоре видим на снегу оранжево-красные пятна — вероятно, кровь.

— Пятна довольно крупные, диаметр два с половиной — три сантиметра. Судя по их размерам, кровь падала с довольно большой высоты, ранение находится приблизительно на уровне верхней части живота, — высказываю следовательно свои соображения.

Прерывистая цепочка пятен становится реже, теперь они имеют не круглую, а вытянуто-овальную форму. Значит, раненый бежал. В переулке, метрах в ста от Литейной, 4, пятна исчезают совсем.

— Вот отсюда «скорая помощь» увезла Григорьева, — произносит следователь, и мы останавливаемся.

Нож, которым воспользовался Савинов, сначала обнаружить не удалось. Обвиняемый утверждал, что выбросил его в урну рядом с домом. Ребята из комсомольского оперативного отряда, помогавшие милиции, осмотрели все урны на Литейной и прилегающих к ней улицах. Ножа не было.

Между тем следователь, принявший дело к производству, изъял в больнице одежду Григорьева. В физико-техническом отделении нашего бюро, изучив под микроскопом ее особенности, я пришел к выводу, что был использован клинок с односторонней заточкой, имеющий тонкий обухок с хорошо выраженными ребрами.

— Ширина клинка не должна превышать двух с половиной сантиметров, — сообщил я следователю по телефону. — Нож достаточно острый, о чем свидетельствуют идеально ровные

края повреждений на куртке и рубашке Григорьева.

Следователь помолчал, видно, что-то записывал, потом попросил:

— И все же, доктор, пока не оформляйте окончательное заключение. Возможно, нам удастся обнаружить нож, мы уже попросили о помощи дружинников и школьников.

Прошел день, другой, третий. Потом я уехал в командировку, а когда вернулся, увидел у себя на рабочем столе пакет из коричневой оберточной бумаги с краткой надписью: «Нож по делу Савинова». Позвонил в милицию.

— Нашла его на улице соседка Ватникова, — сказал мне следователь. — Валялся на снегу под доской от забора. Может быть, тот самый? Одно смущает — весь в ржавчине.

— Сейчас же посмотрю, — заверил я. — А далеко ли от доски, под которой лежал нож, до Литейной, 4?

— Суший пустяк, каких-нибудь двадцать метров. Я вот смотрю на план места происшествия в протоколе осмотра: почти рядом с этим местом начинается цепочка следов крови.

Ознакомившись с постановлением о назначении экспертизы, я взялся за пакет, в который следователь упаковал нож. Вскрыл его и увидел большой кухонный нож с деревянной рукояткой, клинок которого был густо покрыт ржавчиной. Нож как нож, такие используются в повседневном быту. Линейкой измерил наибольшую ширину клинка — два и три десятых сантиметра. Цифра подходящая, однако она пока еще ни о чем не говорит. Вот если лабораторный анализ подтвердит, тогда другое дело.

Включив стереоскопический микроскоп, под малым увеличением, продвигаясь миллиметр за миллиметром от основания к концу, начал осматривать клинок. Похоже, что ржавчина на нем свежая: цвет ее желтовато-оранжевый, насыщен-

ный, как иногда говорят в народе — ядовитый. Кромка лезвия достаточно острая, обушок тонкий, толщиной один миллиметр. По групповым признакам: ширине клинка, свойствам обуха и лезвия — нож, как принято считать среди криминалистов и экспертов, в качестве орудия травмы «не исключается»...

Когда я наконец добрался до кончика клинка и осторожно тонкой иглой снял с поверхности металла пленку ржавчины, то поначалу не поверил своим глазам. Кончика как такового не было. Отсутствовало самое острие длиной 4—5 миллиметров. Похоже было, что линия отлома свежая.

Я начал читать описание раневого канала, которое дал хирург при операции. *«...От кожной раны спины под углом около 45° раневой канал идет слева направо и снаружи внутрь, к средней линии тела... По ходу канала повреждены нижняя доля легкого и диафрагма».*

Средняя линия тела... Наверное, нож все-таки достиг позвоночника. А если так, не там ли конец клинка? Подобные случаи редко, но встречаются в судебно-медицинской практике. При сильном направленном ударе нож мог наткнуться на позвонок и сломаться. Что ж, придется сделать Григорьеву рентгенографию, тогда, если повезет, обломок клинка проявится на снимке.

Рентгеновские лучи были открыты в конце прошлого столетия (официально в 1895 году) немецким физиком Вильгельмом Рентгеном. Научный мир высоко оценил это достижение: Рентген первый из всех физиков планеты был удостоен Нобелевской премии. Позднее его открытие нашло широкое применение в самых разных сферах человеческой деятельности. И все же, пожалуй, наиболее важной областью использования чудо-лучей является медицина. Сейчас нет ни од-

ной мало-мальски удовлетворительно оснащенной больницы, в которой не был бы установлен рентгеновский аппарат. Он приходит на помощь при диагностике многих заболеваний легких, сердечно-сосудистой системы, опорно-двигательного аппарата, органов пищеварения, сложных переломов и т. д. Широкое применение нашли рентгеновские лучи в судебной медицине и криминалистике. Крупные бюро судебно-медицинской экспертизы оснащены теперь современной рентгеновской аппаратурой. Рентгенологические методы используются при повреждениях тупыми и острыми орудиями, при огнестрельной травме, при определении возраста, при исследованиях неопознанных и сильно измененных трупов.

Наконец согласие заведующего отделением получено. Григорьева, еще не совсем пришедшего в себя после операции, перевозим в рентгеновский кабинет.

Я слегка волнуясь. Уж сколько раз невидимые лучи помогали нам, экспертам, устанавливать истину, но в таких случаях каждый раз как впервые. Помнится, однажды мы искали пулю при огнестрельном ранении. Ход раневого канала тогда точно установить не удалось. Сделали несколько снимков, и нашли пулю в самом неожиданном месте — плечевом суставе. Сейчас ход раневого канала точно известен, зато иная сложность: слишком мал обломок ножа, всего четыре-пять миллиметров. А может быть, кончик сломался до рокового удара?

Однако, пока меня одолевают сомнения, рентгенограммы грудного отдела позвоночника у Григорьева уже сняты. Два снимка — в прямой и боковой проекциях. Минут двадцать уходит на обработку пленки. Наконец лаборант приносит снимки, с которых еще стекают капли воды. Врач-рентгенолог точным профессиональным движением укрепляет их под зажимами матово све-

тящегося экрана негатоскопа — специального прибора для изучения рентгеновских снимков. В молчании проходит минута, другая. На мерцающем экране отчетливо видны контуры позвонков. Контраст отличный, технически снимки выполнены безупречно.

— На боковой проекции ничего подозрительного, — говорит рентгенолог. — Может быть, на прямой повезет?

Заметно, что этого пожилого, уставшего к концу рабочего дня врача тоже увлек наш поиск. Он протирает большие темные очки концом халата и снова смотрит на экран.

— Коллега, взгляните-ка сюда! — карандаш, который он держит в руке, упирается в изображение боковой поверхности позвонка. — Вот видите, рядом с поперечным отростком какой-то очень маленький посторонний предмет. Заметьте, пятнышко хоть и темноватое, но отчетливое. Не исключено, что это кончик ножа. На костное образование не похоже. Обратите внимание, внутренний край пятнышка заострен.

Мы благодарим врача за помощь и выходим из кабинета. Вскоре после полной темноты глаза привыкают к дневному свету. Итак, рентгенограмма точно указала нам местонахождение кончика ножа. Длина острия такая, как и предполагалось, — пять миллиметров. Потом на фототаблицах это выглядело весьма эффектно: общий вид ножа с отломленным концом, рентгенограмма со стрелкой, указывающей на локализацию постороннего предмета в теле позвонка, сам кончик при большом увеличении снимка, наконец совмещение по линии отлома всего клинка с недостающим острием. Такая идентификационная экспертиза носит название «Установление целого по частям». Проводится она не часто, зато имеет большое доказательственное значение для следствия и суда. Теперь бесспорно, что нож, валявшийся под доской от забора, — именно то ору-

дие, которым преступник нанес удар Григорьеву в спину.

Процесс по делу о нанесении тяжких телесных повреждений Владимиру Григорьеву вела народный судья Людмила Васильевна Кулакова. Я зашел к ней через месяц после процесса, зная, что Савинов уже осужден на семь лет лишения свободы, а потерпевший на днях после окончания курса лечения выписался из больницы. Доставая по моей просьбе из сейфа уголовное дело, Людмила Васильевна сказала:

— А знаете, всего несколько дней назад мне опять пришлось столкнуться с Ватниковым. Мы разбирали гражданское дело о лишении родительских прав некоей Лотовой. Она ведет паразитический образ жизни, нигде не работает, пьянствует. У этой двадцативосьмилетней женщины есть сын, Саша. Он учится в первом классе, неплохо учится. Живет мальчик с отцом, который давно развелся с женой. Так вот, 25 января Лотова тоже была у Ватникова. Сейчас решением суда она лишена родительских прав и обязана выплачивать алименты отцу на содержание сына. Прочитайте уж заодно и это дело.

Она положила рядом с томом в коричневом переплете тоненькую голубую папку. С делом Савинова я был хорошо знаком (кстати, Ватников проходил в качестве свидетеля на суде по обвинению Савинова) и потому, отложив в сторону толстый том, открыл голубую папку. В ней было всего каких-нибудь 15—20 страниц. Чтение этого трагического документа не отняло много времени. В общем, все было так, как рассказала Людмила Васильевна. И мне подумалось: почему такие, как Ватников и Лотова, имеют равные права на жилье с теми, которые трудятся не в пример им, но живут в гораздо худших условиях?

Небольшое отступление. Когда оперативная

группа возвращалась с места происшествия, между следователем и инспектором уголовного розыска возник спор. Я полагаю, что не преступлю служебной тайны, если коротко коснусь темы разговора. Его начал инспектор. Устало откинувшись на сиденье и закурив, он сказал:

— Это мой район. Уж сколько раз я беседовал с Ватниковым, сколько раз предупреждал его!.. Представьте, этот дом и седьмая квартира иногда снились мне по ночам.

— Конечно, наиболее простым вариантом было бы выселение Ватникова и лишение его жилплощади, — наивно вставил я.

— А вы попробуйте это сделать! — инспектор взглянул на следователя. — Тут же получите указание прокуратуры об обратном вселении, да еще на орехи достанется. Мы, милиция, не в праве...

Следователь попытался возражать:

— Ну, если по всем правилам, в рамках закона и через суд...

— И тем не менее после нескольких жалоб такого выселяемого решение о выселении по протесту прокурора будет отменено. Да я вам подобных примеров не один десяток приведу...

Немало месяцев прошло с того январского дня, но я часто вспоминаю этот неоконченный спор и инспектора, честного, прямого человека, которого знаю давно. Он способен проявить настоящее мужество при задержании опасного преступника, но иногда бессилен перед такими, как Ватников.

Жизнь подобных ватниковых и лотовых «украшают» пьянство, разврат, кражи, драки с поножовщиной. Но ведь если бросить всю эту грязь на одну чашу весов Фемиды, а на другую положить судьбу восьмилетнего Саши, которому еще расти и расти, то нам далеко не безразлично, какая из чаш перевесит.

Седьмая квартира на Литейной, 4, до сих пор

у меня перед глазами. И причиной тому не только профессиональная память эксперта, тонкости расследования. Я уже говорил, что искать выброшенный преступником нож нам помогали ребята из комсомольского оперативного отряда. Так вот, я и сейчас слышу слова, сказанные симпатичным парнем — командиром отряда: «Нас в комнате даже поменьше этой живет шесть человек. На заводе очередь на квартиру еще не подошла. А тут всего один и такое успел натворить...»

Вот уж действительно «пока гром не грянул»... Размышляя о преступлении на Литейной, 4, я часто вспоминал эту поговорку. Солидный денежный штраф «отрезвил» Ватникова, и в старом доме рабочего поселка наконец-то воцарился покой. Но надолго ли?

Хроника необычного расследования

Следователь вошел в большую ярко освещенную комнату, в которой находились пятеро мужчин. Они сидели полукругом на равном расстоянии друг от друга. Внешне сидящие были совершенно разными: двое невысокого роста, оба русоволосые, лет около тридцати, один с усами и тощей бородкой, другой бледный с аккуратно выбритым лицом; третий — худощав, юн, еще не взрослый, но уже и не подросток; четвертый — широкоплеч, осанист, с кудрявой светлой головой, строен и подтянут — видимо, спортсмен; наконец, крайний справа — высокий мужчина с невыразительным усталым лицом.

Оглядев их, следователь сел на стол — единственный находившийся в помещении предмет мебели помимо стульев. Минутой спустя в комнату вошел молодой человек интеллигентной внешности с густыми темно-каштановыми волосами в от-

глаженном костюме и при галстукe в тон рубашке. Он стал по очереди обходить каждого из пятерых. Последовало несколько стандартных вопросов: фамилия, имя, отчество, род занятий, место жительства. Поинтересовался образованием каждого, одного спросил о школе рабочей молодежи, другого — об институте, в который тот недавно поступил. Затем всем пятерым было предложено раздеться до пояса. Молодой человек вновь стал обходить сидящих. Он внимательным взглядом охватывал фигуру каждого, задерживаясь на лице, провел какие-то лишь ему понятные тесты, ощупывал руки и ноги. Окончив осмотр, он сел рядом со следователем и о чем-то переговорил с ним. Вскоре следователь, назвав фамилии, отпустил четверых. Остался лишь один — подозреваемый.

В общем-то, такие ситуации уже случались в практике следователя Терещенко. Он мог бы рассказать, как совсем недавно в его кабинете находились трое мужчин, задержанных по подозрению в грабеже. Свидетельница, видевшая, как один из них вырвал сумочку у молодой женщины, едва войдя сюда, уверенно опознала преступника. Теперь была, наверное, аналогичная ситуация. Но на этом сходство можно было считать исчерпанным.

Любому человеку, даже далекому от юриспруденции, понятно, насколько важна роль свидетельских показаний. За годы экспертной работы мне приходилось неоднократно бывать в судах, участвовать в процессах. Я видел множество свидетелей — пожилых и молодых, мужчин и женщин, стариков и детей. Большинство из них искренне стремились помочь правосудию, но встречались и такие, которые пытались запутать следствие, сбить его с пути истины.

Молодой человек, столь внимательно осматривавший пятерых мужчин, тоже был свидетелем. Но свидетелем необычным, даже уникальным. Та-

ких еще никогда не было в юридической практике. Лично он не присутствовал при происшествии (скажу, забегая вперед, — при совершении серьезного преступления). Однако он по каким-то известным лишь ему признакам не так уж мало знал о человеке, вступившем в конфликт с законом.

В дальней деревеньке Горьковской области — Голибино неизвестным лицом было совершено преступление.

На окраине деревни стоял выдавший виды дом, принадлежащий одинокой пожилой женщине. Авдотья Павловна получала скромную пенсию, имела небольшой огород и в общем-то жила хоть и без излишеств, но в достатке. Старушке в наследство осталось от родных несколько икон. Потемневшие от времени доски скупно освещались лампадкой, стоявшей в углу комнаты. Однажды на иконы зашел посмотреть племянник соседей — художник из Москвы. Зашел на минутку, а пробыл несколько часов. Оказалось, что среди десятка икон, не имевших никакой ценности, три были редкие и древние — XVII век, владимиро-суздальская школа живописи. Как они попали к Авдотье Павловне — неизвестно. Потом высказывались предположения, что иконы могли прежде находиться в дворянском имении, расположенном неподалеку, в десяти километрах от деревни.

С тех пор в Голибино зачастили столичные гости. Места вокруг деревни красивые: рядом великолепная березовая роща, тихий печальный пруд в окружении лип, посаженных еще в прошлом веке. Но гостей интересовали не прелести местной природы. Приезжие останавливались у покосившегося дома, где жила Авдотья Павловна. Старушка, однако, оказалась несговорчивой. Она наотрез, ни за какие деньги не соглашалась продать редкие иконы. «Вот помру, тогда берите хоть даром», — говорила она, провожая очеред-

ного покупателя. Машины приезжали и уезжали, а иконы продолжали висеть в красном углу. Правда, хозяйка стала чаще стирать с них пыль: как-то неудобно, люди все едут и едут смотреть, словно в музей, да еще говорят — ценность.

Утром в понедельник соседка, забежавшая к Авдотье Павловне по каким-то житейским делам, обнаружила ее лежащей на полу без сознания с окровавленным лицом. Скромные предметы мебели были перевернуты, вещи разбросаны. Вся обстановка в доме свидетельствовала о том, что здесь совершено преступление. Иконы, как и следовало ожидать, пропали. Но не все, лишь те три редкие, XVII века.

Появившийся вскоре участковый приступил к осмотру места происшествия, он же по телефону вызвал из райотдела милиции оперативную группу со служебно-розыскной собакой. Отпечатков пальцев эксперт-криминалист не обнаружил — похоже, опыт в этом деле у грабителей имелся, действовали в перчатках. Каких-либо иных следов тоже не нашли, за исключением окурка сигареты, небрежно брошенного во дворе и вмятого в грязь чьей-то ногой.

Авдотью Павловну с травмой головы перевезли в местную больницу. Тут над ней начал хлопотать почти весь наличный персонал небольшого лечебного учреждения, а также врач-невропатолог, срочно приехавший из райцентра. В момент осмотра врач вдруг заметил в сжатой руке старушки прядь волос, осторожно вынул ее и положил на тумбочку. Невропатолог уже собрался уходить, как тут в палату вошел следователь Терещенко, прибывший в Голибино в составе опергруппы.

— Как потерпевшая? — спросил он.

— Пока состояние тяжелое. Ушиб мозга, похоже, есть и небольшое кровоизлияние под мягкую мозговую оболочку.

— Значит, с допросом придется подождать.

дать, — разочарованно произнес Терещенко. И тут он увидел прядь волос на тумбочке. — Откуда это, доктор?

— Я вынул из правой руки больной. Пальцы судорогой свело, еле разжал.

Следователь внимательно посмотрел на волосы, достал из папки чистый лист бумаги и стряхнул их на него.

— По цвету такие же, как у Авдотьи Павловны. Но с чего бы старушке вырывать собственные волосы? Отправлю в область, судмедэксперты разберутся что к чему.

На следующий день Терещенко лично завез прядь волос в Горьковское областное бюро судебно-медицинской экспертизы. Туда же в отдельном пакете он передал окурок сигареты, обнаруженный во дворе. К сожалению, иных «вещественных доказательств» он не имел.

Что и говорить, улики, которыми пока располагало следствие, были весьма скудными. Обнадеживало то, что лабораторная судебно-медицинская экспертиза крови, волос и выделений человека, а также клеток кожи в настоящее время проводится на высоком научном уровне. Применительно к крови, например, внедрены в практику методы, позволяющие по мельчайшему пятну установить ее видовую принадлежность (человеку или животному), группу, а также пол (мужской или женский). Приблизительно в таких же аспектах исследуются другие объекты: слюна, волосы, клетки внутренних органов. Разработаны рациональные методы их дифференциации с учетом того, что групповая и половая принадлежность лимфоцитов тканей и выделений каждого конкретного человека соответствует его группе крови и полу.

Прядь волос была передана заведующему физико-техническим отделением кандидату медицинских наук Андрею Леонидовичу Федоровцеву. Андрей Леонидович тесно связан с научными изысканиями кафедры судебной медицины Горь-

ковского медицинского института, является ее питомцем. Он счастливо сочетает в себе навыки эксперта-биолога и солидные знания по общей судебной медицине и криминалистике. Несколько лет назад Федоровцев увлекся судебно-медицинской цитологией (в переводе с латинского это слово означает «учение о клетке»). Известно, что микроскопические клетки поврежденных органов и тканей человека могут быть обнаружены в качестве вещественных следов травмы на различных орудиях, острых и тупых, на пулях при огнестрельных ранениях, на автомашинах после столкновения с человеком. Иногда их выявляют на теле и одежде преступника, у него под ногтями, на иных предметах. Федоровцев может работать с очень малым количеством материала — микроследами, и это делает его экспертизы особенно ценными.

Итак, пучок волос. На первый взгляд, эти волосы действительно казались сходными по цвету и длине с волосами потерпевшей. Позднее я узнал, что в распоряжении Андрея Леонидовича из нескольких десятков волос пригодным для исследования оказался лишь один. Он сохранил свой корень с влагалищными оболочками и стержень, тогда как у остальных корневая часть полностью отсутствовала.

Федоровцев понял, что этот волос может дать ценную информацию. Вначале он определил группу крови (третья) и пол (мужской). Следовательно, волос принадлежал не потерпевшей, а преступнику — мужчине, имеющему третью группу крови. Обычно подобные экспертизы на этом заканчиваются. Но Андрей Леонидович попытался пойти дальше. Он решил исследовать цитогенетическое строение волоса.

Вот тут нам не обойтись без знания основ генетики. Когда я сам учился в медицинском институте, нам эту науку не преподавали. Волевым решением она, к сожалению, на многие годы бы-

ла вообще изъята из учебных планов подготовки будущих врачей. Федоровцеву в этом отношении повезло. В период его учебы в медицинском генетика уже перестала быть «золушкой» в науке и заняла свое законное место в ряду других дисциплин во всех медико-биологических институтах страны.

Механизм наследования весьма сложен. Каждая клетка человека состоит из двух основных структур — цитоплазмы и ядра. В клеточках ядра находятся нитевидные структуры, называемые хромосомами. Установлено, что эти мельчайшие тельца и являются носителями генетической информации.

Для здорового человека характерно постоянное количество хромосом в клетке — 46. Двадцать две пары хромосом одинаковы как для мужчин, так и для женщин, а двадцать третья пара относится к так называемым половым хромосомам. Они условно обозначаются для женщины XX, для мужчины — XY. Осюда для женщин характерен следующий набор хромосом: $44+XX$, а для мужчин — $44+XY$. Выявление в клеточных ядрах так называемого X-хроматина (части X-хромосомы) указывает на женский пол, а Y-хроматина (части Y-хромосомы) — на мужской. У животных Y-хроматин обнаруживается только в ядрах самцов горилл, которые на территории нашей страны не встречаются. Поэтому в экспертной практике факт выявления Y-хроматина в ядрах клеток, обнаруженных на орудиях травмы или на других вещественных доказательствах, бесспорно свидетельствует о принадлежности этих клеток мужчине.

Совокупность генов организма, полученных от родителей, составляет его генотип. Наряду с этим термином используется и другой — фенотип, под которым понимают комплекс внешних признаков человека: строение лица, цвет волос и глаз, рост и т. п. Для медиков эти понятия не абстрактны.

Они уже используются в диагностике целого ряда наследственных дефектов, так как некоторые заболевания имеют свой характерный фенотип, выраженный во внешности только что рожденного ребенка. «Уникальность каждого человека выражается набором генов, — пишет известный советский ученый, академик Н. М. Амосов, — они определяют его физические и психические черты».

На этом минимуме сведений по генетике пока остановимся, чтобы вернуться к исследованию, проведенному А. Л. Федоровцевым.

— К счастью, этот волос, обнаруженный среди других в руке потерпевшей, сохранился хорошо, — рассказывал Андрей Леонидович. — В препаратах, окрашенных акрихином, под люминесцентным микроскопом было найдено 9 ядер клеток, пригодных для исследования, все они содержали У-хроматин, то есть указывали на принадлежность мужчине. Вдруг замечаю незнакомую деталь: в 5 ядрах из 9 У-хроматин представлен не одним образованием, как бывает в норме, а двумя равной величины светящимися тельцами, расположенными в разных полюсах ядра.

Он показал мне цветные фотографии и слайды, изготовленные в ходе экспертизы. Выполненные на высоком профессиональном уровне, они впечатляли. Снимки были сделаны с поля зрения люминесцентного микроскопа, где специальный осветитель вызывает свечение тканей. На тускло-ватом бледно-зеленом фоне клетки контрастно выделялось ярко-зеленое ядро, а у его полюсов симметрично, словно зрачки диковинного животного, светились тельца У-хроматина.

— Наличие этих двух телец на противоположных полюсах ядра, — продолжал Федоровцев, — свидетельствовало о том, что у мужчины, которому принадлежал волос, имелся дефектный набор генов с лишней половой хромосомой. Формула не $44+XU$, как бывает в норме, а $44+XUU$. Эта ано-

малия слабо изучена, встречаемость ее среди мужского населения уточняется учеными. Носители ее имеют ряд особенностей как во внешнем облике, так и в психическом и физическом развитии. — После небольшой паузы, словно давая мне возможность осмыслить услышанное, мой собеседник задал вопрос: — Каковы же эти особенности? — И сам тут же ответил на него: — Высокий рост и астеническое телосложение, то есть узкие плечи, длинные руки и ноги. Сниженный интеллект, граничащий с умственной отсталостью. Иногда варикозное расширение вен на ногах, пониженная воспроизводительная способность (чаще всего невозможность иметь детей). Наконец, что чрезвычайно важно, повышенная агрессивность.

Теперь небольшое отступление. Цель его — рассказать читателю о методах идентификации конкретного лица, разыскиваемого органами правосудия. Что и говорить, возможности такой идентификации — это вопрос вопросов, издавна занимавший и поныне занимающий умы тех, кто имеет отношение к борьбе с преступностью.

В начале восьмидесятых годов прошлого столетия сначала во Франции, а потом и в других странах Европы получил распространение антропометрический метод идентификации, разработанный писарем парижской полиции Альфонсом Бертильоном. Этот метод заключается в измерениях роста и частей человеческого тела: головы, рук, ног и т. п. Бертильон утверждал, что, если у любого человека сделать четырнадцать измерений и зафиксировать их в картотеке, вероятность выявления другого человека с такими же точно антропометрическими данными практически исключается.

Уже в начале нашего века этот метод уступил место дактилоскопии — идентификации личности

по пальцевым отпечаткам. В настоящее время дактилоскопия занимает ведущее место в системе розыска.

Еще один метод отождествления личности человека связан с судебно-медицинской гематологией — наукой, изучающей кровь и ее следы. В наше время в общеизвестных четырех группах ученые выделили ряд дополнительных систем и подгрупп. Тем самым судебно-медицинская наука приблизилась к пока еще не решенной задаче — установлению конкретного лица по крови.

Еще один метод идентификации человека, о котором хотелось бы упомянуть, известен читателю из детективов. Научное его название звучит так: моделирование внешнего облика разыскиваемого посредством фотомонтажа и рисованного портрета. Суть метода состоит в том, что по показаниям очевидцев и свидетелей составляется подробное описание человека — словесный портрет. Затем этот портрет рисуется художником или моделируется с помощью специального прибора — фоторобота.

Все описанные методы и приемы идентификации можно отнести к числу классических. Открытие их, развитие и внедрение в судебно-следственную практику иногда затягивалось на годы. И до сих пор исследования, связанные с использованием этих методов, продолжаются. Создание же внешнего облика преступника на основании его генетического кода — дело будущего. Этот метод, несомненно, откроет перед судебной медициной и криминалистикой — сравнительно молодыми и развивающимися науками — новые перспективы и возможности.

Ровно через полторы недели — столько времени потребовалось Федоровцеву на его исследования — он сообщил приметы предполагаемого преступника следователю Терещенко. Отталкиваясь от выявленной им генетической аномалии клеток,

эксперт «нарисовал» портрет. До сих пор в отечественной да, пожалуй, и в мировой следственной практике подобные портреты «рисовали» лишь свидетели и очевидцы.

Получив важные данные, Терещенко и сотрудники уголовного розыска проявили завидную оперативность. В конце концов задержали пятерых мужчин. Внешне они не были похожи друг на друга, подозреваемых объединяли лишь два признака — светлый цвет волос и третья группа крови.

Вернемся теперь к началу нашего рассказа. Следователь собрал всех пятерых в одной комнате и пригласил судмедэксперта для освидетельствования. Помните молодого человека с интеллигентной внешностью и густой темно-каштановой шевелюрой? Это и был Андрей Леонидович Федоровцев.

Он осмотрел каждого из задержанных. Помимо внешнего облика (рост, телосложение, цвет волос и глаз, длина рук и ног) он интересовался их местом работы, учебы, родом занятий. В течение короткого времени, за каких-нибудь 15—20 минут, он попытался «совместить» не только внешность, но и психологию, интеллект пока еще абстрактного лица с конкретным человеком, находившимся в комнате. Этим человеком оказался субъект крайний справа, которого я раньше представил как высокого мужчину с невыразительным усталым лицом.

Андрей Леонидович сразу же обратил внимание на его рост, худощавость, неестественно длинные руки и ноги, светлые, почти белые волосы. Не тронутые загаром ноги казались мраморными, словно из воска, если бы не голубые веточки вен. Эксперт нагнулся, провел рукой по коже голени. Его чуткая ладонь нащупала одно утолщение, рядом другое, третье. Варикозное расширение вен было налицо. Федоровцев задал блондину несколько вопросов. К 36 годам тот окончил

четыре класса, был дважды женат, но детей не имел. Ранее судим: в пьяной драке нанес своему товарищу ножевое ранение. Вспомним, один из главных признаков лиц с дефектным набором генов — повышенная агрессивность.

Подозреваемый — им оказался Леонид Щербаков, москвич — работал ночным сторожем в реставрационной мастерской. Он полностью отрицал возможность своего пребывания в Голибино (более чем за 500 километров от Москвы), утверждал, что за последние два-три года ни разу не выезжал из столицы. Казалось, следствие зашло в тупик.

Но Федоровцев не сдавался. По его просьбе Терещенко дополнительно представил на исследование образцы волос и кровь всех пятерых мужчин. Андрей Леонидович работал по двенадцать часов в сутки, почти не выходя из лаборатории. Вскоре Терещенко получил новое заключение эксперта. Из него вытекало, что в клетках корневых частей волос с головы Щербакова выявлены дополнительные У-хромосомы. Этот же признак был обнаружен и в лейкоцитах крови Щербакова, то есть диагностирована та самая генетическая аномалия, о которой эксперт писал в своем первом заключении при исследовании волоса. У остальных четверых мужчин хромосомные отклонения отсутствовали.

В конце концов подозреваемый признал себя виновным.

В воскресенье, отдежуривав свою смену, Щербаков вместе с художником мастерских Валентином Шарко, который раньше бывал в Голибино, выехал на автомашине Шарко в Горьковскую область. Дождавшись наступления темноты, они проникли в дом Авдотьи Павловны и ограбили старушку, забрав ценные иконы. Хозяйка пыталась оказать сопротивление, и тогда Щербаков нанес ей удар по голове монтировкой, взятой из машины. Но за несколько секунд до этого потер-

певшая, сопротивляясь, вырвала из головы преступника пучок волос.

Кстати, Валентин Шарко тоже оказался «привязанным» к месту происшествия. «Привязал» его окурок от сигареты «Ява», небрежно брошенный во дворе. Групповая принадлежность слюны на окурке совпадала с группой крови Шарко.

После того как Андрей Леонидович подробно рассказал мне обо всех этапах исследований, расследования и, наконец, раскрытия преступления, я задал своему коллеге наивный вопрос:

— Значит, выявление хромосомной аномалии у человека свидетельствует о его преступных наклонностях?

— Конечно же, нет. Иначе все было бы слишком просто, — ответил Федоровцев. — В процессе экспертизы и после нее я просмотрел немало различных научных работ по проблемам генетики, в большинстве из них это предположение опровергается.

Позднее я тоже ознакомился с некоторыми научными и социологическими работами по этой тематике и узнал много интересного.

Приблизительно с начала шестидесятых годов в зарубежной медицинской и криминалистической литературе, прежде всего в США, высказывалась идея, что хромосомные аномалии могут быть причиной преступного поведения человека. Сторонники теории Чезаре Ломброзо — итальянского врача-психиатра, еще в прошлом веке доказывавшего связь между преступными наклонностями человека и специфическими чертами его внешности (формой черепа, аномалиями частей тела и т. п.), встретили эту идею с восторгом. Дело дошло до того, что в некоторых юридических журналах США и Канады появились научные статьи, в которых предлагалось изолировать мужчин с лишними У-хромосомами, даже если они не совершили каких-либо антиобщественных поступков.

Видные советские эксперты П. П. Ширинский и А. П. Громов опубликовали по этому вопросу большую проблемную статью на страницах журнала «Судебно-медицинская экспертиза». В этой статье, ссылаясь на мнение большинства членов VII Международного конгресса криминологов (состоялся в Белграде, присутствовало свыше 600 ученых из 53 стран), авторы утверждают: «...проведенные за последнее время генетиками и криминалистами исследования хромосомных аномалий у нескольких десятков тысяч человек показали, что хромосомные аномалии имеются у различных контингентов людей и не могут рассматриваться как причины преступности».

Сопоставляя эти данные с экспертизой Федорцева, можно сделать вывод: генетические отклонения в хромосомах человека иногда известным образом влияют на его внешность и поведение (что и должны взять на вооружение судебные медики и криминалисты), однако преувеличивать значение этих отклонений нельзя.

А теперь еще раз о возможностях идентификации личности. Нередко можно услышать мнение, что перед смертью в глазах жертвы, словно на пленке фотоаппарата, остается изображение преступника. Сам я, как и все судебные медики, считал это вымыслом, не заслуживающим серьезного внимания. Однако недавно в экспериментах на животных немецким ученым с помощью современной фотоаппаратуры удалось получить с их глаз довольно четкие изображения многих предметов, находившихся перед животными. Значит, вымысел может со временем стать явью. Согласитесь, не самый ли быстрый и оптимальный среди всех ранее известных метод идентификации преступника?

С прогрессом науки, общей медицины и биологии судебная медицина и криминалистика выходят на новые рубежи. Известный американский

генетик О. Милунски на страницах книги «Найдите свои гены» (Москва, 1981) пишет: «Существуют без преувеличения сотни и тысячи белков, к исследованию которых можно прибегнуть, если возникнет особая необходимость идентифицировать личность. В одном только эритроците расположено более 250 различных белков... Вот почему результаты генетического исследования в настоящее время приобрели большое значение в раскрытии преступлений. На основе разных генетических исследований крови мы получили возможность точно устанавливать различия между людьми. Такая идентификация почти столь же надежна, как и отпечатки пальцев! А если к этому добавить уникальную характеристику хромосом индивидуума, то возможности доказать вину подозреваемого окажутся широкими, а основания — чрезвычайно надежными».

«Интеллектуалы»

Как-то выехал я в один из районов по срочному делу: машина, сбив пастуха на проселочной дороге, ушла в ночь.

— Надо же, — сокрушался начальник райотдела милиции, — за одну ночь в районе два серьезных преступления. Впрочем, полюбуйтесь сами.

Он подошел к сейфу и достал оттуда пачку денег. Десятирублевые банкноты пошли по рукам. На вид деньги как деньги. Большинство купюр побывало в употреблении, но встречались единичные новенькие, похрустывающие от свежести.

— Фальшивые? — предположил кто-то.

Начальник не ответил, он разговаривал по телефону. И тут опытный оперативник Алексей Иванович Парфенов из областного уголовного розыска, повертев в руке десятку, произнес:

— Деньги самые настоящие. Только добыва-

лись они весьма варварским способом. Взгляните-ка сюда.

На красноватом фоне купюры я увидел крошечную точку. Рядом еще одну, поменьше первой.

— Следы от сварки, — пояснил Парфенов. — Сейф вскрывали автогенем. Знакомый почерк. Это уже третий случай за последние месяцы.

Вскоре мы отправились на место дорожного происшествия. Осмотр его многое прояснил, и к вечеру того же дня лихач-водитель был установлен. А вот взломщиков сейфа тогда так и не удалось задержать. Вспомнил я о тех деньгах в зале областного суда, где слушалось дело по обвинению братьев Коноваловых.

Из заключения по уголовному делу № 634: *«...длительное время не работавшие и проживавшие без прописки, братья Вячеслав и Анатолий Коноваловы договорились о совместном совершении краж денежных средств из сейфов контор совхозов области. С этой целью они завладели газосварочным аппаратом, приобрели различные слесарные инструменты... Совершению преступлений предшествовала предварительная подготовка, заключающаяся в выборе наиболее удобных объектов преступных посягательств (контор совхозов, расположенных близко от шоссейных дорог), а также в выяснении времени выдачи заработной платы работникам совхозов. ...Всего похищено государственного имущества на сумму 23 166 рублей».*

За барьером двое. Внешне родные братья не похожи друг на друга. Старшему, Вячеславу, двадцать семь. Он высок, темноволос, хорошо сложен, нетороплив и обстоятелен в движениях. Анатолий двумя годами моложе, по-юношески худощав, с русыми усами «подковной».

До двадцати семи лет жизнь Вячеслава в общем-то не отличалась от жизни многих его сверст-

ников. К этому времени, окончив Горьковское речное училище и получив специальность, он три года отработал на судостроительном заводе. Затем переехал в родную деревню, где жили родители, брат — крепкая, хорошо обеспеченная семья. Но село не устраивало ни Вячеслава, ни Анатолия. Братья перебрались в областной центр, поселились у родственников. Вячеслав устроился на электромеханический завод, Анатолий — шофером в типографию. Получали они не меньше других, но, вероятно, избалованность с детства, привычка получать желаемое по первому требованию и подвели Коноваловых. Зарплата их явно не удовлетворяла. Потом, объясняя «случившееся», Вячеслав сказал: «Мы приехали из деревни, а в городе жизнь дорогая. В столовой или кафе меньше чем за два рубля не пообедаешь. Итого за день шесть-семь рублей. А ведь хочется и в кино сходить, и пива выпить, и отдохнуть...»

Вячеславу нельзя отказать в логическом мышлении. Солидная техническая «подготовка», продумывание каждой мелочи при совершении преступлений характерны для этого молодого человека. Он и на суде остался верен себе: рассказывал обстоятельно, подробно, хорошим литературным языком, экономными и точными движениями рук показывая, как вскрывались сейфы. Любопытная деталь, поразившая даже многоопытного прокурора: перед уходом «на дело» Вячеслав привык отсыпаться и, чтобы не проспать, ставил будильник на строго определенное время.

В конце июля Вячеслав приехал в село Улыбышево «на разведку». Он узнал, что зарплату в местном совхозе будут выдавать 7 или 8 августа. В день выдачи братья рейсовым автобусом прибыли в Улыбышево и до ночи прятались в лесу. Они знали, что число работающих в совхозе велико и в первый день лишь меньшая часть из них успеет получить свою заработную плату. Ночью направи-

лись к конторе. Проникли в помещение и с помощью газосварочного аппарата вырезали в сейфе отверстие. В большом отделении денег не оказалось. Но в сейфе был еще верхний маленький ящичек. В нем удалось просто выдвинуть дверцу. Здесь и находились деньги. Братья сложили их в простыню и покинули контору. При подсчете сумма оказалась немалой — около десяти тысяч.

Через несколько дней Коноваловы отправились в Сочи. Бархатный сезон был в разгаре. Теперь жизнь их вполне устраивала. Несколько недель, по словам одного из них, прошли «как в сказке». Череду ресторанов, кутежи в брызгах шампанского. Покупались дорогие вещи: фирменные джинсы, шубы, меховые шапки, делались подарки знакомым, подругам.

А дома наступали, по выражению Анатолия, «серые будни». Они складывались из работы, явно не устраивавшей Коноваловых, и вечеров в ресторанах. Но областной город не Сочи, тут надо было вести себя куда осторожнее. В ресторанах братья старались никому не лезть в глаза, за вечер тратили не более 15 рублей.

Попробуем все-таки прикинуть их доходы, добываемые законным путем. Вячеслав зарабатывал 150 рублей в месяц, Анатолий почти столько же. Этих денег хватило бы любому одинокому, не обремененному семьей молодому человеку. И на жизнь, и на развлечения. Но у Коноваловых есть еще и родители, живущие в большом достатке. Братья не отрицали, что они по несколько раз в месяц навещали родную деревню, привозя оттуда продукты: мясо, яйца, овощи, картошку. Давали им и деньги — сразу по 200—300 рублей. На суде их мать, усталая, сломленная горем женщина, сказала: «Зачем нам деньги? Мы все детям отдавали. Им ли не хватало? И кто бы мог подумать?..»

На основной работе Вячеслав и Анатолий трудились подобно сезонникам — в осенне-зимний пе-

риод. К лету увольнялись с очередного предприятия, собирались за добычей. И поскольку прогуливать доводилось по несколько месяцев, а ныне трудовые книжки изучают внимательно, «летуны» не в почете, они подделывали записи в трудовых книжках, заботясь о стаже. В ходе следствия, изворачиваясь, братья объясняли свои преступления необходимостью добычи не денег — бланков для трудовых книжек. Десятки же рублей брались ими, «потому что плохо охранялись, заодно».

Нет надобности детально описывать совершенные ими кражи или покушения на кражи со взломом. Всего за два неполных года их было шесть. В трех случаях удалось похитить деньги, в трех — запоры оказались достаточно надежными (и тогда Коноваловы не гнушались и «мелочью»: взяли из стола кассира 20 рублей, сорвали с руки сторожа старенькие часы стоимостью 22 рубля 80 копеек).

А попались они на пустяке.

— Даже обидно, — сказал Вячеслав, — если бы не эта тряпка, нас бы ни за что не поймали.

Он имел в виду простыню, которой пользовался «в деле»: закрывал окно, чтобы с улицы нельзя было увидеть вспышки сварки. Это случилось в большом селе Павловское. Сейф оказался упрямым: сложный механизм, прочная толстая стенка. Поняв, что до рассвета взломать его не удастся, Вячеслав покинул контору совхоза (в этот раз он «работал» один), но перед уходом забыл снять простыню с окна.

«Остальное — дело техники», — считали сотрудники уголовного розыска. На уголке простыни оказалась метка, и вскоре в приемном пункте банно-прачечного комбината была обнаружена квитанция на сдачу в стирку белья от Коноваловой И. И. — родственницы братьев...

Рассказывает старший следователь УВД по особо важным делам Валерий Александрович

Николаев, занимавшийся расследованием взломов сейфов:

— Мы столкнулись с весьма хитрыми и изворотливыми преступниками. Коноваловы каждое преступление тщательно планировали. Ночь и темнота были их союзниками, отсутствие свидетелей и быстрота, с которой они скрывались с мест происшествий, осложняли расследование. Но следы оставались. И тут свое веское слово сказали эксперты.

Из семи томов уголовного дела пятый целиком занимают заключения экспертиз. Конечно, Коноваловы старались уничтожить все следы. Но возможно ли это на практике? Современная криминалистика уверенно исключает такую возможность.

Коротко о наиболее интересных экспертизах. При взломе сейфа в совхозе «Победа» были изъяты след обуви на листке бумаги, а также раздавленные пенопластовые буквы красного цвета, упавшие со стенда и валявшиеся на полу. Когда через несколько месяцев Вячеслав Коновалов был задержан, на его туфлях, найденных среди старой обуви, обнаружили следы красной краски и микрочастицы пенопласта, совпавшие по химическому составу, структуре и цвету с буквами, изъятыми с места происшествия.

Проводились и судебно-медицинские экспертизы. Обычно они назначаются по делам о преступлениях, связанных с причинением ущерба здоровью человека, — телесных повреждениях, самопроисшествиях, травмах и т. п. Но бывает, что при совершении и других преступлений на вещественных доказательствах остаются следы выделений человека: кровь, слюна, пот, волосы и т. п. В подобных обстоятельствах судебные медики оказывают правосудию существенную помощь.

Через несколько дней после задержания братьев следователь доставил в наше бюро несколько объемистых пакетов. Перед биологами была поста-

влена задача исследовать вещественные доказательства с целью выявления следов-наложений.

Современное бюро судебно-медицинской экспертизы — это практическое учреждение, подобное крупной научно-исследовательской лаборатории, оно оснащено самой современной аппаратурой. Наряду с экспертами общего профиля здесь трудятся врачи иных, более узких специальностей: биологи, химики, патоморфологи (гистологи), физико-техники.

Судмедэксперт биологического отделения Ирина Петровна Иванникова не ограничилась сухими строками постановления о назначении экспертизы с кратким изложением обстоятельств дела, она попросила следователя рассказать о случившемся более подробно.

Помню, меня когда-то поразили строки Александра Блока:

Случайно на ноже карманном
Найдешь пылинку дальних стран —
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман!

Пылинка на ноже... Часто с такой «пылинки», и не обязательно на ноже, у нас начинается многое: работа мысли, воображения, кропотливые исследования.

На злополучной простыне, которая так «подвела» Коноваловых, И. П. Иванникова обнаружила три волоса человека. Детальный осмотр под микроскопом позволил выявить на них едва заметные следы действия высокой температуры в виде оплавления и обугливания концов волос. Это была весьма существенная улика, ведь из обстоятельств дела эксперт знала, что подобные изменения на волосах могли быть обусловлены пламенем сварки. Ценность исследования возросла, когда биолог установила групповую принадлежность волос, совпавшую с группой крови одного из братьев.

О чем может рассказать эксперту-биологу обы-

кновенная перчатка? Оказывается, о многом. Утром после неудачной попытки ограбления конторы одного из совхозов неподалеку нашли черную мужскую перчатку с правой руки. Когда Коноваловых задержали, при обыске у них обнаружили аналогичную перчатку на левую руку. Но это сходство еще ничего не доказывало. И только когда эксперты выявили на обеих перчатках пот человека, имеющего первую группу крови, Вячеславу Коновалову (у него оказалась кровь первой группы) ничего не оставалось, как признать себя виновным в совершении преступления.

Вот еще один пример из практики биологического отделения, свидетельствующий о высокой эффективности подобных экспертиз. Ненастным февральским вечером некий Чанов, будучи в нетрезвом состоянии, взломал замок в свинарнике производственного объединения «Заречное», похитил несколько поросят общим весом около шестидесяти килограммов и на мотоцикле скрылся с места происшествия. К вечеру следующего дня подозреваемый был задержан милицией. На допросах Чанов полностью отрицал свою причастность к случившемуся. Однако любитель государственного мяса впопыхах оставил в свинарнике кепку. На ее подкладке эксперты-биологи обнаружили следы пота человека, совпадающие по групповым свойствам с группой крови Чанова. Улики оказались настолько неопровержимыми, что после ознакомления с заключением экспертизы задержанный признал себя виновным в совершении кражи.

Почти год потребовался В. А. Николаеву и возглавляемой им бригаде на расследование этого уголовного дела.

— Любопытно, — делился потом со мной своими мыслями Валерий Александрович, — на сей раз я встретился с довольно редкой категорией преступников. Коноваловы считали себя интеллектуалами, при случае могли и стихи прочесть, и на Достоевского сослаться. Они мечтали об удоволь-

ствиях, о «красивой жизни», но не желали для этого трудиться, считая труд ниже своего достоинства. Вот Вячеслав. Поступил в финансово-экономический институт. Как совместить с этим кражи из сейфов? Задумал получить высшее образование! Представляете, какой из него вышел бы «финансист»!

Наряду с другими вещами у Коноваловых изъяли три толстые общие тетради с записями старшего брата. Похоже, он испытывал тягу к перу, причем в абстрактном герое ему мерещилась собственная персона. Впрочем, судите сами, цитаты приводятся дословно. «...Гонимый честолюбием, он рано покинул родные пенаты. Рано его парусник с белоснежными парусами начал бороздить океан жизни с его шквалами и штормами. Со временем росло мастерство рулевого, и он достиг некоторых высот в этом полном неожиданностей океане. Теперь познакомимся с нашим героем. Это был мужчина 26 лет отличного телосложения. Высокий рост, внешность атлета, крепкие ладони с длинными пальцами, прямой нос, голубые умные глаза, смотрящие на окружающих из-под высокого лба. Одухотворенное лицо гения с честолюбивыми помыслами».

Процесс по делу Коноваловых продолжался около двух недель. В ходе следствия и на суде Вячеслав пытался все взять на себя, стараясь выгородить брата. Он утверждал, что Анатолий никакого отношения к кражам не имеет. По некоторым эпизодам вину младшего Коновалова доказать действительно не удалось. Во взломе сейфа в селе Улыбышево (первое ограбление) его изобличила лишь дактилоскопическая экспертиза. Криминалисты выявили на оконном стекле конторы следы трех пальцев правой руки, пригодные для идентификации. Впоследствии было установлено, что это следы пальцев Анатолия. Оценив ситуацию и понимая, что с дактилоскопией не поспоришь, Анатолий тут же заявил следователю, что

эту кражу он совершил один, без Вячеслава. По истине «братская солидарность».

Представитель защиты начал свое выступление с горькой многозначительной фразы: «Сложность и необычность этих преступлений в том, что перед нами не случайные люди, а родные братья. Два молодых человека, только вступивших на порог самостоятельной жизни...» В притихшем зале эти слова прозвучали особенно трагически.

Коноваловы осуждены к длительным срокам лишения свободы: Вячеслав — к тринадцати, Анатолий — к девяти годам.

В зале суда мне вспомнилось то раннее утро, когда я впервые увидел пачку десятирублевок с микроскопическими следами от раскаленного металла. Тогда еще неведомые преступники представлялись мне субъектами, сходными с печально известными «медвежатниками» — типами далекого прошлого, столь блистательно описанными Л. Шейниным в «Записках следователя». И вдруг — молодые парни, оба не без способностей, любители поэзии, «интеллектуалы»... Жизнь, казалось им, должна быть легкой и беззаботной, но наполненной острыми ощущениями. А для всего этого требовалась «монета». На какую же мелкую монету разменяли Коноваловы свои только начавшиеся биографии!

Нет проблем!

Пасмурным осенним днем сотрудники уголовного розыска задержали на улице семнадцатилетнего учащегося механического техникума Станислава Юрьева, изъяв у него самодельный пистолет и патроны. При последующем обыске в квартире Юрьевых были обнаружены детали для изготовления пистолета, свыше 30 малокалиберных патронов, заготовки для ножей, кастет. В столе подростка нашли объемистую тетрадь, в которой юный «умелец» набрасывал эскизы и чертежи будущего оружия.

На первом же допросе Станислава попросили дать объяснения. Он заявил следователю: «Ствол от пистолета я нашел на улице, после чего решил сам сделать оружие. Патроны приобрел в баре за две кружки пива у парня по имени Владимир». Когда сотрудники милиции пришли к Юрьевым, отец Станислава был поначалу удивлен неожидан-

ным визитом, но быстро опомнился. Он внимательно изучил постановление об обыске и выразил недоумение. «Некоторые детали к пистолету я делал на заводе, не зная, для чего они предназначены, — сказал он. — Кастет же у мальчика давно, но ведь Стасик никого не убил».

Вот такая история. Нередко, когда случается непоправимое, мы вопрошаем: «А куда смотрела милиция? Если бы вовремя...» На сей раз милиция смотрела в оба. Именно поэтому ничего не случилось.

А могли произойти трагические события. Внимательный и опытный взгляд инспектора уголовного розыска заметил в ванной доску со следами пробоев от пуль, несколько огнестрельных отверстий имелось на дверном косяке. Ясно, что дома Станислав тренировался в стрельбе. Впрочем, отец и мать подростка заявили, что они ничего не слышали и не подозревали об «увлечениях» сына.

Читаю заключение криминалистической экспертизы, исследовавшей изъятый у Станислава пистолет: *«Пистолет является короткоствольным однозарядным огнестрельным оружием калибра 5,6 мм. Детали, узлы и механизмы данного пистолета изготовлены с помощью заводского производственного оборудования (токарного, фрезерного, сверлильного, шлифовального и, вероятно, резьбонарезного), слесарных инструментов и абразивных материалов, а также гальванического оборудования для оксидировки поверхностей».* Эксперт-криминалист В. Кузнецов, производивший экспериментальный отстрел из оружия в толстые сосновые доски (они пробивались насквозь), пришел к выводу, что скорость полета пули при вылете из ствола достигала 181 метра в секунду.

Судебный медик И. М. Серебренников, специально занимавшийся изучением повреждений из

самодельного огнестрельного оружия, на страницах журнала «Судебно-медицинская экспертиза» пишет: «Самодельное оружие изготавливается обычно лицами, не имеющими достаточных технических знаний и навыков. Особенности повреждений и их тяжесть зависят от кинетической энергии снаряда».

Далее автор указывает на несовершенство конструкции самодельного оружия, непрочное соединение его частей, из-за чего как заряд, так и его детали, включая ствол, иногда причиняют тяжелые ранения самому стрелявшему.

Подобный случай встретился в практике судмедэксперта нашего бюро А. Краснова. В один из апрельских дней пропал четырнадцатилетний подросток Николай И. На ноги была поднята милиция, школьники, почти все взрослое население небольшого городка. Через двое суток тело его было обнаружено в лесу. На груди имелась небольшая ранка, как позже выяснилось — огнестрельная, рядом валялся покореженный пистолет-самопал. Неподалеку к дереву была прикреплена мишень с четырьмя пробоинами. Пятый выстрел оказался для Николая роковым: ствол самодельного пистолета разорвало, и мальчик был смертельно ранен в грудь пулей от малокалиберного патрона.

В другом случае шестнадцатилетний Игорь К., склонный к технике, изготовил пистолет из мотоциклетной свечи и железной трубки, наглухо соединив их металлическим кожухом. Подросток решил изобрести нечто выдающееся — «электрический пистолет». Вложив в трубку свинцовую пулю и заряд из спичечных головок, он вставил концы электропроводов (один конец был соединен с электродом свечи) в розетку напряжением 220 вольт. В результате искрового разряда произошел

выстрел, которым была ранена в руку младшая сестра Игоря, находившаяся в той же комнате.

Список различных примеров, подобных этим, можно было бы продолжить. К слову сказать, в физико-техническом отделении нашего областного бюро уже образовался своеобразный музей самодельного оружия, изготовленного подростками. Есть там и «экспонаты», о которых я упоминал.

Теперь хотелось бы затронуть вопрос о том, как ведут себя в подобных ситуациях родители. К сожалению, часто они не оценивают критически проступок, совершенный их чадом (вот если бы соседский мальчишка, одноклассник — тогда другое дело), а стараются всеми правдами и неправдами устранить конфликт. Слепая, недалёко-видная позиция.

Вот и отец Станислава, Валентин Борисович, заместитель начальника цеха по технической части одного из заводов, избрал явно не лучший для сына защитный вариант. В уголовном деле по обвинению Станислава есть пространные показания Юрьева-старшего. *«...Изготовление сыном какого-либо стреляющего устройства я считаю просто детской изобретательностью, проявлением творчества... Это следствие его постоянного желания что-то делать своими руками, умения мыслить... Сын, очевидно, не считает свое творение оружием, не считает его опасным для окружающих. Как-то я рассказал ему о том, что в восьмом классе сделал пистолет (все мальчишки увлекаются оружием) и нечаянно выстрелил во время урока. Кончилось тем, что директор велел мне принести пистолет, объяснил, что это считается оружием и за него могут здорово наказать».* Итак, Валентин Борисович, 46-летний мужчина, сам имел в прошлом «опыт» подобного обращения с оружием и до сих пор восхищался собственными «подвигами», демонстрируя эдакую

мальчишескую бесшабашность, вместо того чтобы ощутить всю меру родительской ответственности за воспитание сына. Отца поддержала и мать Станислава: *«Сын смастерил пистолет, чтобы попробовать свои способности... А что же это за мастер, который не знает, стреляет его произведение или нет?»*

В устах родителей хобби семнадцатилетнего Станислава выглядело приблизительно так же безобидно, как забавы младших школьников, описанные с изрядной долей юмора замечательным детским писателем Виктором Драгунским в книге *«Денискины рассказы»*: *«У всех мальчишек 1-го класса «В» были пистолеты. Мы так сговорились, чтобы всегда ходить с оружием. И у каждого из нас в кармане всегда лежал хорошенький пистолетик и к нему запас пистонных лент. И нам это очень нравилось...»*

Со временем подросток планировал усовершенствовать свое устройство. В упомянутой тетради Станислав начертил автоматический пистолет. Подготовил и соответствующие детали, в частности для барабана на несколько патронов.

Несколько слов об изъятых у Станислава ножах и кастете — предметах, на непросвещенный взгляд менее опасных.

Кастеты закон относит к «холодному оружию ударно-раздробляющего действия».

Нож сам по себе предмет мирный. Мы отрезаем им хлеб, намазываем масло, чиним карандаш. Однако есть люди, которые кладут нож в карман с далеко не мирными намерениями. Я имею в виду ножи обычные, повседневные. Однако, кроме таких, существуют еще ножи, которые, по определению законодателя, относятся к холодному оружию и изготавливаются с заведомо преступными целями. Как-то в нескольких крупных городах социологи и юристы, занимавшиеся исследо-

ванием причин правонарушений среди молодежи и подростков, предложили группе граждан этой категории в общественных местах (в клубах, кино, на стадионах, на улице), попросту говоря, вывернуть карманы, то есть показать их содержимое. Представьте их озабоченность и тревогу, когда среди массы предметов в карманах у 80 человек из 100 были обнаружены разнообразные ножи, многие из которых изготовили сами ребята (холодное оружие!) с большим искусством. За такую дешевую романтику нередко приходится серьезно расплачиваться. Ведь нож любой, даже самый обыкновенный столовый, может стать в неосторожных или преступных руках опаснейшим оружием. Не говоря уж об оружии огнестрельном... Касаясь событий в семье Юрьевых, я не мог не вспомнить об этом.

По мнению социологов и педагогов, существует два рода семей, дающих обществу несовершеннолетних правонарушителей. В одних — явно накаленная атмосфера: родители или один из них пьянствуют, тунеядствуют, ведут паразитический образ жизни. Но гораздо чаще встречаются семьи другого рода — внешне благополучные, обеспеченные, интеллигентные, в которых, однако, отсутствует душевный контакт с детьми, фактически их воспитанием никто не занимается.

Вот что рассказал мне начальник следственного отдела Фрунзенского РОВД И. А. Царьков:

— Через несколько дней после задержания Станислава я пригласил старшего Юрьева на беседу. В кабинет вошел молодежавый, энергичный и самоуверенный мужчина. Он сразу же заявил, что, по его мнению, сына задержали незаконно, общественной опасности он не представляет. Посыпались фразы о хорошей учебе, склонности к технике, увлеченности оружием. Не к месту Юрьев сослался на книгу Г. Нагаева «Русские

оружейники», повествующую о выдающихся отечественных мастерах оружия. К сожалению, Валентин Борисович так ничего и не понял...

Вероятно, Станислав был не совсем таким, каким изображал его отец. Не найдя себе друзей в школе, потом в техникуме, будучи одиноким в семье, подросток тайно, скорее всего ради самоутверждения, потребность в котором столь сильна в его возрасте, начал делать пистолет. Тут бы Валентину Борисовичу вмешаться, увлечь сына чем-то еще, хотя бы той же техникой. Увы, у Юрьева-старшего свои заботы. Дал сыну денег на карманные расходы, выполнил его просьбу, не задумываясь о ее сути, — и все. Значит, с воспитанием Станислава полный порядок, как теперь принято говорить — нет проблем.

Судебный процесс по обвинению Станислава Юрьева был тщательно продуман. Он состоялся в помещении опорного пункта милиции. Работники инспекции по делам несовершеннолетних пригласили сюда и других жителей микрорайона.

Юрьев был осужден по статье 218 УК РСФСР («Незаконное ношение, хранение, приобретение, изготовление или сбыт оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ») к двум годам лишения свободы. Но из зала суда он ушел не под конвоем, а с родителями. Учитывая его возраст и безупречное прошлое, суд счел возможным в соответствии со статьей 46¹ УК РСФСР отсрочить ему исполнение приговора на один год.

Что и говорить, приговор не только гуманен (подростка не лишили свободы), но и проникнут не на словах, а на деле заботой о судьбе юноши. Если за год Юрьев проявит себя хорошо и не совершит ничего противозаконного, судимость будет погашена.

Отец же Станислава не согласился с пригово-

ром. Так ничего и не поняв, он пытался оспаривать его в кассационном порядке. И невдомек было Валентину Борисовичу, что тут как раз сложилась такая ситуация, когда око Закона видит зорче родительского глаза.

Приблизительно в те дни, когда велось следствие, в одном из близлежащих поселков произошел трагический случай. Двое подростков, изготовив самодельное огнестрельное оружие и желая проверить его качества, устроили «дуэль». Поскольку жили они в домах с окнами напротив, стрелять решили непосредственно из окон. Самодельная пуля тяжело ранила одного из участников «дуэли»...

За добрую силу

Кинотеатр «Буревестник», один из центральных в городе, расположен на площади 30-летия Победы. Из окна моего дома он виден как на ладони. Подхожу к окну и смотрю на зрителей, выходящих после очередного сеанса. Вот такая же приблизительно картина была и в тот роковой для Валерия ненастный сентябрьский день...

На первом листе уголовного дела предельно краткая докладная дежурного по райотделу милиции: *«17 сентября около 13 часов из больницы № 3 поступило сообщение, что с признаками тяжелой черепно-мозговой травмы от кинотеатра «Буревестник» доставлен Валерий Багров, 16 лет, проживающий по проспекту Ленина, 60».*

Потом свидетели, а в них недостатка не было, рассказывали, что, как только Багров вышел из кинотеатра, к нему подошли трое парней и один из них два раза ударил его по лицу. Валерий

упал, потеряв сознание. Отсюда «скорая помощь» доставила его в больницу. Диагноз врачей оказался серьезным: закрытая тупая черепно-мозговая травма с тяжелым ушибом головного мозга, перелом нижней челюсти слева.

Все произошло настолько неожиданно и стремительно, что окружающие не успели вмешаться. Уже через несколько минут трое хулиганов скрылись с места происшествия. Пока вызывали «скорую помощь», подоспел сотрудник милиции и написал фамилии нескольких свидетелей.

Как только Валерий очнулся, к нему в палату прошел следователь. Юноша был очень слаб и произнес всего несколько фраз: «В кинотеатре у меня случилось что-то с головой. Когда я вышел из зала, голова сильно закружилась, я упал. Что было дальше — не помню. Меня никто не бил». Однако к этим показаниям следователь отнесся с сомнением: налицо были признаки амнезии — потери памяти на прошедшие события, которая обычно наблюдается у лиц, получивших черепно-мозговую травму.

Постепенно подробности случившегося начали проясняться. В тот день Валерий Багров пошел в кино с двумя сверстниками. Сеанс был дневной, зрителей собралось немного. В зале ребята поздоровались со знакомыми девушками и заняли свои места. Едва погас свет, как с шумом появились трое парней. Расположившись позади четырех подруг, они, не обращая внимания на окружающих, развязно и нарочито громко заговорили с ними, потом пустили в ход руки — дергали за волосы, толкали. Багров подошел к ним и попросил вести себя потише, не приставать к девушкам. Казалось бы, инцидент исчерпан. Однако у хулиганов созрел план мести. Вот что рассказал товарищ Багрова, не успевший вмешаться:

— Когда мы выходили из зала, Валерий шел впереди меня. Внезапно я увидел, как к нему подошел незнакомый парень и нанес два сильных

удара кулаками в лицо. Первый удар — прямой, левой рукой, второй — правой рукой сбоку с резким поворотом корпуса. Парня я не знаю. Не исключено, что он занимается боксом: действовал профессионально и быстро. Приметы: волосы светлые, рост около 170 сантиметров, на вид ему лет 17—18. Одет в коричневый пиджак, темно-синие джинсы и кроссовки «Томис».

Занимается боксом. Так предполагали многие, так на деле и оказалось. Прошло около трех недель, прежде чем преступник и двое его приятелей были установлены. Ими оказались учащиеся СПТУ С. Лапин, А. Кротов и М. Гарькин. Сотрудник уголовного розыска Ленинского РОВД Н. Самохин обошел почти все секции бокса в городе, пока наконец не вышел на Станислава Лапина. Именно он 17 сентября нанес Багрову два удара.

В зале суда, куда меня вызвали в качестве судебно-медицинского эксперта, на скамье подсудимых я увидел широкоплечего, крепко сбитого молодого блондина. Он сидел, низко опустив голову, расслабив на коленях крупные тяжелые руки. К этому моменту процесс над С. Лапиным уже заканчивался, и судья вызвал эксперта для уточнения механизма травмы, причиненной Багрову. В судебно-медицинском заключении говорилось: *«...потерпевшему были нанесены удар или удары кулаком в область нижней челюсти слева с ее переломом, вслед за этим последовало его падение с ударом головой о твердую неограниченную поверхность (асфальт), вызвавшим тупую травму головы с переломом основания черепа и тяжелым ушибом головного мозга».*

Меня этот случай взволновал до глубины души. Как же так — спортсмен довольно высокой квалификации (у Лапина первый разряд), владеющий поставленным, отработанным ударом, дважды, словно мешок с опилками или «грушу» на тренировке, бьет незнакомого юношу. Между

тем сотрудники милиции, судья, врачи, не особо напрягая память, могут назвать еще не один случай, когда спортсмены, владеющие определенными навыками в боксе, самбо, каратэ, применяли боевые приемы не в целях самообороны, не при задержании преступника или в иной исключительной ситуации, а, наоборот, как средство нападения. А ведь человек, не занимающийся теми же видами спорта, перед ними фактически безоружен.

Когда я проводил экспертизу Багрова, опытный следователь, капитан милиции Игорь Александрович Царьков припомнил другое уголовное дело — некоего Руслана Мамедова, бывшего студента третьего курса факультета физического воспитания пединститута. Мы извлекли материал из архива, и я лично убедился в особой опасности Мамедова: за месяц с небольшим человек, претендующий на должность преподавателя физкультуры, трижды умышленно и жестоко избил разных людей. В списке его «побед» две сломанные челюсти, перелом костей носа, сотрясение головного мозга...

Удар боксера для неподготовленного человека обычно влечет за собой тяжелую травму. Доктор медицинских наук В. И. Прозоровский в лаборатории Московского института физкультуры проводил эксперименты, которые показали, что сила удара кулаком без перчатки значительно превышает силу удара в перчатке и варьируется от 560 до 680 кг, то есть в среднем около 1,8 кг/см². Фактически удар тренированного боксера по силе и механизму воздействия на вещество мозга можно приравнять к удару каким-либо тупым твердым предметом (кастетом, палкой, кирпичом). При ударах в нижнюю челюсть или подбородок голова резко отбрасывается назад, испытывая вращение вокруг сочленения затылочной кости с позвоночником, — в этот момент может произойти разрыв стенок кровеносных сосудов с кровоиз-

лияниями под оболочку и в вещество головного мозга.

По мнению специалистов, пострадавшими от ударов спортсменов довольно редко оказываются тренированные молодые люди, привыкшие к высоким физическим нагрузкам. Гораздо чаще травмируются люди неподготовленные и слабые физически, иногда пожилые, даже больные, что связано с особой опасностью для их здоровья.

После суда я долго думал о поступке Станислава Лапина. Перелистывал материалы дела, вчитывался в строки допросов осужденного, в характеристики на него и его друзей, размышлял над показаниями свидетелей. Попытался понять, где и когда, по чьему недосмотру или равнодушию преступил он грань между добром и злом, между красотой спорта и сомнительным сиюминутным торжеством грубой жестокой силы.

Вот строки из характеристики, подписанной классным руководителем: *«Станислав был очень подвижным юношей. Часто свои способности, выдумку и силу тратил на нарушение правил поведения... Мог портить мебель, школьное имущество... По характеру добрый, отзывчивый»*. Последняя фраза выглядит неестественно рядом с остальными.

Семья у Лапина благополучная, трудовая. Отец—литейщик на крупном заводе, мать—аппаратчица на фабрике. Лет пять назад Станислав вместе с Кротовым и Гарькиным, своими одноклассниками, начал заниматься боксом. После восьмого класса по совету тренера юношеской спортшколы все трое поступили в СПТУ. Наверное, именно тогда, в самом противоречивом и раннем для подростков возрасте, спорт должен был стать для них средством не только физического, но и нравственного развития, стержнем для формирования личности. Но этого не произошло. Не на высоте оказалась во-

спитательная работа в спортшколе и в училище, о чем прямо сказано в особом определении суда.

В тот день, 17 сентября, ребята из училища с утра уехали в подшефный колхоз на сельхозработы. Лапин и его друзья увильнули от поездки, заявив мастеру производственного обучения, что они якобы не знали о ней и пришли на занятия в хорошей одежде.

— Они ушли, хотя я не разрешал им уходить, — сказал потом мастер Тимофеев, полагая, что этой фразой он полностью снимает с себя ответственность за случившееся.

Не видел своей вины в случившемся и тренер юношеской спортшколы «Спартак» В. И. Савченков, у которого все трое когда-то занимались боксом, пока не ушли из секции. Когда я позвонил ему, он, мягко говоря, неприятно удивился. Однако тон его, поначалу непонимающе-раздражительный, вскоре стал откровенно наступательным.

— Лапин давно уже у нас не занимается, — произнес Савченков. — Перворазрядник? Что вы, это же юношеский, а не взрослый разряд. Да, о суде над боксером я где-то слышал. Не думал, что это касается Лапина. Впрочем, почему вас это интересует? Он ведь совсем бесперспективный боксер...

Я высказал мысль, что в воспитательных целях он и ребята из секции просто обязаны были присутствовать на суде. Уличный нокаут, продемонстрированный Станиславом Лапиным, не может рассматриваться как частное дело бывшего боксера. Поинтересовался, читал ли он и обсуждал ли со своими учениками острую статью в «Комсомольской правде» — «Нокаут после гонга».

— Может, я и пошел бы на суд, — сделал одолжение мой собеседник, — но как раз в эти дни уехал на соревнования. О статье в газете ничего не слышал. И вообще, ничего особенного не

случилось. В боксе, как на фронте, всякое бывает, и потери тоже...

Последняя фраза буквально сразила меня наповал, я тут же положил трубку. Дальнейший разговор был бессмыслен. Савченков, видимо, не в состоянии понять, что у молодого человека, который надел боксерские перчатки, должны быть чистыми не только руки, но и душа, он должен уметь критически оценивать свои действия в любых сложных ситуациях. Тут многое, если не все, зависит от тренера.

Вот что пишут в книге «Юный боксер» заслуженный мастер спорта, кандидат юридических наук, олимпийский чемпион Г. И. Шатков и мастер спорта, кандидат педагогических наук А. Г. Ширяев: «Моральные нормы прочно слились с бытом русского народа, и корни их теряются в глубокой старине. Так, в кулачном бою существовали традиционные изустные правила: прохожих, не участвующих в деле, трогать запрещалось, кто упал, того не били («лежачего не бьют»), запрещалось пользоваться посторонними предметами («не клади в кулак пятак») и др. Эти правила соблюдались строго: нарушившего их били свои же... Спортивная тренировка в боксе — многолетний и многогранный педагогический процесс. В самом начале его — спортсмен-новичок, в конце — человек, на организме, психике и морали которого остаются следы этого процесса. Следы бывают разные, нужно, чтобы оставались хорошие следы».

Однажды, в далекую пору моего детства, повздорили между собой двое ребят — из нашего и параллельного классов. После уроков они пришли в укромный уголок школьного двора, где вдали от учительских глаз и в присутствии десятка «болельщиков» хотели выяснить свои «сложные» взаимоотношения. Не помню теперь, из-за чего разгорелся сыр-бор, но хорошо помню, что бой так и не состоялся. Едва раскрасневшиеся,

похожие на молодых петушков мальчишки начали сходиться, как старшекласник, случайно оказавшийся рядом, встал между ними и веско произнес: «Это не по правилам. Ты же, Толька, второй год занимаешься боксом, вот и дерись на ринге. Секцию позорить не позволю». И Анатолий из нашего 7-го «Б» отступил, опустив сжатые кулаки. Он не струсил, просто понял, что предстоящий поединок будет неравным.

Важно, чтобы каждый мальчишка, занимающийся в секции бокса, самбо или дзюдо, твердо усвоил не только спортивные навыки, но и общечеловеческие нормы. Пусть годы тренировок сделают из слабого юнца настоящего мужчину, однако сила, возвращенная спортом, обязана быть доброй.

Поиск

Теперь это преступление раскрыто. Труд и усилия многих людей: сотрудников уголовного розыска нескольких областей страны, бригады, которая вела расследование, судмедэкспертов — сконцентрированы в строках приговора. А вот выдержка из материалов уголовного дела: *«...обвиняемые дали противоречивые показания. Так, Козуляев показал, что выстрел из пистолета в потерпевшего произвел Куляскин, который в свою очередь заявил, что стрелял не он, а Козуляев».*

Эта история началась 30 мая. Водитель автомашины «Волга» Иван Балугин выехал из Горького в сторону Москвы. Путь ему предстоял сравнительно короткий, если учитывать специфику работы Балугина — профессионального шофера-перегонщика. Для водителей такого класса дорога от Горького до Смоленска укладывается в

пределы 1—1,5 суток, иногда чуть больше, в зависимости от дорожных условий, погоды и прочих переменных факторов.

Однако до Смоленска Балугин не доехал. Пропал бесследно, исчез, словно испарился. «Возможно, попал по дороге в больницу. В какую? Почему не дает знать о себе?» — ломали в догадках и беспокойстве головы родные и сослуживцы. Через три недели труп водителя был обнаружен в придорожном кювете на территории Владимирской области. Районный судебно-медицинский эксперт установил, что смерть Балугина наступила мгновенно от сквозного огнестрельного ранения головы. Так как входная рана находилась в затылочной области, он полагал, что в Балугина стреляли сзади, вероятнее всего, с заднего сиденья. А «Волга» желтого цвета с транзитным номером и знаком «Перегон» пропала...

Сложная задача выпала на долю Владимирского областного управления уголовного розыска. Ведь с момента убийства прошло три недели, это значительно усложняло поиски.

— Признаться, мы были ошеломлены дерзостью случившегося, — рассказывал старший инспектор уголовного розыска Валерий Алексеевич Гаврилов. — Стало ясно, что начинается борьба с опасными преступниками, которые не остановятся ни перед чем, к тому же вооруженными. Никто не мог дать гарантий, что после убийства Балугина не будут совершены новые преступления. Цель их действий не вызвала сомнений: они охотились за «Волгой». Начинать надо было с Горького, и мы с А. П. Калиберновым выехали туда.

30 мая из Горького в сторону столицы ушло более 180 автомашин «Волга». Опрошен каждый водитель. И вот первая ниточка: вечером того же дня у Московского вокзала Горького один из шо-

феров видел Балугина и даже перекинулся с ним несколькими словами.

— Я предложил Ивану Васильевичу ехать вместе, — сказал водитель, — но он отказался, так как хотел попутно захватить пассажиров до Москвы. «Погода хорошая, дорога в отличном состоянии, поэтому и спешить некуда», — рассуждал Балугин. Мы покурили, он остался, а я уехал.

С тех пор Балугина никто не видел. Безрезультатным оказался и опрос работников ГАИ, дежуривших в тот день на постах по всей трассе от Горького до Москвы. Тщательный осмотр места обнаружения трупа (он был прикрыт ветками и несколькими тяжелыми булыжниками) мало что прояснил. Пулю обнаружить тоже не удалось. Оставалась надежда на лабораторные исследования. На другой день после вскрытия участка головы Балугина с повреждениями, изъятые районным судмедэкспертом, были доставлены в физико-техническое отделение областного бюро судебно-медицинской экспертизы.

Трехнедельное пребывание на июньской жаре, понятно, не способствовало сохранности объектов. И все же на коже в окружности входной огнестрельной раны методом цветных отпечатков эксперту-физикотехнику В. Мартынову удалось выявить значительное отложение меди — это свидетельствовало о том, что выстрел был сделан с довольно близкой дистанции оболочечной пулей (в химическом составе оболочек таких пуль медь преобладает над другими металлами). Еще больше информации дало изучение входного и выходного отверстий на черепе. Обычно входное отверстие на кости гораздо лучше передает форму и калибр снаряда, тогда как выходное, образующееся при разрыве тканей изнутри, бывает неправильной формы, с множественными дополнительными трещинами и выкрашиванием. Парадоксально, но тут

картина оказалась прямо противоположной. По входной ране было невозможно судить о размерах пули, а выходную — идеальное круглое отверстие с ровными краями — удалось точно измерить штангенциркулем. Диаметр отверстия составил ровно девять миллиметров. «Похоже, что задействован пистолет Макарова», — решили мы вместе с криминалистами.

Трудно искать иголку в стоге сена. Эта поговорка каждый раз приходит мне на ум, когда я вспоминаю ту огромную работу, которую за несколько дней проделала милиция Горького и Владимира.

Конечно, захватив попутных пассажиров, Балугин грубо нарушил служебную инструкцию, запрещающую водителям при перегонах брать в машину посторонних лиц и различные грузы. Именно при отработке версии «попутные пассажиры» в поле зрения уголовного розыска попали Козуляев и Куляскин.

— Мы вышли на них не совсем обычным способом, — сказал В. А. Гаврилов. — Помогло знание психологии подобных лиц. Мы, в частности, предположили, что пассажирам Балугина «для храбрости» понадобилось спиртное. Но уже вечер, магазины закрыты. В кафе и ресторанах алкогольные напитки на вынос не продают — с этим сейчас строго. Однако есть еще работники торговли, находящиеся, как и прежде, в конфликте с законом. Мы установили, что в дальнем ресторане, на самом выезде из города, приобрести водку или вино столь же просто, как, например, купить билет в кино на дневной сеанс. Был довольно обстоятельный и серьезный разговор с одним из официантов-нарушителей (кстати, он уже уволен по профессиональной непригодности с наложением крупного штрафа), тот назвал фамилию — Куляскин. «Он частенько бывал у нас, — сказал офици-

ант. — В последний раз заходил около месяца назад. Видно было, что торопится. Купил две бутылки водки и сообщил, что вместе с приятелем едет за машиной. Через окно я видел, как он сел в автомашину «Волга» желтого цвета»...

— О приятеле Куляскина — Александре Козуляеве, по кличке Бурнаш, мы узнали днем позже, — продолжал Гаврилов, — побывав у горьковского магазина «Автомобилист». Там их всегда видели вместе.

Буквально в течение суток были собраны сведения о личности подозреваемых, по минутам расписаны дни, прожитые ими после убийства Балугина. Но именно неделя, последовавшая за смертью Балугина, включая день его гибели, выпадала из тщательно собираемой цепочки. А когда Гаврилов наконец выяснил, где находились в то время подозреваемые, он даже присвистнул от удивления. Следы вели на юг, в Северную Осетию. Срочно двое из группы, занимавшейся расследованием убийства, А. И. Парфенов и В. М. Ермилов, вылетели в Орджоникидзе.

Вот что рассказал подполковник Парфенов:

— К утру крутыми горными дорогами мы добрались до села Лачкау, которое находится в 85 километрах от Орджоникидзе. Село небольшое, всего шесть домов. Поэтому не составило особого труда узнать, что здесь проживает старый знакомый Козуляева по колонии, где тот отбывал лишение свободы, — некий Руслан Алиев. Правда, самого хозяина дома не оказалось: к тому времени он уже был снова осужден за мошенничество и спекуляцию. Во дворе родственников Алиева и была обнаружена пропавшая «Волга» желтого цвета.

Было установлено, что Козуляев и Куляскин приехали в Лачкау с целью продать автомашину. Правда, находились они здесь всего сутки. Оба

понимали, что слово «алиби» может оказаться для них не просто юридическим понятием. Сочинив для местных жителей легенду о том, что они отдыхают на берегу Черного моря в Сочи, где их ожидают жены, они уехали из села.

— За «Волгой» заеду на обратном пути, — сказал Козуляев хозяевам, — а пока ищите покупателей.

Даже поверхностный первоначальный осмотр автомашины показал, что доставлена она сюда отнюдь не законным путем. Полностью было разбито левое боковое водительское стекло и частично стекло на одном из приборов панели управления. «Выстрел из пистолета», — коротко констатировал Алексей Иванович Парфенов. Он позвонил в Горький. Ранним утром следующего дня Козуляев и Куляскин были арестованы.

Я поинтересовался у В. А. Гаврилова, как проходило задержание, ведь преступники были вооружены. Гаврилов на сей раз был немногословен. «Дело техники, — ответил он. — Что касается пистолета, его мы изъяли у Козуляева при обыске».

Вскоре под тяжестью улик преступники сознались в содеянном. План похищения автомашины был ими заранее детально разработан. Вначале Козуляев «одолжил» оружие у одного из жителей г. Павлово (ныне осужденного). Пистолет системы Макарова калибра девять миллиметров (тут мы с криминалистами не ошиблись) оказался в полной исправности. В заброшенном карьере на берегу Оки Козуляев и Куляскин по очереди стреляли по импровизированным мишеням, чтобы убедиться в надежности оружия. Через три дня, 30 мая, оба отправились на Московский вокзал Горького. Целый день им «не везло», и лишь поздно вечером к вокзалу подошла автомашина «Волга» желтого цвета с транзитным номером. Договорились с Балугиным о поездке до Москвы. Чтобы

у водителя не возникло подозрений, долго торговались. Наконец сошлись на 30 рублях. Не знал Балугин, что у него за спиной в течение нескольких часов шел молчаливый долгий и жестокий спор о том, кому брать в руки пистолет. Наконец решился Козуляев. Около двух часов ночи водитель по его просьбе остановил автомашину. Преступник достал пистолет из портфеля и выстрелил Балугину в голову сзади в упор. Потом сам сел за руль. Они ехали быстро, почти без отдыха. Теперь их гнали вперед не только страсть к наживе, стремление поскорее сбыть автомашину, но и страх перед совершенным. Продумали, казалось бы, все детали. Оставив машину в надежном, по их мнению, месте, они вернулись в Горький. Прошла неделя, вторая. Все спокойно. Тогда они поочередно стали звонить в Лачкау, справляясь о покупателях.

На скамье подсудимых двое — Александр Козуляев и Анатолий Куляскин, почти одногодки и даже чем-то внешне похожие друг на друга. Оба худощавые, обоим за тридцать, у обоих во взгляде эдакая пустота, смешанная с наглостью.

Опасных преступников отделяет от остальных людей, присутствующих на процессе, барьер. Но решено было отделить сообщников и друг от друга — поставили конвоиров. Это оказалось не лишним на суде. Если раньше, в период подготовки к совершению преступления, Козуляев и Куляскин действовали сообща, словно одно лицо, то теперь «дружба» растаяла, как прошлогодний снег. Они стали врагами, и каждый пытается все свалить на другого. Вначале Козуляев прикидывался невменяемым, надеясь сбить с толку судей, прокурора и экспертов. Но когда этот номер благодаря судебно-психиатрической экспертизе не прошел, отказался от своих прежних показаний. Утверждает,

что стрелял в водителя не он, а Куляскин, тот отрицает это, и в ходе процесса возникает неприятная сцена со взаимными обвинениями. Наверное, нет смысла искать причины этого «феномена». Лишь истинно благородные цели сплачивают людей, преступление — никогда. Как только оно совершилось — все врассыпную...

Приговор коллегии Владимирского областного суда был суров: А. Козуляев приговорен к исключительной мере наказания, А. Куляскин осужден к 15 годам лишения свободы.

А тот участок кости с редким выходным отверстием, по которому нам удалось определить с точностью до миллиметра калибр пистолета, занял свое место в небольшом музее физико-технического отделения.

Вокруг дуэли М. Ю. Лермонтова

«...До сих пор не только могила, но и место его гибели полны памяти о нем. Кажется, что над Кавказом витает его дух, перекликаясь с духом другого великого поэта:

Здесь Пушкина изгнание началось
И Лермонтова кончилось изгнание...»

А. А. Ахматова

Есть в биографиях ряда великих людей неизвестные страницы, своего рода белые пятна, в чтение и расшифровку которых внесли свой скромный вклад медики. Особенно в этом отношении «повезло» поэтам. А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Д. Байрон...

Еще в тридцатых годах на страницах газет и журналов ученые, писатели, криминалисты, медики высказывали различные, иногда противоречивые точки зрения, освещающие события и факты,

сопутствовавшие смерти великих русских поэтов — Александра Сергеевича Пушкина и Михаила Юрьевича Лермонтова. Обстоятельства дуэли Пушкина нам известны лучше, что объясняется не только активными поисками литературоведов и историков, но и тем, что он погиб в Петербурге — тогдашней столице, где каждое слово или поступок поэта имели огромный общественный резонанс. История ранения и гибели Пушкина уже десятилетия волнует многих представителей отечественной медицины. В. В. Вересаев, С. С. Юдин, Б. В. Петровский, В. А. Оппель, Н. Н. Бурденко, Б. М. Шубин и другие в разные годы и с разных позиций подходили к оценке ранения и возможностей последующего лечения великого поэта.

Лермонтов же, находясь в ссылке, оказался в какой-то мере отрезанным от своего окружения. К тому же скрыть причины дуэли, события до и после нее было значительно легче в горах Кавказа, чем в Петербурге или Москве. В наиболее солидном источнике, где собрано буквально все, что известно о жизни великого поэта, — «Лермонтовской энциклопедии» относительно его дуэли с Мартыновым сказано следующее: «Многие обстоятельства этого трагического события остаются неясными, поскольку показания очевидцев — самого Мартынова и секундантов М. П. Глебова и А. И. Васильчикова — давались на следствии, когда участники дуэли были озабочены не столько установлением истины, сколько тем, чтобы приуменьшить собственную вину».

В 1967 году в Нальчике состоялось расширенное совещание судебно-медицинских экспертов Северного Кавказа, сюда были приглашены медики и из других концов нашей страны. Мне тоже довелось участвовать в этом совещании. В один из свободных дней нам представилась счастливая возможность побывать в Пятигорске. Автобусом за каких-нибудь два часа мы добрались от Нальчика до одного из живописнейших мест Кавказа.

Тут находится дом-музей Лермонтова. В городском сквере на собранные народом средства еще в 1889 году был сооружен памятник поэту. На месте дуэли — у подножия горы Машук стоит белый мраморный обелиск. Он обнесен оградой из тяжелых чугунных камней, на четырех углах которой застыли каменные фигуры задумчивых грифов, символизирующие скорбь по безвременно погибшему поэту. Тысячи людей приходят сюда, чтобы почтить память Лермонтова.

Наш интерес к этому месту не был праздным. На совещании в Нальчике среди других материалов особое внимание привлекло сообщение ленинградского судебно-медицинского эксперта В. И. Молчанова «О ранении и смерти М. Ю. Лермонтова»*. Сам автор сообщения защитил докторскую диссертацию по огнестрельным повреждениям. В основу доклада на совещании легли материалы специальной экспертной комиссии, созданной при Институте русской литературы АН СССР. В. И. Молчанов был одним из ее членов. Комиссии пришлось проделать огромную работу. Некоторые факты общеизвестны. Поэт, вторично сосланный на Кавказ, не мог ужиться со спесивой знатью Пятигорска и приезжими аристократами из Москвы и Петербурга. Независимость Лермонтова приводила их в бешенство. Постепенно возник целый заговор, орудием которого стал офицер Мартынов — человек недалекий, самовлюбленный и обидчивый. Он поверил клеветническим слухам и 13 июля 1841 года, придравшись к пустяку, вызвал Лермонтова на дуэль. Через два дня на северном склоне горы Машук Лермонтов был убит. Но кем? Казалось бы, ясно — Мартыновым. Однако еще в 1935 году высказывалось

* В сб.: Судебно-медицинская экспертиза и криминалистика на службе следствия. Ставрополь, 1967, с. 501—503.

предположение, что поэт погиб в результате заговора от рук царских жандармов.

В 1954 году вышла книга замечательного советского прозаика К. Паустовского «Бег времени»; в ней была небольшая повесть «Разливы рек», в которой писатель в присущей ему лирической манере, тонко и поэтично рассказывает о последних днях М. Ю. Лермонтова. В конце повести есть такие слова: *«И последнее, что он заметил на земле, — одновременно с выстрелом Мартынова ему почудился второй выстрел, из кустов под обрывом, над которым он стоял...»* Прежде, еще в 1941 году, К. Паустовский написал книгу «Поручик Лермонтов» (сцены из жизни Лермонтова), посвященную столетию со дня гибели поэта. В ней он подробно воспроизводит эпизод дуэли Лермонтова с Мартыновым и не делает ни малейших намеков относительно преднамеренного убийства. Что касается этой фразы Паустовского в повести «Разливы рек», то литературоведы, в том числе такой авторитет, как Ираклий Андроников, расценили ее как проявление фантазии прозаика. Однако не все. В 1957 году журнал «Литературный Киргизстан» напечатал статью В. Швембергера «Трагедия у Перкальской скалы (по следам народной молвы)», в которой автор доказывал, что убийцей поэта был не Мартынов, а некий казак — якобы, причащаясь перед смертью, он признался священнику в своем преступлении.

Была создана специальная комиссия, в которую вошли известные лермонтоведы (И. Андроников, В. Мануйлов, Б. Городецкий) и судебные медики. Версию Швембергера подвергли справедливой критике, как основанную на вымышленных фактах.

Прошло семь лет. В 1964 году два известных специалиста — судебно-медицинский эксперт и криминалист — на Лермонтовской конференции в Пензе, а позднее, в январе 1965 года, на страницах газеты «Советская культура» пытались науч-

но обосновать доводы Швембергера. Их версия была такова: жандармы завлекли Лермонтова в горы и убили при помощи подставных лиц. Авторы считали, что жандармы путем угроз и шантажа заставили молчать всех, кто имел отношение к гибели Лермонтова (это секунданты, врач, осмотревший труп, сам Мартынов, таинственный убийца). Таким образом, «тайну» должны были хранить несколько человек. Большие споры среди судебных медиков и специалистов по баллистике вызвал вопрос о расположении входного и выходного огнестрельных отверстий на теле поэта. Эксперты и криминалист утверждали, что военный врач Барклай-де-Толли, осматривавший тело поэта, спутал входное и выходное отверстия. Иными словами, согласно их доводам, в Лермонтова стреляли не спереди, а сзади. Но если это так, то медик должен был бы по-иному описать и направление раневого канала в теле погибшего поэта. Читаем выписку из его заключения: *«...пистолетная пуля, попав в правый бок ниже последнего ребра, при срастании ребра с хрящом, пробила правое и левое легкое и вышла между 5 и 6 ребрами с левой стороны...»*

Барклай-де-Толли, ординатор Пятигорского военного госпиталя, был опытным врачом и, надо полагать, в условиях постоянных боевых действий на Кавказе не раз встречался с огнестрельными ранениями. Он правильно оценил характер раны, и в упрек ему можно поставить лишь то, что он, произведя поверхностный осмотр тела, не описал особенности входного и выходного отверстий — это исключило бы возможность споров о направлении раневого канала. Вскрытие тела также не производилось. На этих недостатках и строят свои выводы сторонники версии «Заговор». Суть их выводов такова: раневой канал в теле Лермонтова имеет восходящее направление, пуля пробила правый бок и вышла между 5 и 6 ребра-

ми слева, но этого не могло быть при известном со слов секундантов положении участников дуэли.

Таким образом, опытные специалисты пытались обосновать свои доводы законами судебно-баллистической экспертизы. Однако для правильных выводов такой экспертизы необходимы точные исходные данные, а до сих пор многое неизвестно. В частности, неизвестно точное место, где стоял каждый из дуэлянтов (возможно, Лермонтов стоял выше Мартынова); рост поэта и ширина его грудной клетки известны лишь приблизительно, рост Мартынова неизвестен вовсе. Восходящее же направление раневой канал мог иметь в силу обстоятельств, достаточно веско изложенных В. И. Молчановым. Пуля, попав в тело поэта, могла срикошетировать как от края ребра, так и от внутреннего органа, например печени, в связи с чем раневой канал и приобрел восходящее направление. Могли сказаться и другие факторы. Например, в момент выстрела Лермонтов мог инстинктивно отклониться, слегка пригнуться, что также изменило бы направление раневого канала.

Авторы статьи в «Советской культуре» также утверждали, что из гладкоствольного пистолета пробить насквозь тело человека невозможно. Нарезного же оружия, по их мнению, во времена Лермонтова просто не существовало. Однако, по заключению работника Государственного Эрмитажа Л. Тарасюка, нарезное оружие применялось задолго до смерти поэта. Известно, что на дуэли использовались немецкие пистолеты системы Кухенройтера. Эксперименты показали, что на коротких дистанциях они обладают большей пробивной способностью, чем куда более современный револьвер «Наган», и несколько меньшей, чем пистолет «ТТ». Следовательно, пуля из «Кухенройтера», даже гладкоствольного (а в те годы имелось и аналогичное оружие с нарезным стволом), могла пробить насквозь грудную клетку Лермонтова.

В 1972 году в серии литературных мемуаров вышла объемистая книга «М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников». Том содержит дневниковые записи, письма, литературные заметки лиц, близко знавших Лермонтова и друзей поэта. Определенный интерес представляют подробные воспоминания А. И. Васильчикова, присутствовавшего на месте дуэли от ее начала до трагического конца: *«Мы отмерили с Глебовым (второй секундант. — Авт.), тридцать шагов; последний барьер поставили на десяти и, разведя противников на крайние дистанции, положили им сходиться каждому на десять шагов по команде «марш». Зарядили pistols. Глебов подал один Мартынову, я другой Лермонтову, и скомандовали: «Сходись!» Лермонтов остался неподвижным и, взведя курок, поднял pistol дулом вверх, заслоняясь рукой и локтем по всем правилам опытного дуэлиста. Мартынов быстрыми шагами подошел к барьеру и выстрелил. Лермонтов упал, как будто его скосило на месте, не сделав движения ни назад, ни вперед, не успев даже захватить больное место, как это обыкновенно делают люди раненые или ушибленные. Мы подбежали. В правом боку дымилась рана, в левом — сочилась кровь, пуля пробила сердце и легкие».*

Однако к словам А. И. Васильчикова тоже следует относиться с осторожностью. Некоторые исследователи (Т. Иванова, Э. Герштейн и др.) прямо утверждают, что князь Васильчиков был одним из тайных интриганов, погубивших поэта. С. Чекалин в публикации на страницах «Недели» «Новое о дуэли. Неизвестные страницы воспоминаний о М. Ю. Лермонтове» пишет: *«...мы больше верим показаниям погибших на К...nze друзей поэта Глебова и Дорохова, дошедшим до нас с пересказа других людей, чем, казалось бы, подробным и беспристрастным воспоминаниям о дуэли князя Васильчикова, дожившего до старости, но*

так и не пожелавшего раскрыть до конца обстоятельства гибели великого поэта».

И тем не менее, читая многочисленные материалы, газетные и журнальные публикации на данную тему, я убеждаюсь в правоте, научной обоснованности доводов сторонников «обыкновенной» дуэли между Лермонтовым и Мартыновым и несостоятельности доводов их оппонентов. Особенно удивляет то обстоятельство, что наиболее авторитетные защитники идеи «заговора» и «выстрела в спину» — опытные эксперт и криминалист нарушили главное правило расследования любого происшествия — не побывали в Пятигорске на месте дуэли. Об этом совершенно справедливо писал Иракий Андроников на страницах «Литературной газеты»: «...выясняется, что ни один из них ни разу не побывал в Пятигорске, не видел ни горы Машук, ни Перкальской скалы — это они для себя считают не обязательным. Их не интересуют ни показания Мартынова, ни отклики современников, в том числе тех, кто был тогда — в 1841 году — в Пятигорске. Их занимает только траектория пули... В связи с этим я хотел бы напомнить, что специалист отличается от любителя не только объемом знаний... Нет! Он знает не только то, что было, но учитывает также и то, чего не могло быть»*.

Вернувшись с Кавказа, я перечитал «Героя нашего времени». Помните в романе сцену дуэли Печорина и Грушницкого? Ее причины, завязку, конец... Какая-то таинственная связь, подмеченная еще современниками, есть между событиями, описанными в романе, и гибелью самого Лермонтова. Что касается споров и гипотез, связанных с дуэлью Лермонтова и Мартынова, за последние годы они сошли на нет и каких-либо но-

* И. Андроников. Загадка? Для кого? — Лит. газета, 1973, 7 марта.

вых сообщений в печати не появлялось. Однако Лермонтов был и остается нашей гордостью, любовью и болью. Поиски литературоведов и историков его творчества продолжаются. В это большое общенациональное дело вносят свой вклад и медики. Не так давно кандидат медицинских наук А. А. Мовшович, судебно-медицинский эксперт из Липецка, участвовал в исследовании останков отца поэта, Юрия Петровича, перевезенных с места первичного захоронения в именное поместье Лермонтовых — Тарханы.

Передо мной слегка пожелтевшая фотография. На ней — белый мраморный обелиск, печальные грифы и гряда гор у горизонта, когда-то воспетых Лермонтовым. Поистине, «до сих пор не только могила, но и место его гибели полны памяти о нем...»

Третья встреча

«Медицина, которая служит человеку, слагается из науки и искусства, и над ними простирается чудесный покров героизма».

Гуго Глязер.
Драматическая медицина

Эту историю я впервые услышал от своего коллеги, Александра Петровича Седова. Два года спустя в поздней беседе за чашкой кофе мне поведал ее Володя Снегирев — бывший следователь милиции, ныне сотрудник одного из столичных юридических журналов. Седов и Снегирев не знают друг друга, но это оказалось для меня счастливым обстоятельством, так как из уст двух незнакомых друг другу людей я узнал совершенно разные подробности одного и того же события, случившегося в годы войны. Теперь о нем узнает и читатель.

В Свирске разве что приезжие не знали Григория Михайловича Сидери. Он прожил тут почти всю жизнь и не жалел об этом. Когда-то единственный врач в городе, он лечил от всех болезней, даже делал несложные операции. С судебной медициной Сидери связал случай. После гражданской войны в лесах хозяйничали банды, и Григорию Михайловичу нередко приходилось выезжать с работниками ЧК в качестве судебного медика. Чтобы лучше справляться со своими новыми обязанностями, Сидери прослушал в Харькове курс лекций по судебной медицине, а когда в Свирске появились молодые врачи, по предложению прокурора стал работать экспертом. Постепенно Григорий Михайлович все больше отходил от практической медицины. Перед войной врачей в городе стало уже столько, что за советом к Григорию Михайловичу обращались только друзья да близкие знакомые.

...За окном была уже глубокая ночь. Короткий отрывистый звонок раздался неожиданно. Григорий Михайлович осторожно спустил ноги на пол. Быстро ступая по холодным доскам, босиком прошел в прихожую, надел валенки, стоявшие перед дверью. «Верно, милиция пожаловала, — подумал он. — Больше некому в столь поздний час». Так оно и оказалось.

В машине на потертом сиденье было тепло. Снежинки белой пылью неслись навстречу. Город спал. «Газик» въехал во двор в распахнутые ворота, и Григорий Михайлович прошел через жарко натопленную дежурную комнату в кабинет начальника. Его он почти не знал, видел как-то раз мельком. Новый начальник милиции приехал в город недавно, месяца два назад.

Навстречу Сидери из-за стола поднялся невы-

сокий человек в тонком позолоченном пенсне на болезненном одутловатом лице.

— Извините за беспокойство, доктор! Время позднее, но пришлось потревожить. Ваш молодой коллега уехал как-то не вовремя, а тут это происшествие... Кстати, и познакомимся.

Теперь только Григорий Михайлович вспомнил, что доктор Орлов, работавший уже два года судмедэкспертом в Свирске, после того как сам он ушел на пенсию, просил в случае надобности заменить его на несколько дней. Сидери присел на диван. Минут через десять он уже все знал. Машина из пригородного совхоза сбила у въезда в город человека. Травма, по-видимому, была тяжелой, «скорая» уже выехала...

В «газике» сильно трясло. Григорий Михайлович, вжавшись в сиденье, крепко держался за железную ручку. Вдали показался свет. Газик пошел в гору, свет пропал, но вскоре после подъема возник опять, более яркий. У края дороги впритык к милицейскому фургону стоял грузовик. Рядом с машиной «скорой помощи» на носилках лежало тело, прикрытое простыней. Врач, совсем еще молодой человек, казавшийся неуклюжим в белом халате поверх пальто, развел руками: «Приехали — уже все», — потом помолчал и, считая свою миссию исчерпанной, быстро полез в машину.

Сидери подошел к носилкам, откинул простыню. На зеленом брезенте лежал пожилой мужчина в грязном овчинном полушубке. Редкие волосы на висках и темени едва прикрывали лысину. На светлом полушубке сбоку и на груди виднелось несколько темных пятен. «След от протектора», — подумал Сидери и сказал подошедшим:

— Вероятнее всего, переезд тела. Вот и рисунок колеса заметен. Подробности завтра, на вскрытии...

Дома Григорий Михайлович долго не мог ус-

нуть. Он лежал с открытыми глазами, смотрел на бледный проем окна. Ворочался с боку на бок. Раза два ходил на кухню и пил холодный невкусный чай. Нет, это была не старческая бессонница, и боль в ногах не беспокоила. Само происшествие не так уж сильно растревожило врача. Работа судебного медика приучила Сидери к событиям неожиданным и нередко загадочным. Но лицо человека на носилках... Низкий лоб, багровые комья щек, лысина, рыжеватые редкие волосы на висках. Правда, усов нет. У того были усы, крашенные. Черная полоска над верхней губой. Неужели это он, Сличевский? Пожалуй, лет пятнадцать прошло, как его посадили. Тогда Григорию Михайловичу пришлось быть на суде одним из основных свидетелей. «А вдруг все же обознался?» — подумал Сидери. Мучаясь от бессонницы, Григорий Михайлович решил позвонить в милицию.

— Некий Сличевский, — коротко ответил дежурный. — Участковый справки навел. Говорят, темная личность, был осужден, недавно освобожден.

Значит, выпустили. Отсидел срок.

Мысли Сидери метнулись назад, в прошлое.

Весна 1941 года. Ледоход на реке. Перевернутая лодка. Он в ледяной воде, потом три километра бегом в задубевшей одежде до ближайшей деревни. Тяжелое воспаление легких, хронический бронхит, поражение суставов...

Недвижимый лежал Григорий Михайлович, когда началась война. Он настоял, чтобы семья эвакуировалась, оставив его в больнице, где находилось еще несколько тяжелобольных. Врачей не было, и санитарки перевозили неподвижного Сидери на каталке от одной койки к другой. Он лечил других и медленно выздоравливал сам.

Поздней осенью, когда в Свирске вовсю хозяйничали немцы, Григорий Михайлович впервые за много дней поднялся на ноги. Передвигался сначала на костылях и только через год смог опять ходить самостоятельно. Сидери жил теперь при больнице в деревянном домике прачечной. Оставшиеся в городе люди, в основном старики, обращались к нему за помощью, и он лечил их, забыв о судебной медицине. Только книги напоминали ему о ней да страшные дела оккупантов.

Но однажды немцы вспомнили о профессии Сидери. Старая из толстых досок дверь прачечной содрогнулась от тяжелых ударов, засов жалобно закрипел, а петли, казалось, вот-вот будут вырваны из гнезд. Григорий Михайлович открыл дверь и увидел двух солдат, а рядом с ними бывшего учителя Сличевского. Похоже, он пришелся немцам по душе — его назначили бургомистром. Сличевский был хитер, на рожон не лез: в лесах хозяйничали партизаны, всякое могло случиться.

— Дело есть, Григорий Михалыч, — важно начал Сличевский. — Ты ведь единственный врач в городе, к тому же еще судебный. Вот по твоей части консультация и требуется. Хата сгорела, в ней немецкий офицер. Напился, видно, и спалил себя. Я уж их успокоил, сказал, что тут посторонней руки нет. Да и чин небольшой, особых хлопот не будет. Заплатим, конечно, хоть деньгами, хоть продуктами. У них свой врач присутствует, а ты только собственное мнение выскажешь.

Труп лежал на белом кафельном столе. В стороне Сидери заметил несколько носилок, прикрытых простынями. Впервые за полтора года он вновь надел белый халат. Его немного поташнивало, голова кружилась. Кроме него в комнате находилось еще четверо: немецкий врач, совсем еще мальчишка, в халате, но без перчаток; офицер, си-

девший на стуле у стены; переводчик и Сличевский.

Сняв обрывки обгоревшей одежды, Григорий Михайлович высоко поднял их и показал присутствующим. Потом начал внимательно осматривать труп. Руки и ноги интенсивно черного цвета, голова тоже черная, кожа потрескавшаяся. Немец действительно обгорел. Врач, стоявший рядом с офицером, почтительно вытянул длинную худую шею к самому его уху (тот так и не встал со стула). Григорий Михайлович несколько раз улышал слово «flamme» (пламя). Руки его ощупали голову трупа, лицо с черными провалами глазниц, шею. На правой ее стороне он разглядел красноватое пятно полуовальной формы. Ссадина? Рядом, сантиметром левее, еще одно. Две ссадины? Кожа местами была содрана с тела, обнажая мышцы, поэтому пятна просто никто не заметил, кроме него.

Сидери все время говорил, переводчик едва успевал за ним. Немцы почти не слушали его. Видно, успокоились, устали. Вскрытие Григорий Михайлович начал не с шеи — сейчас это была запретная область. Он еще раз осмотрел грудь, живот. Главное — не спешить. Возможно, немцы сами уйдут, убедившись в том, что их офицер сгорел в состоянии опьянения. Однако никто не уходил, приходилось продолжать.

«А ведь этот молокосос ничего не поймет», — внезапно подумал Григорий Михайлович со злорадством, краем глаза увидев набриоленную голову немецкого врача. Глаза за стеклами очков прикрыты. Спит или делает вид?

Он разрезал мышцы шеи, и от сердца отлегло. Если тут и были кровоизлияния, то сейчас их нельзя заметить: кровь свернулась от действия пламени. Это хорошо. Теперь подъязычная кость. Руки осторожно ощупали ее. Очень уж подвиж-

на... Нельзя спешить. Сидери потянулся за другим инструментом, чтобы выиграть время. Потом опять дотронулся до этой проклятой кости. Она была похожа на ветку дерева, у которой кожица цела, а сердцевина сломана. Через секунду руки оставили шею и опустились вниз. Сердце, легкие... Причина смерти немца была ясна: удушение руками, потом поджог.

А переводчик говорил:

— Доктор считает, что герр офицер был крепкий солдат. Абсолютно здоровый мужчина. Но выпить любил. Вот по неосторожности и сгорел в пьяном состоянии.

Вскрывая желудок, Григорий Михайлович ощутил сильный запах спиртного. Он дал и немцу-врачу понюхать эту буроватую массу. Тот слегка приблизил голову и тут же понимающе кивнул головой. Все. Можно кончать...

Это была его первая встреча со Сличевским. Вторая состоялась уже после войны, когда шел суд над бывшим бургомистром. Там Сидери, выступавший в качестве свидетеля, рассказал правду об этом случае. Третья встреча произошла сегодня...

Только под утро забылся Григорий Михайлович коротким тревожным сном. Когда он встал, уже рассвело, но в больницу было идти еще рано. Он взял с полки небольшой томик Уголовного кодекса РСФСР. Нашел статью 181 — «Заведомо ложное показание» (имеется в виду и заведомо ложное заключение эксперта) — и медленно положил книгу на место.

Да, тогда, в далеком 1942 году, он дал заведомо ложное заключение. Но перед ним были враги. Сегодня ему предстоит исследовать труп Сличевского, определить место удара автомашины. Хорошо, если машина сбила бывшего бургомистра спе-

реди. Тогда, выходит, он сам виноват — выбежал, наверное, пьяный на дорогу. А если сзади — значит, недоглядел шофер. Ночь, метель...

Он не жалел Сличевского. Его гибель не трогала Григория Михайловича. Он видел в ней какую-то свою логику, непонятную закономерность. Как говорят в народе, гнилую траву с поля вон. Но, будучи судебно-медицинским экспертом, он обязан сообщить следователю истину о ночном происшествии. Впрочем, сейчас Григорий Михайлович лишь формально, по знаниям и опыту соответствовал этой должности, ведь он уже несколько лет на пенсии, как бы частное лицо...

Сидери вспомнил, что по закону эксперт, подобно любому из юристов — от прокурора до адвоката, не должен быть лично заинтересован в исходе дела. В Уголовно-процессуальном кодексе существует даже специальная статья, 67, под названием «Отвод эксперта». В ней перечисляются основания для отвода. Его прежние взаимоотношения со Сличевским (то, что Сидери по его указанию вскрывал труп немца, потом свидетельствовал на суде по делу Сличевского) вполне могут явиться такими основаниями. Сухие строки кодекса успокоили Григория Михайловича. Ему стало ясно, что сейчас вскрытие Сличевского должен сделать другой врач.

Время близилось к девяти. Скоро идти в больницу. Григорий Михайлович не торопясь оделся и минут десять отгребал от крыльца легкий ночной снег. Потом прислонил лопату к забору и медленно пошел в больницу. Он шел по той же дороге, что и тогда, в 1942-м, в то же помещение с белыми кафельными стенами, с которым была связана вся его долгая жизнь, целиком прошедшая в поисках истины и справедливости.

Сидери не стал исследовать труп бывшего бургомистра, а настоял, чтобы следователь (им, кста-

ти, оказался один из рассказчиков — Володя Снегирев) дозвонился до областного бюро и вызвал судмедэксперта оттуда.

К вечеру того же дня откомандированный в Свирск опытный судебный медик установил, что удар частями грузовой автомашины пришелся на туловище Сличевского сбоку, после чего тело было отброшено на полотно дороги и машина переехала его. С учетом этих данных, а также полученных позднее результатов судебно-химической экспертизы, установившей у покойного наличие высокой концентрации алкоголя в крови, следствие пришло к выводу: потерпевший получил смертельную травму, вероятнее всего, по собственной неосторожности. Он нетрезвый в метель перебежал через оледеневшую дорогу, грузовик не успел затормозить.

Порочный круг

Впервые о наркотиках я услышал на третьем курсе медицинского института, когда нам читали лекции по лекарственным соединениям, относящимся к этой группе. Кафедрой фармакологии Горьковского медицинского института заведовал тогда крупный ученый — профессор Николай Петрович Синицын, впервые в мире (1945 год) осуществивший пересадку сердца на животных в экспериментальных условиях.

— «Наркотик» — слово греческое, — так начал свою первую лекцию на эту тему Николай Петрович. — В переводе означает «приводящий в оцепенение, одурманивающий». Наркотики — это группа веществ растительного и химического происхождения, оказывающих болеутоляющее и снотворное действие. Наиболее ярким их представителем является морфин — сильный яд, действующий на центральную нервную систему. При малых

количества этих препаратов снимается болевая чувствительность, наступает глубокий сон. Отсюда и название «морфин», в честь бога сна Морфея. Характерным проявлением действия морфина является состояние эйфории — благодушное, повышено-радостное, но ложное настроение. Стремление повторить это состояние может вызвать пристрастие к наркотикам и в конце концов привести к наркомании — крайне тяжелому заболеванию. Друзья мои, будущие врачи, запомните: прикосновение к наркотикам без надобности чревато серьезными и тяжелыми последствиями.

Лекция лекцией, но все же тогда такие названия лекарств, как морфин, героин, промедол, звучали для нас подобно некоей умиротворяющей музыке: ведь они несли больному избавление от нестерпимой боли.

Годом спустя, уже на четвертом курсе, после внезапного аппендицита мне тоже довелось соприкоснуться с болью. Тогда я сразу же вспомнил о чудо-лекарствах и попросил молодого хирурга, зашедшего в палату, сделать мне какой-нибудь обезболивающий укол. Врач уже был готов выполнить просьбу будущего коллеги, но тут неожиданно появился мой родной дядя, опытнейший клиницист, прошедший всю войну от звонка до звонка. Он перехватил руку со шприцем. Казавшийся спасительным укол не состоялся, пришлось удовлетвориться двумя безобидными таблетками «совсем из другой оперы». Тогда я даже несколько обиделся на дядю, отказавшему родному племяннику в милосердии.

Прошло несколько лет. Я закончил институт и совмещал обязанности районного судмедэксперта с дежурствами на «скорой». В те незабываемые годы юности хотелось помочь всем больным, избавить всех людей от недугов и страданий. Наркотики и тогда относились к особо контролируемым лекарствам. Всякий раз, выходя на дежурство, я проверял свой врачебный чсмоданчик: положены

ли туда спасительные ампулы. С ними я чувствовал себя уверенней. Уверенность эта усилилась после того, как благодаря нескольким уколам нашей дежурной бригаде удалось буквально «дотащить» до операционного стола могучего бригадира грузчиков, получившего тяжелейшую травму грудной клетки с множественными переломами ребер и разрывом легкого и находившегося в состоянии глубокого болевого шока. Операция спасла ему жизнь.

В практике любого врача, особенно если он имеет дело с травмами или онкологическими заболеваниями, встречаются ситуации, когда необходимо использовать наркотики. Но бывают и совсем другие ситуации, когда в наркотиках нет никакой необходимости, но их пытаются отнять, украсть, выпросить, купить — в общем, заполучить любой ценой.

Вскоре после того, как нам удалось спасти бригадира грузчиков, вышел я на ночное дежурство. Поздним вечером на «скорую» поступил вызов. Выезжаю по указанному адресу, на окраину города. Темень беспросветная, вокруг сугробы. Дорога внезапно обрывается, а до крайнего частного дома, где едва различим дрожащий огонек, еще добрая сотня метров. Свет становится ярче. Кажется, меня встречают, ждут. От этих мыслей становится теплее. Заслоняя лицо от порывов холодного ветра, ускоряю шаг. На пороге вижу худого высокого мужчину средних лет с керосиновой лампой в руке. Вежливо приглашает в комнату. Прохожу, сажусь, растирая озябшие руки, раскрываю саквояж.

— Так, на что жалуетесь, что случилось?

— Боли в животе, доктор, замучили. Видно, с вечера что-то не то съел.

Предлагаю хозяину лечь для осмотра на диван, располагаюсь рядом. Теперь замечаю, что он действительно нездоров: цвет лица сероватый, глаза запавшие, беспокойные, изо рта неприятный за-

пах. Кажется гораздо старше своих лет: сказал, что ему тридцать семь, а выглядит на все пятьдесят. Помяв основательно живот, убеждаюсь, что ничего серьезного нет, возможно пищевое отравление. Но на всякий случай предлагаю пациенту ехать в больницу, чтобы там окончательно разобраться. Однако на мое предложение мужчина (назовем его Петровым) отвечает решительным отказом.

— Вы правы, доктор, ничего серьезного нет, — вдруг соглашается он. — Мне бы только укольчик, что-нибудь для снятия боли. — Он бросает взгляд на полураскрытый чемоданчик. — А в больницу ехать вовсе не обязательно. От укола, уверяю вас, вмиг полегчает.

Тут до меня доходит. Наркоман и, похоже, хроник. Твердо, стараясь казаться спокойным, отказываю ему и направляюсь к выходу.

Около двух часов ночи раздается тревожный звонок. «Тяжелый ожог, разорвалась паяльная лампа», — сообщает медсестра, принявшая вызов. Дело действительно серьезное, такой случай в моей небогатой практике уже был. Взяв все необходимое, выезжаем. Через двадцать минут поднимаюсь на второй этаж и в одной из комнат коммунальной квартиры при слабом свете свечи (неожиданно и как назло отключилось электричество) вижу Петрова. Просит дать обезболивающее. На правой руке у него, чуть ниже локтя, легкая краснота. Ничего себе «ожог»! Помазав для приличия красное пятно зеленкой, захлопываю дверь и возвращаюсь на «скорую». Петров провожает меня злобным взглядом.

Но это еще не все. Ранним утром, когда до сдачи дежурства оставалось чуть более часа, следует очередной вызов: кому-то плохо с сердцем. Просят прислать врача поквалифицированнее, со стажем. Но второй дежурный врач, со стажем, минут десять как уехал на другой машине в ближай-

шее село и вернется не раньше чем через полтора — два часа. Стало быть, ехать мне.

Опять частный дом, до которого добираюсь по оледеневшей тропе. А там на кровати... тот же Петров. Согнулся, кажется, втрое от судорог, перекошенное лицо, белые ошалевшие глаза. Он не один, рядом полуодетая неряшливая женщина. Опять просьбы о «спасительных уколах», теперь перемежаемые бранью и откровенными угрозами. Вдруг Петров рывком скатывается с кровати и ползет ко мне, часто-часто целуя грязный шерба-тый пол. Еще мгновенье — и губы его коснутся моих припорошенных снегом валенок. Меня бросает в пот, пячусь к двери, крепко сжимая в руках чемоданчик. Не скрою, сквозь досаду и страх (в общем-то, теперь передо мной был фактически безумец) пробивается чувство жалости к этим людям. Предлагаю ехать в больницу, но слышать не хочет: укол, только один укол! Решительно открываю дверь, и тут дорогу мне преграждает большая овчарка, выпущенная хозяйкой из соседней комнаты. Услышав хриплый злобный лай, на выручку спешит водитель с монтировкой в руке. С большим трудом, обороняясь от собаки, покидаем этот «дом с привидениями». Лишь добравшись до «УАЗа» и почувствовав себя в безопасности, я догадываюсь, почему просили прислать опытного врача: Петров явно хотел избежать очередной встречи со мной, но не получилось.

Когда я вспоминаю ту давнюю ночь с тремя ложными вызовами по разным адресам и овчаркой в качестве возмездия несговорчивому врачу, каждый раз не устаю удивляться: до чего может докаться человек, пристрастившийся к наркотикам! С той памятной ночи моя наивно-юношеская вера в безусловное добро от «чудо-лекарств» серьезно поколебалась.

В Уголовном кодексе РСФСР и кодексах союзных республик предусматривается ответствен-

ность за незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозку или сбыт наркотических средств, а также их хищение из государственных организаций. Мера наказания за подобные преступления весьма высока (к слову, и за рубежом тоже), что с позиции морали следует считать оправданным, учитывая их повышенную опасность для окружающих. При расследованиях уголовных дел, связанных с наркотиками, следователь обычно назначает судебно-медицинскую экспертизу. Такие экспертизы проводятся в лабораториях областных бюро опытными экспертами-химиками.

Особую боль испытываю я, когда узнаю о преступлениях, совершаемых медиками. Вот хотя бы такой, поразительный по цинизму случай. Привожу строки из постановления следователя: *«...установлено, что фельдшер «скорой помощи» Н., используя служебное положение, в целях наживы изымал из врачебных чемоданов ампулы с наркотиками, надпиливал их, вскрывал, сливая содержимое. Затем наливал в ампулы иную жидкость, после чего осторожно запаивал. Всего за неполный месяц им похищено свыше десятка ампул наркотиков...»* За постановлением следует текст судебно-химической экспертизы, которая установила, что во вскрытые ампулы наливалась... обыкновенная дистиллированная вода!

Теперь представим, к примеру, что к больному, находящемуся после травмы в тяжелом шоке, выезжает бригада «скорой помощи» с медикаментами, в числе которых подобные «обезболивающие» препараты. Замечу, что несколько ампул с дистиллированной водой, прежде чем Н. был разоблачен, оказались использованными — их содержимое ввели больным. Таким образом, страсть к наживе повлекла за собой и посягательство на святая святых — здоровье человека.

Вспоминается и такое. Некий «врач», онколог, имея доступ к наркотикам, выписывал их за большие деньги. Всего за год с небольшим он реализо-

вал около сотни рецептов, пока милиция не прервала его «лечебную» деятельность. Ознакомившись с уголовным делом и написав судебный очерк о медике-преступнике, я отнес его в весьма уважаемое издание. Увы, тот материал так и не увидел свет. Сотрудник редакции, возвращая очерк, заметил, что тема эта малоактуальна, следовательно, не требует особого разговора с читателем.

К счастью, во благо медицины и здоровья людей нынче иные времена, иные песни.

Установлено, что по воздействию на организм человека наркотик в чем-то сходен с алкоголем. Ведь наркоман употребляет его не в медицинских целях, а для того, чтобы наступило состояние так называемого наркотического опьянения. Между тем морфий и аналогичные ему препараты быстро (иногда в результате единственного укола или 2—3 таблеток) вызывают привыкание, причем для получения эффекта, удовольствия на несколько часов дозы приходится все время повышать. Тут-то и возникает порочный круг. Наркоман уже не в силах порвать его, так как при отказе от препарата или уменьшении дозы появляется крайне мучительный для организма симптом отмены, так называемая абстиненция (в переводе с латыни — воздержание). Это тягостное состояние: угнетенность духа и воли, чувство беспокойства и страха, сердцебиение, потливость, невыносимые боли в костях и суставах, судороги. Тот, кто хотя бы раз видел человека, испытывающего подобные страдания, не забудет этого никогда.

Однако проводить параллель между алкоголизмом и наркоманией уместно лишь до определенного предела. Если бытовой пьяница становится алкоголиком постепенно, в течение нескольких лет, то пристрастие к наркотикам вырабатывается в спринтерском темпе, обычно за два-три месяца. При этом процесс физической и социальной дегра-

дачи личности также стремительно прогрессирует. Редко кто из наркоманов преодолевает сорокалетний рубеж, а если и достигает его, то выглядит стариком, глубоко больным и нравственно разбитым человеком.

Судебно-медицинским экспертам нередко приходится осматривать лиц, пристрастившихся к наркотикам, в целях выявления на теле следов, оставшихся после инъекций (уколов). Мне тоже не раз приходилось. И постепенно в моем представлении из отдельных, конкретных портретов возник некий обобщенный, собирательный портрет наркомана. Как правило, это худощавый молодой человек (возраст чаще всего до тридцати), слабый, болезненный, одетый неряшливо, однако с претензиями на респектабельность, очень лживый (может поведать массу полуфантастических историй из своей биографии, ни одной из которых верить нельзя). Обычно он вежлив, даже заискивающе вежлив, но несдержан и вспыльчив, если «прижат к стенке». Подавляющее большинство таких лиц тщательно скрывают, что употребляют наркотики.

Давно известно, что люди, пристрастившиеся к наркотикам, способны на любое преступление. Листаю странички дневника. Вот еще один эпизод из моей практики, сравнительно недавний.

Это случилось в нашей области. В реанимационное отделение областной больницы с тяжелой травмой головы поступил некий Руслан Сафаров. Спутник потерпевшего, Виктор Мишин, пояснил, что они вдвоем ехали на его «Жигулях» из Андижана в Ярославль: с чисто познавательными целями решили совершить туристский вояж по Золотому кольцу. Недалеко от Владимира Сафаров, сидевший на месте пассажира переднего сиденья, открыл дверь и, держась за нее, резко наклонился вниз, пытаясь заглянуть под машину: вроде бы что-то случилось с коробкой скоростей. Когда через две-три секунды Сафаров вернулся в прежнее

положение, голова у него оказалась в крови. Он сразу потерял сознание. «Вероятно, ударился о придорожный камень», — сказал Мишин. Хотя рядом, в десяти минутах езды, был большой город, Мишин ехать туда не спешил. Кое-как, но с видимым усердием он перевязал раны на голове Сафарова несвежими майками и стал ждать. Однако Сафаров так и не пришел в сознание. Лишь через час после травмы Мишин доставил его в больницу. Персонал приемного покоя засвидетельствовал, что Мишин был крайне взволнован. Он так и не смог толком рассказать, что же все-таки случилось, мешал хирургу работать, плакал. Потом попросил чего-нибудь успокоительного и, выпив валериановые капли, быстро заснул.

Когда сотрудники ГАИ в целях расследования причины дорожно-транспортной травмы прибыли в больницу, им пришлось потрудиться, чтобы разбудить Мишина. К этому моменту при досмотре автомашины в багажнике, за запасным колесом, в гряде различных предметов был обнаружен тщательно упакованный полиэтиленовый пакет весом около полутора килограммов. «Похоже, гашиш», — растерев в руках остро пахнущий комочек, предположил кто-то из сотрудников. Так оно и оказалось. Впоследствии исследование порошка, проведенное во Владимирском областном бюро судебно-медицинской экспертизы, подтвердило, что химикам доставили для анализа один из сильнодействующих наркотиков с «южной пропиской».

Между тем Мишин, очнувшись, опять начал беспокоиться. От пакета в багажнике отказался наотрез. Возможно, он и дальше продолжал бы утверждать, что ничего не знает, сваливая все на находящегося без сознания Руслана. Однако в его кошельке обнаружили упаковку с тем же зеленым порошком весом 2,1 грамма.

Прошло несколько дней. За это время инспектор уголовного розыска успел слетать в Андижан и навести о путешественниках кое-какие справки.

Руслан Сафаров оказался барменом туристской гостиницы, Виктор Мишин — студентом 3-го курса педагогического института. Оба члены ВЛКСМ, характеризовались положительно.

Вот что выяснилось в ходе следствия. Однажды Руслан познакомился с двумя подвыпившими туристами из Ярославля, и те заверили его, что в их краях можно относительно дешево купить поддержанную автомашину и к тому же подзаработать, если привезти с собой наркотики. Сафаров поделился своими соображениями с Мишиным, и оба стали собираться в город на Волге. А тем временем в Ярославль была отправлена небольшая посылка. В материалах дела фигурирует письмо Сафарову одного из туристов, некоего Г. В письме есть такие слова: *«Дрова кончились вчера, но пока ничего не надо. Передашь при встрече»*.

Для приобретения наркотиков в Андижане нужны были деньги. И вот Мишин продал мотоцикл отца за 2000 рублей и на всю сумму купил гашиш.

Возможно, путь этой пары до Ярославля был бы более благополучным, но они уже успели стать наркоманами и в дороге употребляли гашиш, а Сафаров, кроме того, сделал себе несколько уколов промедола. Под Владимиром у них возникли неполадки с машиной — перекосило коробку передач. Времени на ремонт не было: желание быстрее доехать до Ярославля и выгодно сбыть наркотик гнало вперед. Чтобы устранить перекошение, под коробку передач подложили гаечный ключ. Внезапно во время движения он выпал, и тогда-то Сафаров, даже не пристегнувшись ремнем безопасности, открыл дверцу и наклонился вниз. Почти касаясь головой шоссе, он заглядывал под машину, пытаясь (на ходу!) обнаружить неисправность. В этот момент он и получил тяжелую травму с переломом костей черепа.

Вот что рассказала потом начальник следствен-

ного отделения Судогодского РОВД Л. И. Крайнова:

— Версия о несчастном случае казалась сначала маловероятной. Предполагалась возможность ссоры, в процессе которой Сафаров получил удар по голове каким-то предметом. Но эта версия не нашла подтверждения в ходе осмотра места происшествия. На неровной дороге были обнаружены следы крови в виде пятен и брызг. На дороге во многих местах валяются камни и комья смерзшейся земли. Вероятнее всего, Сафаров, находясь в состоянии наркотического опьянения, утратил всякую осторожность...

По предложению следователя я осмотрел Сафарова сразу же после того, как ему была сделана неотложная операция. Он лежал на особой кровати, лишь системы для переливания крови и противошоковых жидкостей поддерживали его жизнь. Голову потерпевшего окутывала толстая многослойная повязка. Но меня пока интересовали лишь его руки, худые, посиневшие, беспомощно раскинутые в стороны. В локтевых сгибах и выше кистей по ходу голубоватых вен я увидел множественные мелкие коричневатые ссадинки от уколов иглой. Двадцатилетний парень был законченным наркоманом.

В конце концов Мишин и его сообщники оказались на скамье подсудимых. Сафарова, несмотря на усилия медиков, спасти не удалось.

При определении Мишину наказания — семь лет лишения свободы с конфискацией автомашины и другого имущества в доход государства — суд учел характер и значительную общественную опасность совершенного преступления. Ввиду тяжести содеянного суд отклонил ходатайство студентов Андиганского педагогического института о передаче подсудимого коллективу для исправления и перевоспитания.

Ныне доказано, что наркомания становится особенно опасной, если она распространяется сре-

ди водителей автомобилей. Недавно в газетах появилось сообщение о решении итальянской национальной федерации автомобилистов наряду с проверкой на алкоголь подвергать водителей и наркотическому контролю. Представляется, что и в нашей стране подобные меры безопасности оказались бы не лишними.

Тщательная охрана лекарств привела к тому, что теперь в основном применяется одурманивающее зелье растительного происхождения, которое подпольные бизнесмены получают из дикой конопли и мака, выращиваемых преимущественно в южных регионах страны (среднеазиатские республики, отдельные области Поволжья). Эти наркотики ничуть не менее опасны для здоровья.

Каковы же причины наркомании? На этот вопрос невозможно дать однозначного ответа. Социологи и медики установили, что к наркотикам чаще всего прибегают слабовольные молодые люди, некоторые после тяжелых потрясений (например, разлад в семье, конфликт на работе, разочарование в любви). Прием наркотиков помогает им освободиться от состояния психического напряжения или депрессии. Ощущение удовольствия, эйфория делают их рабами прогрессирующей с каждым днем болезни, несмотря на то что причина, толкнувшая их в роковой круг, может исчезнуть. Немалую роль играет и желание молодых «встряхнуться», самоутвердиться перед сверстниками и в собственных глазах. Очень часто толкает к приему наркотиков любопытство, подражание товарищам, дань «моде», жажда новых ощущений. Статистика свидетельствует, что до 60 процентов молодежи прибегает к наркотикам именно по этой причине.

«Наркомания — молодежная проблема, потому что жизнь пристрастившегося к дурману обрывается и очень скоро, и очень рано», — писал в публицистической статье, насыщенной тревожными

цифрами и фактами, Министр МВД СССР А. В. Власов («Правда», 1987, 6 января). В справедливости этих слов я смог убедиться лично, когда посетил Владимирскую областную психиатрическую больницу, где в специальном отделении лечатся наркоманы. Опытные врачи-психиатры были со мной предельно откровенны.

— Сейчас в нашем отделении находится несколько десятков больных, — сказали они, — в основном молодежь. Лечение проводим комплексно, используем новейшие препараты, психотерапию. Но эффект не столь велик, как хотелось бы, ведь к нам доставляют больных с довольно запущенными формами болезни. Следует выявлять наркоманов как можно раньше, тогда и шансы на успех будут гораздо выше.

Я спросил у коллег их мнение о причинах, толкающих молодежь к наркотикам.

— А вы поговорите с больным К., — предложили они мне. — Поступил на днях. В отличие от других, весьма словоохотлив. Его биография типична для многих из тех, кто попал в порочный круг.

В кабинет вошел худощавый бледный парень с густыми темно-каштановыми волосами — Борис К., 22 лет. Разговаривал я с ним более трех часов. Он был на удивление откровенен, хотя вопросы я задавал довольно острые. Краткую суть нашей беседы постараюсь изложить предельно точно.

— Рос и воспитывался я в Ставропольском крае. Курить начал в шестом классе. Еще через год, глядя на друзей постарше, стал добавлять в сигареты гашиш. Вначале было просто любопытно, хотелось испытать новые ощущения, стать взрослее. Летом, в каникулы, я был предоставлен сам себе, родители мною почти не занимались. С девятого класса начал колотиться, опять-таки от скуки, чтобы снять напряжение и плохое настроение. Мне все время казалось, что окружающие

живут лучше меня, сверстники имеют красивые и модные вещи. А как примешь «дозу» — все проблемы исчезают сами собой, настроение становится бодрым, приподнятым. Но всего на несколько часов. Любой наркотик стоит на «черном рынке» больших денег. С десятого я начал воровать и на вырученные деньги приобретал наркотики. Дважды попадался, имею две судимости. Я знаю, что наркотики очень вредны для организма. Многих моих знакомых, друзей уже нет на свете. Кто-то умер, кто-то покончил с собой. У меня сильные сердцебиения, боли в желудке и суставах, частые судороги, никудышная печень. Наверное, мне не стоило этим заниматься. Ведь я всего за один-два года стал законченным наркоманом. Когда нет «дозы», чувствую себя крайне тяжело, все болит, голова гудит, жить не хочется. И это не громкие слова — в буквальном смысле слова умираю. Здесь я больше недели, чувствую себя лучше. Может быть, мне действительно помогут? Очень хочется удержаться в жизни, начать все сначала. И главное — как закончу лечение, надо работать, на что-то переключиться. Читать я теперь не очень люблю, разве что детективы.

Да, биография Бориса оказалась типичной. В ней — жесткая и беспощадная реальность, человеческая трагедия. Хотелось бы надеяться, что эта жизнь еще не до конца пройдена.

Пора подводить итоги. Я поведал читателю о событиях, происшедших в разные годы с тремя разными людьми. Это наркоман в возрасте, которого уже, пожалуй, ничто не могло спасти, и два молодых человека: Мишин, угодивший на скамью подсудимых, и Борис К. с двумя судимостями, проходивший курс серьезного лечения в психиатрической больнице. При всей несхожести характеров, интеллекта и условий жизни этих людей у них есть нечто общее. Они сами, добровольно день за днем усердно стирают ту зыбкую, трепет-

ную грань, которая отделяет жизнь от смерти, то есть совершают фактически медленное самоубийство.

Врач по профессии, выдающийся советский писатель М. А. Булгаков в рассказе «Морфий» талантливо и правдиво повествует о судьбе доктора Сергея Полякова. У молодого земского медика ночью внезапно возникают острые боли в области желудка, которые он снимает уколом морфина. После того как боль прошла, герой рассказа размышляет: «Не могу не воздать хвалу тому, кто первый извлек из маковых головок морфий: истинный благодетель человечества. Боли прекратились через семь минут после укола... Было бы очень хорошо, если бы врач имел возможность на себе проверить многие лекарства. Совсем иное у него было бы понимание их действия». Этот укол стал для Полякова роковым, с той ночи он превратился в наркомана. Дозы постоянно росли. Вот строки из дневника-исповеди медика: «Я, несчастный доктор Поляков, заболевший в феврале этого года морфинизмом, предупреждаю всех, кому выпадет на долю такая же участь, как и мне. Смерть от жажды — райская, блаженная смерть по сравнению с жаждой морфия. Так заживо погребенный, вероятно, ловит последние ничтожные пузырьки воздуха в гробу и раздирает кожу на груди ногтями. Так еретик на костре шевелится и стонет, когда первые языки пламени лижут его ноги... Смерть, сухая медленная смерть... 15 января. Рвота утром. Три шприца четырехпроцентного раствора в сумерки. Три шприца четырехпроцентного раствора ночью. 17 января. Читал во время воздержания учебник психиатрии, и он произвел на меня угнетающее впечатление. Я погиб, надежды нет. Шорохов боюсь. Люди мне ненавистны во время воздержания. Я их боюсь. Во время эйфории я их всех люблю, но предпочитаю одиночество». В финале рассказа тяжело раненный Поля-

ков умирает, выстрелив себе в грудь из револьвера. С момента первого укола прошел ровно год...

Вспоминаю, был на нашем курсе студент, в общем-то ничем не примечательный, мало отличающийся от остальных, но какой-то неуравновешенный, импульсивный. Не знаю, кто внушил ему эту идею, возможно, он и сам дошел до нее, но с некоторых пор будущий медик стал «пробовать», испытывать на себе те лекарства, о которых мы узнавали на занятиях. Замечу, в очень малых, микроскопических дозах. В глазах многих (особенно женской половины студенчества) он стал весьма популярен, над ним воссиял нимб эдакого полугероя, подвижника медицины, юного Печорина. Судьба этого человека оказалась трагической — вскоре после окончания института он стал сформировавшимся наркоманом. Сменил одну работу, другую. Лишившись врачебного диплома, работал фельдшером. И вот конец — как у булгаковского Полякова.

Сейчас на страницах периодических изданий, по радио, телевидению медики, юристы, социологи пишут и говорят о пагубности наркотиков. Широкая гласность, откровенность, привлечение к проблеме не только врачей (понятно, они по велению сердца и долгу службы обязаны быть в первых рядах борцов с этим злом) помогут сориентировать молодежь, уберегут слабых духом от сомнительного сиюминутного соблазна. Будем откровенны: колокол гласности пробил со значительным опозданием, но гул его становится все громче и тревожнее. Дремавшее годами общественное мнение наконец-то разбужено. Гласность, правда о наркотиках и наркоманах, как свидетельствует пока еще небольшой опыт, — это и наиболее действенный метод борьбы с ними.

По следам экспедиции Амундсена

Читатель уже знает, что судебная медицина — это наука, изучающая вопросы медицинского и биологического характера, которые возникают в практической деятельности органов следствия и суда. Но встречаются ситуации, когда не следователь или судья обращается за помощью к судебным медикам. Такие ситуации не так уж часты, за ними, как правило, стоят события прошлого, иной раз они связаны с увлекательным историческим, археологическим, научным или литературным поиском.

Зайдем в здание Центрального научно-исследовательского института судебной медицины на Садово-Кудринской улице. В глубине старого московского двора стоит скромный особняк прочной каменной кладки прошлого столетия. Здесь трудятся не рядовые судебные медики, а наиболее квалифицированные из них — доктора и кандида-

ты наук, ставшие крупными специалистами в тех разделах науки, которым они посвятили свою жизнь.

Именно сюда летом 1983 года привезли для исследования не совсем обычные объекты, запечатанные в картонную коробку, перевязанную шпагатом, с фиолетовым оттиском печати: «Исполком Диксонского районного совета народных депутатов Таймырского автономного округа». А через несколько месяцев — 30 декабря 1983 года — была поставлена точка в акте судебно-медицинской экспертизы № 1036. Закончилось скрупулезное, кропотливое исследование, приоткрывшее тайну одного из самых драматических событий, случившихся несколько десятилетий тому назад в Арктике.

Заведующий физико-техническим отделом Института, доктор медицинских наук Виктор Николаевич Звягин познакомил меня с заключением редкой экспертизы. Оно занимало 41 страницу машинописного текста, не считая графиков, схем, таблиц и 29 фотоснимков.

— Начало этой истории уходит к 1918 году, когда знаменитый полярный исследователь норвежец Руаль Амундсен на шхуне «Мод» задумал добраться до Северного полюса, — рассказывает Виктор Николаевич. Он берет с полки географический атлас, открывает его. Палец упирается в Северный Ледовитый океан рядом с Новосибирскими островами и медленно движется вверх к Полюсу. — Норвежец решил дойти до Чукотского моря, вмерзнуть в лед, затем, покинув судно, попытаться на собачьих упряжках достигнуть цели. Дерзкий, исполненный великого мужества план...

Биография Амундсена свидетельствует, что к 1918 году он стал всемирно известной личностью. За его плечами было несколько полярных экспедиций. В 1911 году он первый из людей достиг

Южного полюса. Плавание на корабле «Мод» стало его очередным дальним маршрутом. Но Арктика внесла в его планы свои коррективы.

Шхуна вмерзает в лед неподалеку от мыса Челюскин. Надвигается зима. Немногочисленный экипаж Амундсена, состоящий из опытных людей, не теряя времени, приступает к астрономическим и метеорологическим исследованиям. Накапливается ценнейший научный материал, сам Амундсен пишет книгу об экспедиции. Однако впереди долгий полярный дрейф и полная неизвестность.

С наступлением полярного дня, весной 1919 года, Амундсен решает отправить в Норвегию собранные материалы, почту, сообщение о положении корабля и своих дальнейших планах. Ближайшая точка, откуда можно передать радиogramму, — остров Диксон. *«Путь туда, около 900 километров, безусловно, самый безопасный и, вероятно, может быть проделан в относительно короткое время. Путь на Диксон я считаю самым безопасным ввиду того, что на этом расстоянии имеются три склада».* Эти слова Амундсена из книги «Моя жизнь» свидетельствуют о том, что он тщательно продумал детали будущего перехода. Но посланцы руководителя экспедиции Пауль Кнутсен и Питер Тессем до места назначения не дошли...

В любой экспертизе, проводимой судебными медиками, есть вводный раздел — «Обстоятельства дела». Именно на обстоятельствах случившегося базируются исследования. Это, образно говоря, фундамент, на котором строится экспертиза. По экспертизе № 1036 обстоятельства дела заняли семь страниц машинописного текста.

Приведу выдержку из отношения отдела науки журнала «Вокруг света» на имя руководства Института судебной медицины: *«Осенью 1919 года*

Пауль Кнутсен (1889 г. р.) и Питер Тессем (1875 г. р.) — члены норвежской полярной экспедиции Руаля Амундсена на судне «Мод» вдоль Северного морского пути — должны были доставить почту и научные материалы с места зимовки судна у восточного побережья п-ова Таймыр на радиостанцию Диксон. Один из участников этого похода пропал без вести, а другой погиб в трех километрах от полярной станции о-ва Диксон. Останки погибшего в 1922 году нашла экспедиция Н. Н. Урванцева, но никаких документов, удостоверяющих его личность, не обнаружила. Были найдены только часы с дарственной надписью Тессему и у пояса на ремешке — обручальное кольцо с надписью на норвежском языке «Твоя Паулина» (жена Тессема). Исходя из этих находок было решено, что погибший и есть Тессем. Норвежские и некоторые советские исследователи Арктики впоследствии неоднократно высказывали обоснованное сомнение в том, что возле Диксона погиб именно Тессем...»

Итак, трагедия, случившаяся с двумя норвежцами, уже многие годы привлекает внимание полярных историков и исследователей, географов, криминалистов. Однако, прежде чем перейти к сути экспертизы, вернемся на несколько десятилетий назад, чтобы объяснить по возможности обстоятельство дела.

Летом 1920 года из Норвегии на поиски пропавших вышла шхуна «Хеймен» во главе с капитаном Якобсеном. Корабль дошел до Диксона, двинулся дальше, но был остановлен тяжелыми льдами. Тогда-то норвежцы обратились к советскому правительству с просьбой о помощи.

Выбор, павший на знатока Таймыра Никифора Бегичева, не был случайным. Русский моряк, полярный путешественник, он еще в 1900—1902 годах участвовал в знаменитой полярной экспеди-

ции Э. В. Толля. В июле 1921 года Бегичев со своими товарищами и норвежцы с «Хеймена» Л. Якобсен и А. Карлсен дошли на оленьих упряжках до мыса Вильда. Тут их ждала неожиданная находка: в консервной банке была обнаружена записка Кнутсена и Тессема на бланке экспедиции: *«Два человека экспедиции «Мод», путешествуя с собаками и санями, прибыли сюда 10 ноября 1919 года. Мы нашли склад провизии, сложенный в этом месте, в разбросанном состоянии... Мы продвинули склад припасов дальше на берег, приблизительно на 25 ярдов, и пополнили наши запасы провизии на 20 дней. У нас все в порядке, и мы собираемся уходить в порт Диксон сегодня. Ноябрь 15-го, 1919 г. Питер Л. Тессем, Пауль Кнутсен».*

Экспедиция, находившаяся на верном пути, продолжала поиски. Через две недели, 10 августа, Бегичев, продвигаясь вдоль побережья, на мысе Земляном обнаружил следы стоянки и большого костра. Среди найденных предметов — два ножа, множество пряжек от одежды, гвозди, сломанные очки, несколько стреляных гильз, обгоревшие кости. *«Мы заключили, — пишет в дневнике Н. Бегичев, — что это кости погибшего спутника Амундсена, т. е. одного из тех, которых разыскиваем. Полагаем, что во время путешествия пешком в темную пору и при таких морозах и пургах они сбились с пути... Один из них умер, а другой товарищ его, ввиду того что похоронить его не было никакой возможности, дабы не растаскали труп звери, видимо, сжег его на костре».*

Останки Бегичев со своими спутниками захоронили, поставив на месте стоянки опознавательный знак. Все найденные предметы они захватили с собой и вернулись на Диксон.

Следующим летом, в 1922 году, молодой полярный исследователь и геолог Н. Н. Урванцев

вместе с четырьмя спутниками, среди которых в качестве проводника был и неуемный Бегичев, решил пройти на лодке по реке Пясине. Девятого августа, следуя вдоль берега, они обнаружили в 90 километрах от Диксона разорванные записные книжки, тетради и документы на английском языке. Неподалеку от этого места в куче плавника экспедиция нашла два пакета, зашитых в непромокаемую материю. На одном была надпись: *«Господину Леону Амундсену, Христиания. Почта, рукописи, фотографии, карты, зарисовки»*. Кроме пакетов были найдены и другие предметы: русские и норвежские деньги, документы Тессема, визитные карточки Р. Амундсена, испорченные компас и теодолит, мелкие вещи. Через три дня к найденному добавились две пары норвежских лыж фирмы «Хаген и К°» и обрывки спального мешка. 1 сентября 1922 года сделана последняя, самая главная находка: всего в трех километрах от Диксона были обнаружены останки человека — вероятно, одного из норвежцев.

Вот как описывает это событие в своем дневнике Н. Н. Урванцев: *«Человек лежал на высоком берегу метрах в четырех от воды, был одет в две егерские фуфайки, синюю фланелевую рубашку с карманами. Все заправлено в меховые штаны, стянутые кожаным корсажем, пришитым к штанам. Шапки на голове нет. На правой ноге — остатки меховой обуви из нерпы... В карманах фланелевой рубашки были найдены патроны к винтовке, коробка спичек, перочинный нож и маленькие ножницы. Документов не было. Около пояса лежали металлические часы карманного размера. На ремешке у пояса висели свисток и обручальное кольцо с гравировкой на внутренней стороне: «Твоя Паулина». Ни лыж, ни винтовки поблизости не оказалось. Погибший лежал навзничь на земле, но сразу под его ногами уже шел*

гладкий каменный склон. Руки были вытянуты вдоль тела, левая нога прямая, правая немного согнута».

Как Урванцев, так и другие исследователи, а различных догадок высказывалось множество, полагали, что поначалу путь Тессема и Кнутсена с упряжкой из пяти собак шел без особых осложнений. Но после того, как был пройден мыс Вильда, начались неприятности. Что-то случается с Кнутсеном, он умирает. И Тессем сжигает тело погибшего товарища. Сам он продолжает идти один в тяжелейших условиях полярной ночи. Затем, вероятно, заболевают и погибают собаки. Тессем обеспечивает сохранность почты, предполагая вернуться за ней, и, собрав последние силы, начинает заключительный, самый тяжелый отрезок пути. Лыжи ему теперь вряд ли нужны, так как движение по прибрежной полосе затруднено мелкими реками и ручьями. Он оставляет их в избушке вместе со спальным мешком. До Диксона ему остается идти всего три километра, наверное, он уже видит огни станции, высокую мачту... Тессем торопится. На каменном ровном склоне его подводят сапоги с гладкой подошвой, изготовленные из шерсти нерпы. Поскользнувшись, он падает и получает травму головы, возможно, сотрясение мозга. Для обессиленного тяжелым переходом человека этого вполне достаточно. Оказавшись в беспомощном, не исключено — бессознательном состоянии, он либо замерзает, либо умирает от травмы.

Останки погибшего, по свидетельству Урванцева, были положены в ящик, обложены камнями и захоронены на невысоком холме. Рядом поставили столб с памятной доской. В 1924 году матросы с норвежского судна «Веслекари» добавили к столбу деревянный крест. В 1958 году останки перенесли на верх мыса, и над могилой

был воздвигнут скромный памятник в виде цельной гранитной глыбы с надписью на русском и норвежском языках: «Тессем. Норвежский моряк, член экспедиции «Мод». Погиб в 1920 г.»

— Большинство исследователей и историков Арктики считали, что до полярной станции не дошел именно Тессем, — комментирует эти события Виктор Николаевич Звягин. — Однако, как уже случалось не раз в подобных ситуациях, у них нашлись оппоненты, высказавшие свою точку зрения.

В. Н. Звягин показал мне перевод статьи из норвежской биографической энциклопедии о Тессеме, написанной в 1969 году известным норвежским ученым С. Рихтером. Автор, используя дневники Н. Н. Урванцева, в частности, пишет: *«Поскольку кольцо принадлежало Тессему, русские дали заключение, что погиб он. Но кольцо висело на поясе. Кажется маловероятным, чтобы Тессем снял обручальное кольцо и поместил его таким образом. Более вероятным представлялся бы такой ход событий: Тессем умер около мыса Приметного, а его товарищ снял с него кольцо и повесил себе на пояс, чтобы вместе с часами вернуть семье умершего. В таком случае тот, кто в одиночестве с трудом добрался до пролива и у самой цели встретил смерть, — Кнутсен...»*

— Версия Рихтера подкреплялась двумя важными обстоятельствами, — продолжал Виктор Николаевич. — Давним норвежским обычаем, согласно которому обручальное кольцо никогда не снимается с руки живого человека, и тем, что Тессем оставил в складе у реки вместе с почтой свои личные документы. Иными словами, норвежский ученый «поменял» местами обгоревшие останки, найденные Н. Бегичевым, и те, что обна-

ружила годом спустя экспедиция Н. Н. Урванцева.

После опубликования статьи С. Рихтера прошло несколько лет. Трагическая судьба Пауля Кнутсена и Питера Тессема по-прежнему продолжала волновать исследователей. Серьезный вклад в разгадку тайны внесли в 1973 году члены пятой научно-спортивной экспедиции «Комсомольская правда» во главе с Дмитрием Шпаро. В 1982 году вышла прекрасно иллюстрированная книга Д. Шпаро и А. Шумилова «Три загадки Арктики», в которой авторы возвращаются к версиям о погибших норвежцах. Одна из глав названа предельно конкретно: «Как мы искали могилу Кнутсена в 1973 году».

«Перед отлетом в Арктику мы побывали в Ленинграде у гидрографа В. А. Троицкого, много лет проработавшего на Диксоне, — пишут Д. Шпаро и А. Шумилов. — Владилен Александрович высказал в разговоре мнение, которое показалось нам почти кощунственным: „Я думаю, что могила Кнутсена находится не на мысе Приметный, а значительно западнее — на косе между морем и озером Заливное. Я думаю, Бегичев просто ошибся”».

Д. Шпаро и его товарищи нашли место, описанное Бегичевым, — остатки кострища и несколько мелких костей. Однако результат анализа, проведенного позднее в Москве, был категоричен: кости не принадлежат человеку. Ничего существенного не удалось обнаружить и западнее этого места.

Между тем еще Н. Н. Урванцев в дневниковых записях, а позднее в книге «Таймыр — край мой Северный» высказал мысль, что Никифор Бегичев 10 августа 1921 года нашел не стоянку норвежцев, а следы исчезнувшей в 1912 году полярной экспедиции В. А. Русанова, дрейфовавшей в

восточной части Карского моря на судне «Геркулес».

Вернувшись из Арктики в 1974 году, Д. Шпаро тщательно проанализировал предметы, найденные Бегичевым. Подробное описание их, к счастью, сохранилось в Центральном государственном архиве народного хозяйства СССР, а у ветерана полярной авиации М. И. Шевелева среди множества фотографий нашелся редкий, уникальный снимок этих предметов. Это описание и снимок сравнивались с предметами, принадлежавшими экспедиции Русанова, — они хранятся в Ленинградском музее Арктики и Антарктики (следы пребывания экспедиции Русанова на островах в Карском море были обнаружены в 1934 году). Среди этих предметов — медные патроны от винтовки, французская монета, охотничьи патроны, металлические пуговицы, различные пряжки и крючки от одежды. Размеры, форма, способ изготовления, другие признаки многих вещей совпали. С другой стороны, отдельные предметы казались абсолютно ненужными в условиях ночного перехода Тессема и Кнутсена (стекла от дымчатых очков, лодочный багор, используемый при движении на собачьей упряжке, и т. п.). Вот заключительный абзац седьмой главы книги Д. Шпаро и В. Шумилова (глава называется «Норвежские моряки или экипаж «Геркулеса?»): *«Подведем итог: Н. А. Бегичев и Л. Якобсен обнаружили в 1921 году не могилу Кнутсена, как считалось до самого последнего времени, а лагерь русановцев... Хочется надеяться, что дальнейшие поиски и в таймырской тундре, и в тихих залах отечественных архивов, и в Норвегии окончательно прояснят историю героического путешествия Питера Тессема и Пауля Кнутсена. Героического путешествия и трагической смерти».*

Теперь самое время вернуться к картонной коробке, доставленной в Институт судебной медицины с Диксона. В ней под несколькими слоями бумаги, тщательно обложенные ватой, находились останки скелета человека: череп с нижней челюстью, кости верхних и нижних конечностей, позвоночный столб, таз, ключицы, лопатки, ребра.

Прежде чем попасть в институт, эти объекты проделали длинный и сложный путь. В середине июня 1983 года представительная комиссия, в которую входили В. Н. Звягин, действительный член географического общества СССР Д. А. Алексеев и заслуженный юрист РСФСР, прокурор-криминалист Б. А. Пискарев, в присутствии зампреда исполкома Диксонского райсовета В. Д. Лащенко в соответствии с официальным письмом Норвежского института полярных исследований произвела эксгумацию останков, захороненных в 1922 году экспедицией Н. Н. Урванцева с последующим перезахоронением в 1958 году.

Судебным медикам теперь уже с помощью апробированных научных методик предстояло ответить на вопрос многолетней давности: чьи это останки — Тессема или Кнутсена?

Ныне исследование останков производится экспертами в целях определения расы, возраста, пола, роста человека (если лицо, которому они принадлежали, неизвестно), а также для отождествления личности, то есть установления конкретного лица. По изменениям костей можно также ориентировочно определить, какими заболеваниями страдал человек, были ли у него травмы и повреждения, а по черепу и прижизненным фотографиям произвести сложную идентификационную медико-криминалистическую экспертизу методом фотосовмещения. Наконец, по черепу эк-

сперт может вместе со скульптором и художником по методу профессора М. М. Герасимова воссоздать черты лица неизвестного.

В судебно-медицинской практике и литературе есть примеры, свидетельствующие о том, что экспертам доводилось иметь дело с весьма давними захоронениями. Так, в 1968 году специальная комиссия Института судебной медицины исследовала останки царя Ивана IV — Грозного (1530—1584), его сыновей — царевича Ивана (1554—1584) и царя Федора (1557—1598), а также князя Михаила Скопина-Шуйского (1586—1610) — все они были захоронены в Архангельском соборе Московского Кремля.

Заведующая кафедрой судебной медицины Горьковского медицинского института профессор А. П. Загрядская рассказывала мне о перезахоронении и исследовании останков Кузьмы Минина, которые ныне покоятся на территории Нижегородского Кремля. Доктор медицинских наук А. Ф. Рубежанский, директор Днепропетровского исторического музея А. Ф. Ватченко и Л. П. Крылова в журнале «Судебно-медицинская экспертиза» сообщили об исследовании останков кошевого атамана Запорожской Сечи Ивана Дмитриевича Сирко, умершего в преклонном возрасте в 1680 году. Оно производилось ввиду необходимости перезахоронения: на Днепре велись ирригационные работы и могила оказалась под угрозой разрушения.

Наконец, можно упомянуть о давней, еще довоенной экспертизе костных останков князя Андрея Боголюбского — сына Юрия Долгорукого. Князь был убит в 1174 году в результате боярского заговора в селе Боголюбово, под Владимиром. Потом в Успенском соборе Владимира верующим несколько веков демонстрировались его «святые мощи». В 1935 году останки князя Анд-

рея были исследованы в рентгеноантропологической лаборатории в Ленинграде, а по черепу профессор М. М. Герасимов воссоздал скульптурный портрет выдающейся личности русской истории.

К настоящему времени советская судебная медицина накопила солидный научный потенциал, позволяющий правильно и квалифицированно исследовать костные останки любой категории сложности. Центром такого рода экспертиз и является физико-технический отдел Центрального научно-исследовательского института судебной медицины, возглавляемый В. Н. Звягиным.

В любой экспертизе не может быть мелочей, но особенно — если это экспертиза высшей категории сложности. А именно такой, скажем без преувеличения, была экспертиза № 1036, которую предстояло выполнить В. Н. Звягину и его коллегам — старшему научному сотруднику, кандидату медицинских наук В. И. Иванову и судмедэксперту отдела Э. И. Хомяковой. Все известные данные необходимо было проанализировать, изучить в строгой последовательности.

В частности, были известны некоторые биографические данные П. Кнутсена и П. Тессема. Сорокачетырёхлетний Питер Тессем считался опытным моряком, еще в 1903—1905 гг. он участвовал в полярной экспедиции, пытавшейся от Земли Франца-Иосифа достичь Северного Полюса. Плотник по профессии, мастер на все руки, он, по свидетельству Р. Амундсена, проявил себя с самой лучшей стороны. Его спутнику Паулю Кнутсену к моменту начала плавания на «Мод» исполнилось тридцать лет. Он матросом ходил к берегам Америки и Африки, потом окончил штурманское училище. В 1915 году Кнутсен участвовал в поисках пропавших без вести экспедиций В. А. Русанова и Г. Л. Брусилова на шхуне «Эклипс» под командованием Отто Свердруп. Был

отличным пловцом и лыжником, во время дрейфа «Мод» совершил три санных путешествия.

В распоряжении экспертов оказались фотографии норвежцев: П. Тессема — датированные 1903—1905 и 1918—1919 гг., П. Кнутсена — 1918—1919 гг. Часть из них была представлена в СССР архивом Норвежского института полярных исследований.

В семидесятых годах заведующая лабораторией Института этнографии АН СССР, кандидат биологических наук Г. В. Лебединская и начальник отдела биологических и специальных исследований ВНИИ МВД СССР, доктор медицинских наук М. В. Кисин по просьбе экспедиции «Комсомольской правды» произвели сравнительное исследование фотоснимков П. Кнутсена и П. Тессема и редкой фотографии 1922 года, запечатлевшей останки неизвестного, обнаруженные Н. Н. Урванцевым. На фотографии особенно хорошо заметен череп. Вот какие выводы сделали ученые: *«Представленные фотографии скелета и черепа не дают достаточной информации о признаках лица погибшего, однако позволяют ориентировочно судить об общей характеристике лба, скул и некоторых пропорций лицевого отдела... Сопоставление признаков лица погибшего, которые могут быть определены по имеющимся фотоснимкам черепа, с признаками, отображенными на фотографиях Тессема и Кнутсена, позволяет высказать следующее предположение: погибший вряд ли мог быть Кнутсеном; не исключено, что им является Тессем... Более определенное решение вопроса о личности погибшего может быть достигнуто лишь непосредственным исследованием черепа и подлинников прижизненных фотоснимков Кнутсена и Тессема. Особенно существенные данные для идентификации личности*

погибшего могут быть почерпнуты из материалов, характеризующих стоматологический статус».

Итак, мнение двух ученых говорило в пользу П. Тессема. Но существовала и другая, противоположная точка зрения. Несколько лет спустя В. Н. Звягин также сравнивал фотопортреты норвежцев с изображением черепа неизвестного. Он пришел к таким выводам:

«1. Возможность принадлежности костных останков П. Кнутсену не исключена.

2. Несоответствие ракурсов черепа и портрета П. Тессема исключает возможность сравнительного исследования.

3. Для полноценного судебно-медицинского заключения по данному факту требуется: а) исследование скелетированных останков неизвестного; б) наличие других прижизненных фотоизображений П. Кнутсена и П. Тессема, а также данных о их возрасте, росте и других физических особенностях».

После этого всем «заинтересованным лицам» стало понятно, что лишь исследование подлинных эксгумированных костей вместе с фотографиями поможет внести ясность в многочисленные версии и мнения, выдвигавшиеся отечественными и зарубежными учеными.

Нельзя не упомянуть еще об одной экспертизе. В то время, когда исследовались останки, доставленные с Диксона в Москву, опытный криминалист из Магадана, Заслуженный юрист РСФСР Б. А. Пискарев и судмедэксперт Магаданского областного бюро, кандидат медицинских наук Г. С. Белобородов произвели анализ двух фотоснимков П. Тессема и П. Кнутсена. Волею обстоятельств, что случается весьма редко, снимки, сделанные летом 1918 года, запечатлели двух товарищей на шхуне «Мод» с одной точки. При этом прекрасно просматривались спасательный

круг рядом с ними и около десятка досок палубного настила, что навело на мысль использовать эти предметы в качестве масштабных ориентиров для определения роста обоих норвежцев. Данные о диаметре круга (70 см) и ширине корабельной доски (12 см) были сообщены из эстонского морского музея. По способу прямых антропометрических измерений рост П. Тессема был определен криминалистом и медиком в пределах 158 см, а П. Кнутсена — 165 см.

В Москве в процессе исследования останков с точностью до долей миллиметра были измерены кости верхних и нижних конечностей. По их длине, исходя из совокупности табличных данных, полученных учеными, определили рост лица, которому принадлежали останки, — в пределах 156 сантиметров.

Куда более сложным оказалось установление возраста. Пока еще в распоряжении медиков нет такого простого и надежного метода, как, например, у ботаников. Общеизвестно, что по поперечному срезу ствола можно с точностью до года установить возраст дерева. А применительно к определению возраста человека существуют десятки методик, позволяющие экспертам решать этот вопрос лишь с какой-то долей вероятности. Общепринятой является точка зрения, что в основу решения этого вопроса должна ложиться комплексная оценка изменения костей зубов и т. д. Исходя из такой оценки возраст останков, обнаруженных Н. Н. Урванцевым, укладывался в пределы сорока лет с возможными отклонениями в сторону его завышения или занижения на пять лет.

Не так просто спустя многие годы собрать нужную и достоверную информацию о людях. Даже о таких известных людях, как Кнутсен и

Тессем, ставших в маленькой Норвегии национальными героями. Но собирали по крупицам.

Через несколько лет после плавания на «Мод» вышла книга Р. Амундсена «Моя жизнь» (позднее она была переведена на десятки языков мира), в которой руководитель экспедиции не мог не коснуться мотивов, побудивших его отпустить двух моряков в опасный многокилометровый путь. И почему именно их, а не других членов своего экипажа. Как свидетельствует Амундсен, П. Тессем *«страдал хроническими головными болями и очень хотел вернуться на родину. Поэтому я, не задумываясь, отпустил его... Я даже обрадовался этой возможности отправить почту»*. Спутником Тессема стал П. Кнутсен — отличный спортсмен, лыжник и пловец, обладавший опытом длительных санных переходов. Не исключено, что сам Амундсен, видя недомогания Питера, дал ему в спутники именно этого человека — молодого, сильного и выносливого.

Мемуары великого норвежца натолкнули В. Н. Звягина на дерзкую мысль искать на костях скелета неизвестного следы заболеваний. Если они действительно существуют, будет доказано, что останки принадлежат именно Тессему. Вот строки из заключения экспертов: *«...свод черепа с наличием седловидной деформации, теменные кости позади венечного шва резко сужены, верхушечная область и теменные бугры резко выбухают. Отмечается истончение костей, лобные пазухи пневмотизированы слабо. Данные особенности являются характерными для стреловидно-птерионной формы краниостеноза (преждевременного зарастания черепных швов. — Авт.), возникающего в детстве, т. е. до окончания роста мозга, выражающегося деформацией черепа и симптоматикой повышенного внутричерепного давления.*

Заблевание обычно сопровождается хроническими головными болями».

Выявленная патология костей черепа объясняла такой важный клинический симптом, как постоянные головные боли у Тессема, о которых упоминал Амундсен. Серьезные изменения были установлены и при изучении позвоночника. Так, последний (пятый по счету) поясничный позвонок оказался сращенным с крестцом, а у краев ряда позвонков имелись грубые разрастания костной ткани. При жизни такие недуги (по медицинской терминологии — сакрализация и спондилоартроз) обычно осложняются радикулитом, проявляющимся характерными приступами острой боли, ограничением движений в нижних конечностях и позвоночнике.

Определенную долю ценной информации дало исследование зубов. Оказалось, что шесть из них были удалены незадолго до смерти. На семи сохранившихся зубах имелись следы врачебных вмешательств по поводу запущенного кариеса с использованием серебряных амальгамовых пломб. Состояние зубного аппарата свидетельствовало, что покойный, по-видимому, страдал нарушением обмена веществ, возможно, авитаминозом. Наконец, была выявлена травма лица в виде перелома носовой кости и резкого искривления носовой перегородки. Это, несомненно, вызывало затруднение носового дыхания, особенно при значительной физической нагрузке, не могло не сказываться на здоровье в условиях Арктики, всегда предъявлявшей человеку жесткие, экстремальные требования.

На одном из этапов исследования были проанализированы черты внешности П. Тессема и П. Кнутсена по имеющимся фотоснимкам и черепу неизвестного по так называемому методу словесного портрета, детально разработанному кри-

миналистами. Вспомним, что Г. В. Лебединская и М. В. Кисин, а позднее В. Н. Звягин пытались использовать лишь фотоснимок черепа, найденного в 1922 году, что не позволило им прийти к твердым выводам. Теперь же имелись и фотоснимки норвежцев, и череп неизвестного. Это позволило экспертам произвести сравнение по ряду важных деталей внешности, таких, как форма лица и выраженность его отдельных элементов — глаз, носа, губ, подбородка и т. п. Анализ по 29 основным признакам показал, что череп, доставленный с Диксона, обладал значительным сходством с фотоизображением Питера Тессема, тогда как принадлежность его Паулю Кнутсену полностью исключалась.

Еще до того, как начал исследоваться череп, В. Н. Звягин обратил внимание на небольшой участок его, на котором вместе с грунтом сохранились частицы, напоминающие по внешнему виду остатки волос. Они были с предосторожностью изъяты, помещены в пакет из пергаментной бумаги и направлены в отдел по исследованию вещественных доказательств. Старший научный сотрудник, кандидат медицинских наук Н. Н. Ачеркан выявила 15 обломков стержней волос, которые, судя по характеру отложения пигмента, принадлежали человеку с темно-русыми седеющими волосами. Это стало дополнительным «очком» в пользу Тессема. На фотографиях он выглядел темноволосым, тогда как молодой Кнутсен был ярко выраженным блондином.

Последним звеном в установлении личности покойного явился результат анализа, проведенного методом фотосовмещения, разработанным в пятидесятых годах советскими судебными медиками. Суть метода состоит в том, что на негативах фотопортрета предполагаемого человека и представленного черепа, снятых в одном масшта-

бе и ракурсе, размечаются основные опознавательные точки лица, затем изображения накладываются одно на другое и получают фотоизображение, на котором контуры черепа как бы «впечатаны» в овал лица (если точки совмещаются).

Я рассматриваю фотографию под номером 29. Заметно точное соответствие размеров черепа неизвестного и лица Питера Тессема, совпадение их по всем опознавательным точкам.

Окончательные выводы экспертизы заняли около трех страниц машинописного текста. Приведу лишь краткие выдержки из заключения — итога напряженного четырехмесячного труда:

«Костные останки принадлежат мужчине центральноевропейского типа европеоидной расы, ростом 156 см, грациального (тонкого) телосложения, в вероятном возрасте на момент смерти 40±5 лет...

Учитывая совпадение признаков расы, пола, возраста, роста, тональности волос, сходство словесного портрета и масштабное соответствие размерных характеристик черт лица П. Тессема (на фотоснимках) с аналогичными особенностями представленного черепа, а также принимая во внимание свидетельства Р. Амундсена о хронических головных болях П. Тессема... полагаем, что исследованные останки могли принадлежать Питеру Тессему, 44 лет».

Каких-либо серьезных заболеваний, повреждений, могущих привести к смерти, на останках Тессема выявлено не было. Однако отсутствие костных повреждений не исключало возможности получения черепно-мозговой травмы в виде ушиба или сотрясения мозга после неожиданного падения с крутого склона. В этом аспекте версия, выдвинутая еще Н. Н. Урванцевым в его дневниковых записях, весьма убедительна и ныне разде-

ляется подавляющим большинством исследователей. Вполне вероятно, что трагическому финалу способствовало стечение целого ряда обстоятельств, прежде всего таких, как бессознательное состояние пострадавшего, изнуренного длительным переходом человека и крайне низкая температура (от -27 до -39 градусов по Цельсию).

Предположение Н. Н. Урванцева нашло неожиданное подтверждение в результате проведенного в НИИ судебной медицины спектрального исследования. На правой половине лицевой части черепа и на костях правого предплечья были выявлены участки интенсивно-зеленого прокрашивания с повышенным содержанием меди. Это указывало на длительный контакт головы и правой руки лежавшего с предметами, в состав которых входит медь. Такими предметами были, вероятнее всего, медные гильзы от винтовочных патронов, выпавшие из карманов куртки при падении человека на оледеневший склон.

В апреле 1984 года, получив заключение советских экспертов, директор Норвежского института полярных исследований О. Рогне выразил глубокую признательность всем, кто участвовал в этой работе.

Летом того же года Д. А. Алексеев, В. Н. Звягин и Б. А. Пискарев опять отправились на Диксон. Целью новой экспедиции было перезахоронение останков П. Тессема, а также проверка версии о том, что Бегичев на мысе Земляной обнаружил останки П. Кнутсена. Вот что рассказывал потом Виктор Николаевич Звягин:

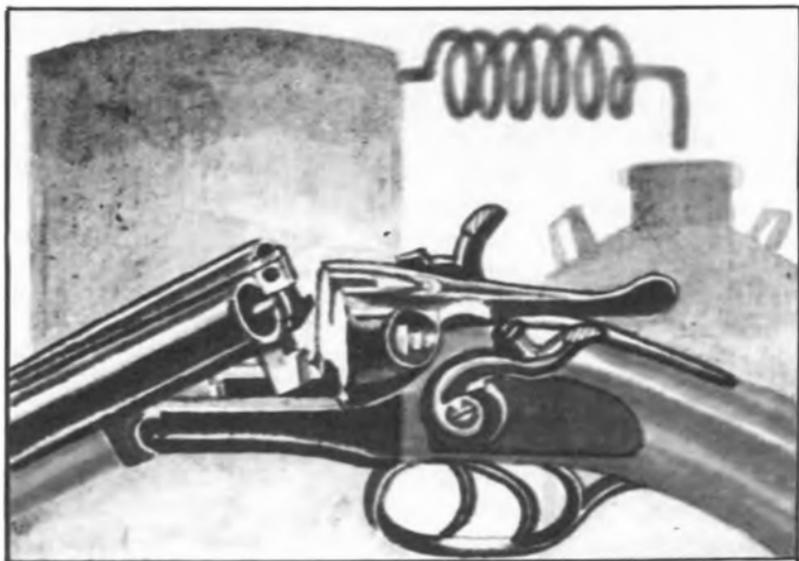
— На пустынном берегу мыса Земляной, куда нас доставил вертолет, мы обнаружили следы от очень давнего костра, а на глубине под ними два обугленных костных фрагмента. Последующие лабораторные исследования показали, что кости принадлежали собаке. Но посланцы Амундсена

все же побывали в этих местах. Об этом прежде всего свидетельствует их маршрут, следы костра, а также две металлические пряжки, которые когда-то нашел Бегичев. Они аналогичны пряжкам, обнаруженным в захоронении П. Тессема. Не исключено, что норвежцы употребляли в пищу собачье мясо. Впрочем, в этом нет ничего удивительного: для многих полярных экспедиций собаки служили не только средством передвижения, но и продовольствием в безвыходных ситуациях...

Итак, пока благодаря усилиям нескольких полярных экспедиций, коллективным исследованиям ученых, судебных медиков, криминалистов удалось идентифицировать личность лишь старшего участника перехода — Питера Тессема. Но остается надежда на то, что дальнейшие поиски вдоль побережья Таймыра когда-нибудь прояснят судьбу и второго посланца Амундсена — Пауля Кнутсена.

На визитной карточке Амундсена, найденной в 1922 году Н. Н. Урванцевым, рукой русского радиста Г. Олонкина — члена экспедиции норвежцев было написано: «Г-ну заведующему радиостанцией Диксон. Эта та телеграмма, которую прошу отправить по назначению при первой возможности. Если в телеграмме что-нибудь непонятно, то прошу за разъяснениями обратиться к г-ну Тессему». В наше время, как и в те далекие годы, когда Г. Олонкин по велению сердца присоединился к Амундсену, советские исследователи, внесшие свой вклад в разгадку арктической Одиссеи, продолжили славные интернациональные традиции своего соотечественника.

Экспертизой установлено

Память каждого судебно-медицинского эксперта хранит самые разные истории, случаи, нередко по занимательности не уступающие захватывающему детективу. В этом я не раз убеждался, беседуя с коллегами и друзьями по работе. Этот давний случай занимает в моей записной книжке всего одну страничку. Однако обо всем по порядку.

Это произошло сразу после новогодних праздников. Придя утром на работу, я увидел в окно подъезжающую машину областной прокуратуры и понял, что кому-то из нас предстоит выезд на место происшествия. Приезжают за нами во всякое время года и суток: ночью и рано утром, в январские морозы и в июльский зной. И каждый раз, когда садишься в машину, повседневные дела и заботы отодвигаются на задний план...

В тот день пришлось ехать в один из районов

Владимирской области. По дороге следователь коротко ознакомил меня с обстоятельствами дела.

— Случай, по-видимому, нетрудный, — сказал он. — В одном из ближайших сел вчера обнаружен труп мужчины, Федора Константиновича Кудрявцева. Покойному было шестьдесят восемь лет. Работал он пастухом в деревне Березово, она находится километрах в двадцати от нашего районного центра. Пастухов на селе ценят, поэтому деньги у Кудрявцева водились. Выпить он любил, вот, видно, и перебрал на Новый год. К тому же здоровье у него было безупречное. Родственники говорят, что в молодости он долго болел туберкулезом, а в последние годы мучился язвой желудка.

— Столько болезней, тяга к спиртному, праздники... Не лучшая комбинация для пожилого мужчины. Да и сердце, наверное, пошаливало, — поделился я своими мыслями со следователем. — Кстати, а где был обнаружен труп?

— Нашли Кудрявцева в коридоре собственного дома около одиннадцати часов утра. Жил он один. Хотя и были у него родственники в деревне, но близких отношений он ни с кем не поддерживал. Впрочем, кто-то из родных его и обнаружил.

— Говорите, тело нашли вчера? Не исключено, что смерть наступила в новогоднюю ночь.

— Возможно, — согласился следователь. — Ох уж эти праздники, всегда что-нибудь да случится!

Признаться, я не думал, что через несколько часов события, связанные со смертью Кудрявцева, предстанут для нас совсем в ином свете.

В прозекторской районной больницы все было подготовлено для вскрытия. Я надел белый халат, натянул на руки резиновые перчатки. Подго-

товка судебно-медицинского эксперта к работе во многом сходна с приготовлениями хирурга к операции. Различия, безусловно, имеются, но эксперт, как и опытный хирург, должен хорошо знать анатомию человека и, что особенно важно, свободно разбираться в патологии травмы.

Каждое судебно-медицинское вскрытие начинается с осмотра одежды покойного. Это закон. Судебный медик обязан детально описать не только предметы одежды, но и все повреждения, имеющиеся на них.

Когда я приступил к осмотру одежды Кудрявцева, многое показалось мне странным. На пиджаке, рубашке и майке были хорошо заметны довольно большие разрывы с расплывшимися темно-красными пятнами по краям. Несомненно, это была кровь. Нет, тут что-то не так... Я еще ничего не сказал следователю, стоявшему в белом халате рядом со мной, но заметил, что и его весьма заинтересовали эти повреждения. В карманах одежды ничего любопытного обнаружено не было: очки в металлической оправе, расческа, семь рублей в бумажных купюрах и около рубля мелочью.

Судебные медики различают два рода смерти: смерть насильственную и ненасильственную. Смерть первого рода может наступить по самым разным внешним причинам: в результате повреждения тупым или острым орудием, огнестрельных ран, транспортной травмы, утопления, различных отравлений. Смерть второго рода обычно вызвана болезнью. Основная задача судебного медика — разграничить эти две категории. Поэтому лица, умершие скоропостижно (в состоянии кажущегося здоровья), подлежат судебно-медицинскому исследованию, прежде всего для исключения версии о насилии. Можно привести немало случаев из судебно-медицинской и следственной

практики, когда сначала предполагалось, что человек скончался от конкретного заболевания, а потом оказывалось, что он был убит или покончил жизнь самоубийством. Бывало и наоборот: выяснялось, что смерть, казавшаяся вначале насильственной, в действительности наступила от заболевания. В качестве примера приведу лишь один давний случай. Как-то ночью меня вызвали на место происшествия. В подъезде большого многоквартирного дома скончался человек. Пожилой тучный мужчина лежал на площадке пятого этажа в большой луже крови. На лестнице тоже была кровь. Сама обстановка, казалось бы, свидетельствовала о насильнии. Однако на вскрытии выяснилось, что смерть наступила от разрыва туберкулезной каверны легкого и последующего кровотечения.

Но вернемся к нашему случаю. Так от чего же скончался Кудрявцев — от старого туберкулеза, язвы желудка или, может быть, от последствий бурной новогодней ночи? Все-таки 68 лет... Но как тогда объяснить повреждения на одежде — четкие овальные разрывы диаметром до трех сантиметров — со следами крови вокруг?

На теле Кудрявцева были обнаружены две раны, соответствующие повреждениям на одежде: одна в верхней части живота, другая — в нижней. Обе проникали в брюшную полость с повреждением внутренних органов: левой почки, кишечника, мочевого пузыря, кровеносных сосудов. Когда я исследовал рану в нижней части живота, рука нащупала что-то твердое. Осторожно извлек постороннюю частицу темно-коричневого цвета размером не больше спичечной головки. За ней вторую, третью. Выложив их на белый кафельный стол, вооружился лупой. При увеличении строение частиц стало хорошо заметно. Это оказались кусочки дерева. Вскрытие продолжалось около

четырёх часов и подходило к концу, когда в брюшной полости были обнаружены и другие инородные предметы: несколько картонных и войлочных пыжей, мелкая дробь.

— Смерть от дробового огнестрельного оружия, — высказал я свое мнение следовательно. — Не исключено, что преступник стрелял через дверь. Вот эти посторонние частицы — кусочки дерева. В момент выстрела они были увлечены дробовым зарядом в рану и осели в ней.

Следователь срочно связался по телефону с областным центром. Вскоре в район выехала оперативная группа работников уголовного розыска и областной прокуратуры. Предстоял неизбежный в таких случаях повторный осмотр места происшествия.

Я думаю, нет необходимости доказывать читателю, какое значение имеет осмотр места происшествия. Именно с этого следственного действия начинается обычно расследование. Осмотр места происшествия, особенно в случаях насильственной смерти, — тот оселок, на котором оттачивается профессиональное мастерство следователя и судебного медика. Предметы обстановки и различного рода следы (крови, пальцев рук и т. п.) должны быть внимательно изучены и сведения о них внесены в протокол осмотра. Нередко «мелочи», на первый взгляд не представляющие особого интереса, могут впоследствии явиться тем заветным ключиком, который раскроет тайну преступления.

Вместе с понятными мы подошли к небольшому деревянному дому на самом краю села. Тут жил Кудрявцев. Строение было довольно старым. Крыльцо и угол дома покосились, на крыше темнело ржавое железо. Входная дверь была не заперта. В ней зияло овальное отверстие диаметром около десяти сантиметров, по краям которого

торчали мелкие кусочки дерева. С этой двери и начался осмотр места происшествия, продолжавшийся несколько часов и сыгравший впоследствии заметную роль в раскрытии преступления.

— Обратите внимание, по краям отверстия заметен черный налет. Это следы копоти, — произнес Иван Петрович Басов, эксперт-криминалист оперативно-технического отдела милиции. — Стало быть, преступник стрелял через дверь с близкого расстояния. Возможно, в упор.

По просьбе следователя эксперт достал из своего объемистого чемодана ножовку, аккуратно выпилил часть двери с повреждением и уложил ее в целлофановый пакет.

Мы прошли в сени дома. С внутренней стороны двери на полу лежали мелкие кусочки дерева, в углу за ведром валялись части разбитой металлической щеколды.

— Задвижка от замка повреждена, — сказал Басов. — Вероятно, тоже при выстреле. Щеколда то наружная. А не было в ране частиц металла? — обратился он ко мне.

Я пожал плечами:

— Сейчас об этом трудно судить. Крупных осколков не было видно, а что касается мелких, то их можно выявить только при осмотре раны под микроскопом.

Из сеней проходим в жилую комнату. Видно, что здесь давно не было уборки. На столе остатки еды. За большой русской печью груда пустых бутылок, покрытых толстым слоем пыли, так что искать на них отпечатки пальцев бесполезно. Напротив печи старый потертый диван с разобранной постелью. На полу комнаты почти посередине отчетливо выделяется бурое пятно — кровь. В стороны отходят мелкие дополнительные, или, как мы их называем, секундарные (т. е. вторичные), брызги.

— Капля упала с довольно большой высоты, — высказываю предположение. — Пятно крупное. Вероятно, после ранения Кудрявцев еще какое-то время сохранял способность передвигаться, находясь в вертикальном положении.

Других следов крови в комнате мы не нашли. Участок пола с пятном был осторожно срезан ножом и тщательно упакован. Теперь в лаборатории экспертам-биологам предстояло определить группу этой крови и сравнить ее с группой крови Кудрявцева. Скорее всего, это его кровь, но бывали в экспертной практике и такие случаи, когда предполагаемые следы крови потерпевшего оказывались оставленными преступником.

С одной из стен следователь снял охотничье ружье. Достаточно было заглянуть в его стволы, покрытые пылью, чтобы даже неискушенному человеку стало ясно: из ружья давно не стреляли. В ящике стола нашли различные документы, справки, нераспечатанные коробки с охотничьими патронами, порох, дробь. Следователь обратил внимание на документ, из которого мы узнали, что в сороковых годах Кудрявцев работал в райотделе милиции Московской области участковым. Так возникла первая версия — убийство с целью мести за прошлое, которая, скажу, забегая вперед, оказалась несостоятельной.

Одним из основных вопросов, интересовавших следствие, был вопрос о времени наступления смерти Кудрявцева.

Вероятно, в детективных фильмах или романах читатель не раз встречался с людьми нашей профессии. Судебно-медицинский эксперт — обычно пожилой лысый мужчина в халате не первой свежести (мне кажется, у писателей и кинорежиссеров выработался определенный штамп, характеризующий облик моих коллег) — подходит к трупу и после недолгого раз-

думья восклицает: «Смерть Н. наступила приблизительно около часа ночи двое суток назад!» Но это бывает лишь в детективах... На практике же границы времени наступления смерти судебно-медицинские эксперты определяют в довольно широких пределах, в основном по таким абсолютным признакам, как трупные пятна, трупное окоченение, степень охлаждения тела.

С учетом этих признаков, а также исходя из времени обнаружения трупа (2 января, около 11 часов утра), я пришел к выводу, что смерть Кудрявцева наступила в ночь с 1 на 2 января, где-то между 12 часами ночи и 6 часами утра. Позже выяснилось, что Кудрявцев был убит около трех часов ночи.

Предстояло решить и еще один важный вопрос — определить количество выстрелов, сделанных в Кудрявцева. Возможны были два варианта: нанесение ему двух огнестрельных ранений в результате двух выстрелов или же одного сквозного ранения с входным отверстием в нижней части живота и выходным в верхней части. От решения этого вопроса во многом зависел дальнейший ход следствия и установление мотивов убийства. Дело осложнялось тем, что выстрел (или один из двух выстрелов) был сделан через дверь и поэтому произошел значительный разлет дроби. В криминалистике и судебной медицине есть такое понятие — выстрел через преграду. Любая преграда на пути снаряда (в нашем случае дверь с металлической щеколдой) в значительной степени изменяет характер входной огнестрельной раны. Описаны случаи ранений через стекло, доски, фанеру, оконную раму, предметы обстановки и т. д.

В областном управлении внутренних дел я встретился с начальником оперативно-технического отдела подполковником Владимиром Александровичем Чистовым и экспертом-криминалистом

этого отдела Иваном Петровичем Басовым. На столе перед нами лежало постановление следователя о назначении комплексной медико-криминалистической экспертизы с четким перечнем вопросов, подлежащих разрешению. Тут же находились и опечатанные свертки с одеждой Кудрявцева.

Беседой руководил Чистов. Развязывая свертки, он вопросительно взглянул на меня:

— Ну, что скажет медицина?

— Полагаю, что в Кудрявцева стреляли дважды. Первый выстрел, причинивший ранение в нижнюю часть живота, был сделан через дверную щеколду, почти в упор, второй — уже в помещении, с большей дистанции. При изучении ран под микроскопом у краев их был обнаружен налет копоти, в просвете первой раны найдены кусочки дерева и микроосколки металла.

— Стало быть, один из выстрелов был сделан через преграду?

— Через дверь, — подтвердил Басов. — Стреляли из охотничьего ружья или из обрезка шестнадцатого калибра. Патроны, судя по пыжам, фабричные. Номер дроби, извлеченной из трупа и обнаруженной на месте происшествия, третий. Что касается количества выстрелов, то я тоже предполагаю, что их было два. Взгляните-ка, Владимир Александрович, в электронно-оптический преобразователь.

Чистов и я по очереди склонились над оптическим прибором с таким мудреным названием. Предназначен он для выявления слабо заметных или невидимых следов на различных предметах в инфракрасных лучах, но особенно эффективен при исследовании огнестрельных повреждений.

— Да, кольца копоти хоть и слабо, но заметны, — согласился Чистов.

— С учетом данных судебно-медицинской эк-

спертизы, наличия копоти на двери и одежде Кудрявцева, — продолжал Басов, — считаю, что выстрел через дверь был произведен с очень близкого расстояния, почти в упор или с дистанции, не превышающей двадцати пяти сантиметров. Расстояние при втором выстреле было больше — около метра.

— Медицина согласна с Иваном Петровичем? — улыбнулся Чистов.

— Разве с вами поспоришь! Великое дело — криминалистика.

Владимир Александрович пригласил нас в соседнюю комнату. В углу ее на полу лежала груда охотничьих ружей самой разнообразной конструкции. На прикладах белели номера. Одни винтовки были старые, с потертыми ложами и потемневшими стволами, другие — новенькие, будто только что доставлены сюда с магазинных полок.

— Полюбуйтесь на это вооружение. Трофеи села Березово, — сказал Чистов. — Тут их около двадцати, и почти все хозяевами не зарегистрированы. Штрафовать будем беспощадно, и ружья конфискуем. Тоже мне охотнички!

— Ну, с добрый десяток ружей этих вольных стрелков можно исключить, Владимир Александрович, — заметил Басов. — По калибру не подходят. А над остальными придется поработать.

Поработать... Скромное русское слово, на слух совсем обычное, ничем не примечательное. Но какое глубокое содержание вкладывают в него люди, стоящие на переднем крае борьбы с преступностью! Все без исключения — от участкового милиционера и сотрудника уголовного розыска до эксперта-криминалиста, склонившегося над сложнейшим оптическим прибором. Кропотливо, настойчиво, последовательно собирают они факты, крупница за крупницей. И все факты в конце концов встанут в один ряд, прочно и монолитно, как

кирпичная стена. Когда это произойдет, убийство будет раскрыто. Вот что значит для нас простое русское слово — поработать.

Когда я уходил из управления, на город уже опустелись ранние зимние сумерки. Мы просидели в лаборатории шесть часов. Чистов и Басов сказали, что задержатся еще на часок — поработать...

Пока решались такие специальные вопросы, как количество выстрелов, их дистанция, исследовались найденные в теле Кудрявцева дробь и пыжи, следствие шло своим чередом. Делом об убийстве занималась большая группа работников милиции и прокуратуры. И вдруг дело приняло несколько неожиданный оборот. Но прежде небольшое отступление. Я хочу рассказать читателю о поисках криминалистической науки, имеющих к нашему случаю непосредственное отношение.

Еще в начале 30-х годов ученые-баллисты (баллистика — наука, изучающая движение снаряда внутри канала ствола огнестрельного оружия до и после его вылета из ствола) установили, что при выстреле из нарезного оружия, например пистолета, на пуле остаются следы нарезов, строго индивидуальные для каждого отдельного экземпляра оружия. Если на специальных приборах сравнить эти следы со следами на пуле, выпущенной из этого же оружия при экспериментальной стрельбе, то можно выявить их полное совпадение. Это открытие стало настоящей революцией в криминалистике. По значению оно может быть поставлено в один ряд с достижениями в области дактилоскопии, получившей ныне широкое применение при опознании личности преступника по отпечаткам пальцев.

До недавнего времени, однако, признавалась возможность идентификации по пулям лишь на-

резного огнестрельного оружия (пистолетов различных систем, автоматов, винтовок и т. д.) , тогда как относительно оружия с гладким стволом такая возможность совершенно исключалась. Но наука не стоит на месте. За несколько месяцев до убийства Кудрявцева в Харьковском научно-исследовательском институте судебных экспертиз старшим научным сотрудником В. Ф. Гуциным был разработан метод идентификации гладкоствольного дробового оружия. Гуцин доказал, что хотя поверхность стволов охотничьих ружей гладкополированная, но и на ней имеются различные выемки, мелкие неровности, отображающиеся в виде следов-трасс (царапин) на дробинах. При сравнении дроби с экспериментальными дробинами, как и в экспертизах с нарезным оружием, возможно установление сходства следов, свидетельствующего о том, что заряд выстрелен из строго определенного ружья.

Хотя к этому времени в стране по методу В. Ф. Гуцина было выполнено всего несколько экспертиз, прокурор-криминалист областной прокуратуры Владимир Иванович Беляков, узнав об этом методе, сразу же оценил его высокую эффективность.

— Придется эксгумировать тело Кудрявцева, — коротко сказал он мне по телефону. — Срочно нужно изъять все дробины, находящиеся в теле.

Эксгумация — повторное исследование трупа — встречается в нашей практике не так уж часто. В буквальном переводе с латинского это слово означает «из земли» (*ex humus*). Необходимость в эксгумации может быть вызвана различными обстоятельствами. В данном случае причина ее была для меня сначала не совсем понятной.

— Что-нибудь не так сделано, Владимир Иванович? — спросил я Белякова.

Он ответил не сразу.

— Мы предполагаем, что из трупа взята не вся дробь. А нам необходимо иметь максимальное количество дроби.

— Но для чего? Образцы дроби я изъял. Их ведь достаточно для определения ее номера и химического анализа. Уж не хотите ли вы назначить идентификационную экспертизу по оружию! Читал я о харьковском методе недавно в каком-то журнале, но ведь эта экспертиза еще в стадии разработки...

— И тем не менее мы собираемся назначить такую экспертизу. Так что готовьтесь к эксгумации.

Через несколько дней тело Кудрявцева было снова доставлено в морг. В повторной экспертизе приняли участие Л. Е. Полушкина и С. К. Гузь — опытные судебно-медицинские эксперты с большим стажем практической работы.

Мы решили до вскрытия произвести рентгенографию полостей тела Кудрявцева, чтобы уточнить расположение дроби. В рентгеновском кабинете больницы, куда из морга перенесли тело, было сделано около десятка снимков. Минут через двадцать на еще мокрых рентгенограммах отчетливо стали видны два ограниченных скопления дроби, свидетельствующих о том, что в Кудрявцева действительно стреляли два раза. По снимкам подсчитали примерное количество дроби — около 70. Все они были извлечены из тела Кудрявцева и переданы следователю. Вместе с охотничьими ружьями, которые лежали в криминалистической лаборатории, эта дробь была отправлена во Всесоюзный научно-исследовательский институт судебных экспертиз.

Результаты экспертизы еще не были получены из Москвы, когда расследование по делу об убий-

стве Кудрявцева наконец-то сдвинулось с мертвой точки.

— На Бородулина мы вышли не совсем обычным образом, — сказал мне позже начальник областного управления уголовного розыска полковник Евгений Васильевич Запруднов. — Проверяя различные версии об убийстве Кудрявцева, мы столкнулись с фактами изготовления самогона в Березове. Среди лиц, причастных к этому, оказались некие Баранов и Бородулин. Баранов еще несколько лет назад изготовил самогонный аппарат. Иногда, разумеется небескорыстно, он давал его другим жителям села. В декабре должна была состояться свадьба племянницы Кудрявцева Валентины. С этого все и началось. Третьего декабря Кудрявцев взял самогонный аппарат у Баранова и отнес его к брату Валентины Александру Бородулину. Вечером того же дня они втроем изготовили большое количество самогона, который разделили между собой. Часть самогона была использована на свадьбе 8 декабря, однако несколько литров осталось. Кудрявцев и Бородулин не поделили их между собой, и на этой почве у них начались ссоры: каждый считал себя обделенным.

— Нашли что делить! — перебил я Евгения Васильевича.

— Да, странные взаимоотношения сложились между дядей и племянником, — согласился он. — Пьянство — страшная вещь. Человек, пристрастившийся к спиртному, со временем становится несдержанным, агрессивным. Вам, врачам, это, наверное, хорошо известно. Поэтому неудивительно, что большинство хулиганских действий и других преступлений совершают пьяные люди. Недавно прочел я у Расула Гамзатова мудрейшее двустишие: «Порою делает вино то, что и сабле мудрено».

Александр Бородулин не сразу признал себя виновным. Но вскоре из Москвы были получены результаты криминалистической экспертизы по исследованию дроби. В заключении, в частности, говорилось: «...часть дроби, извлеченных из трупа Кудрявцева, была выпущена из левого ствола охотничьего ружья № 16 283». Именно это ружье принадлежало Бородулину.

В материалах уголовного дела имеются многочисленные протоколы его допросов. События новогодней ночи отразились в них достаточно подробно. Вот что рассказал Бородулин следователю после того, как, ознакомившись с заключением экспертизы, он понял, что разоблачен.

— Новый год я встречал дома вместе с матерью, сестрой и ее мужем. Выпили порядочно, что-то около трех литров спиртного на четверых: две бутылки водки, две — вина, самогон... Когда пошли спать, я тоже лег вместе со всеми. Было душно, и я долго не мог уснуть. Вспомнились прежние обиды, ссоры с Федором. И тогда у меня возникла мысль убить его. Около трех часов утра я взял свою двустволку, зарядил ее двумя патронами и пошел к дому Кудрявцева. В окнах у него горел свет. Я постучал в дверь. Федор, видно, не спал. Он подошел к двери, приоткрыл ее. Я почти сразу же через дверь выстрелил в него из одного ствола, потом из второго... Домашние не заметили моего ухода. Когда я вернулся, все крепко спали. Ружье я вычистил, а затем, чтобы создать видимость, что из него долго не стреляли, насыпал в стволы землю из подвала. Гильзы от патронов выбросил в печь и сжег. Ружье повесил на прежнее место...

Впоследствии я узнал несколько примечательных подробностей, характеризующих личность Бородулина. На следующий день после совершенного он сам отвез труп в морг и вместе с дру-

гими родственниками дожидался результатов вскрытия. При этом много и подробно рассказывал окружающим о болезнях дяди: язве, туберкулезе, жалобах на сердце.

Может быть, я сообщил читателю не все подробности этого дела, кое-что упустил. Но моя цель была иной: хотелось показать отдельные тонкости нашей работы, описать хотя бы некоторые из тех методов, которые имеются в современном арсенале криминалистики и судебной медицины. Содружество этих двух наук проверено временем и сегодня, как правило, гарантирует успех в поединке с самым изворотливым преступником.

Делом об убийстве Кудрявцева занимался большой коллектив людей, это их совместными усилиями преступление было раскрыто в короткий срок.

Загадка сувенира

В рабочий сейф я время от времени откладываю некоторые орудия, проходившие по экспертизам, в которых мне довелось участвовать. Когда-то у них был четкий юридический термин — «вещественные доказательства». Согласно статье 83 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, *«вещественными доказательствами являются предметы, которые служили орудиями преступления, или сохранили на себе следы преступления, или были объектами преступных действий»*. Закон предусматривает, что после вступления приговора в законную силу или прекращения уголовного дела вещественные доказательства уничтожаются или передаются в соответствующие учреждения. Такими учреждениями могут быть криминалистические музеи, кабинеты и т. п.

Когда наводишь порядок в сейфе и касаешься разных предметов, теперь абсолютно безопасных,

вспоминается многое. В одном из ящичков лежат образцы пуль, стеклянные флакончики из-под пенициллина с охотничьей дробью. В другом — различные фотографии, костные препараты с повреждениями. В третий ящик я откладываю холодное оружие — ножи самого разного назначения. Охотничьи, финские, перочинные, одно- и многопредметные, фабричного производства и самодельные. Некоторые самодельные ножи сделаны с большим искусством, даже талантливо. Но для чего? Вот несколько ножей с наборными цветными ручками, которые использовались в качестве орудий преступления. Среди темно-коричневых пятен ржавчины на них при внимательном осмотре еще и сейчас можно заметить следы крови. Эти и другие ножи работники милиции в большинстве случаев отобрали у мальчишек или изъяли у пьяных в различных конфликтных ситуациях и передали нам, судебно-медицинским экспертам, для экспериментальной и научной работы. Самый миниатюрный из всех ножей — маленький складной ножичек-сувенир, довольно изящный, с серовато-белой, под кость, рукояткой и крошечным забавным домиком-брелоком на серебристой цепочке. Длина малютки в закрытом виде около пяти сантиметров, с открытым клинком — восемь с половиной. Кажется, таким ножом даже карандаш заточить не просто, а между тем именно с этой вещицей связана история раскрытия одного необычного преступления.

Летним вечером в городское отделение милиции поступило сообщение о том, что около привокзальной площади неизвестным преступником ранен в живот Владимир Петров, 22 лет. Звонили из хирургического отделения больницы, куда был доставлен пострадавший. Петрову предстояла срочная операция, но до нее он рассказал о случившемся. По словам Владимира, его ударил ножом худощавый парень среднего роста с черными

густыми волосами, такими же черными усами и бородой, в пестрой рубашке и серых брюках. Описав приметы преступника, Петров продолжал:

— Он подошел ко мне, когда я возвращался от знакомых. Попросил закурить. Кроме нас в переулке никого не было. Я полез в карман за сигаретами. В этот момент парень ударил меня ножом в живот. Потом он отбежал на несколько шагов, обернулся, что-то крикнул и скрылся за углом. Внезапно я почувствовал сильную слабость и увидел на рубашке кровь. Телефонная будка оказалась рядом, я вызвал «скорую помощь»...

Работники уголовного розыска приложили много сил для розыска преступника. Поскольку приметы его были довольно характерны (черные борода и усы), задержали нескольких лиц, внешность которых соответствовала описанной Петровым. Однако ни один из них отношения к случившемуся не имел. В ближайшие два дня задержать преступника не удалось.

На третий день следователь вынес постановление о назначении судебно-медицинской экспертизы. И вот мне предстояло осмотреть Петрова. Обычно, прежде чем пройти к больному в палату, эксперт знакомится с историей его болезни, беседует с лечащим врачом. Это дает возможность выяснить обстоятельства, при которых потерпевший был доставлен в больницу, получить объективные данные о его состоянии в первые минуты после травмы, уточнить место и характер ранения.

Я взял историю болезни Петрова, просмотрел ее, сделал краткие выписки. Затем побеседовал с Александром Сергеевичем — лечащим врачом Владимира. Это опытный хирург с двадцатилетним стажем работы, он уже много лет заведует хирургическим отделением, сделал десятки сложных операций. Его мнению вполне можно было

доверять. К тому же он дежурил в тот вечер, когда Петров был ранен, и сам делал операцию.

Александр Сергеевич взял историю болезни Петрова и, почти не заглядывая в нее, начал говорить:

— Привезли его вечером, около половины восьмого, в состоянии сильного возбуждения. Наверное, с полчаса он плакал и ни о чем не хотел рассказывать. Давление у него было нормальное, правда, пульс учащенный. Я осмотрел его и обнаружил в верхней части живота небольшую рану. Ранение оказалось проникающим в брюшную полость. В таких случаях показана срочная операция, и мы перевезли Петрова в операционную. Пока поднимали его наверх и бригада готовилась к операции, приехали работники милиции. Тут парень быстро успокоился и стал рассказывать о случившемся...

Рана была рассечена при операции, но, зная, что судебно-медицинских экспертов обычно интересует ее первоначальный вид и расположение, Александр Сергеевич постарался запомнить все, что нужно.

— Рана была небольшой, — продолжал он. — Я точно ее измерил — всего семь миллиметров длиной. Края ровные, верхний конец казался закругленным, нижний — остроугольным. На операции выяснилось, что хотя ранение и проникает в брюшную полость, но оно неглубокое. Имелось лишь кровоизлияние в связку печени. К счастью, сам орган оказался неповрежденным.

Разговор с Петровым ничего нового к тем сведениям, которые уже были мне известны, не добавил. Он опять довольно подробно описал события того вечера, приметы и внешность нападавшего. Говорил он спокойно и уверенно: видно было, что рассказывает о случившемся не в первый раз. Я осмотрел его, но ничего полезного для себя не извлек: рана на животе была рассечена скальпелем Александра Сергеевича, теперь здесь

проходил свежий операционный разрез с наложенными швами.

После этого я позвонил следователю и спросил, где находится одежда Петрова.

— Вероятно, там же, где и пострадавший, — в больнице, — ответил следователь. — Я как раз сегодня собирался ее осмотреть. Давайте сделаем это вместе. Подождите меня, пожалуйста, доктор, я мигом подъеду.

Минут через двадцать вместе со следователем мы спустились в подвальное помещение, где хранится до выписки одежда больных. Вдоль стен тянулись длинные ряды узких белых ящиков. Нас встретила пожилая санитарка. Следователь показал ей постановление о выемке одежды, и в присутствии понятых — двух молоденьких медицинских сестер она передала нам завернутую в газету одежду Петрова.

На газете отчетливо выступало слегка расплывшееся оранжево-красное пятно. Тут же мы бегло осмотрели содержимое свертка: светло-серый шерстяной свитер, хлопчатобумажную рубашку в мелкую синева-серую клетку, темно-зеленые брюки с широким кожаным ремнем.

Ныне квалифицированная судебно-медицинская экспертиза невозможна без тщательного исследования поврежденной одежды. Она — первый барьер, который надо преодолеть орудию травмы, прежде чем оно соприкоснется с телом человека. Каким бы ни было это орудие — нож преступника, пуля или часть автомашины, — принцип остается один: повреждения на одежде обязательно должны быть изучены. Так, при огнестрельных ранениях исследование одежды может оказаться решающим для определения дистанции выстрела (например, наличие на одежде копоти, зерен пороха, частиц смазки и т. п. свидетельствует о малой дистанции). При колото-резаных ранениях разрезы на одежде имеют важное криминалистическое значение для определения ширины клинка

ножа. Наконец, предметы одежды могут стать единственным доказательством нанесения травмы при некоторых особых обстоятельствах, когда по ряду причин не может быть исследован труп пострадавшего (вследствие распада мягких тканей, действия высокой температуры при пожаре, уничтожения трупа и т. д.).

На свитере и брюках Петрова никаких повреждений мы не нашли. В верхней части брюк под широким ремнем обнаружили два чуть заметных бурых пятнышка. Разрез ткани длиной в 7 миллиметров был найден лишь в нижней части левой половины рубашки. Вокруг него расплылось большое пятно крови.

— Странное дело, — пожал плечами следователь, — рубашка повреждена, а на свитере, который был поверх нее, никаких разрезов нет...

— И следов крови — тоже, — заметил я. — Но они должны быть. Причем вертикальные, направленные вниз. Ведь, по показаниям Петрова, будучи раненным, он сравнительно долго находился на ногах.

— Остается предположить, что в момент удара свитер на Петрове был поднят вверх, иначе он обязательно оказался бы разрезанным ножом.

— Логично. Что же касается потеков крови, то их может и не быть, если допустить, что после ранения Петров сразу же прижал рубашку к ране. Вот и образовалось одно большое пятно.

Утром следующего дня мне позвонили из уголовного розыска.

— Есть тут у нас любопытная вещица. Не посмотрите ли ее?

Вскоре я держал в руках складной ножичек-сувенир. Он был настолько мал, что в сложенном состоянии свободно умещался в спичечной коробке. В ней и привез его инспектор уголовного розыска.

— Да такой нож и ножом-то назвать трудно! — удивился я. — Игрушка какая-то. Впрочем,

красивая. — Я потрогал пластмассовую пеструю ручку, отполированную до зеркального блеска.

— Его вчера передал нам шофер «скорой помощи», перевозивший Петрова в больницу после ранения, — пояснил инспектор. — Когда Петрова укладывали на носилки, этот нож выпал у него из кармана. Шофер положил его на столик возле аптечки да впопыхах так и забыл о нем. Вспомнил только вчера. Нож был на полу под носилками — видно, упал туда со столика и пролежал там все три дня.

Я осторожно достал нож из коробки, пинцетом, чтобы не касаться крошечного клинка, открыл его и положил на подставку стереомикроскопа, включил освещение. Под узким, но мощным боковым пучком света поверхность ножа преобразилась. Короткий клинок длиной не больше обыкновенной булавки показался бесконечным. Прошло несколько минут, прежде чем я наконец добрался до его конца. Отчетливо просматривалась серебристо-белая структура металла, видны были все неровности. Стало ясно, что ножом недавно точили карандаш: были хорошо заметны частицы ярко-красной краски.

Здесь я позволю себе несколько отвлечься и поговорить о современной микроскопии. В начале нашего века судебные медики и криминалисты в качестве, пожалуй, единственного оптического прибора использовали лупу. Она и сейчас еще верно служит правосудию, но только на первом этапе исследования. Возможности человеческого глаза ограничены, поэтому при осмотре места происшествия, когда невозможно применить громоздкую и сложную микроскопическую технику, лупа остается незаменимым помощником судебно-медицинского эксперта.

В 20—30-х годах были сконструированы специальные оптические приборы — стереоскопиче-

ские и сравнительные микроскопы, позволяющие исследовать при больших увеличениях массу непрозрачных объектов: различные орудия, острые и тупые, пули со следами нарезков от канала ствола оружия, посторонние включения (частицы краски, стекла, дерева, металла), оказавшиеся в ранах, и т. д. Вначале эти приборы использовались в основном криминалистами. Затем их взяли на вооружение и судебно-медицинские эксперты. Сейчас иногда невозможно провести четкую границу между криминалистикой и судебной медициной, так как нередко и в криминалистических, и в судебно-медицинских учреждениях изучаются сходные объекты, исследуются одни и те же орудия и повреждения.

Благодаря современным микроскопам стали возможны научные исследования последних лет, которые ведутся на кафедре судебной медицины Горьковского медицинского института под руководством профессора А. П. Загрядской. Было установлено, что при контакте ножа с телом человека и его одеждой наряду с кровью на орудии могут остаться и другие, не менее ценные в следственном отношении следы: текстильные волокна материалов поврежденной одежды потерпевшего и клеточные элементы тканей тела из области ран. Как и кровь на орудии, они свидетельствуют о том, что конкретный нож или кинжал был использован в качестве орудия преступления. А. П. Загрядская и ее ученики установили, что чаще всего на острых орудиях обнаруживаются текстильные волокна. Практически их можно найти почти в каждом случае, когда ранение наносилось через одежду, порой даже если преступник тщательно вымыл и обтер нож, чтобы уничтожить следы. Обнаружив текстильные волокна на орудии, эксперт устанавливает их природу, цвет, затем с помощью сравнительного микроскопа сопоставляет их с образцами волокон из материалов поврежденной одежды.

Исследование ножа под стереомикроскопом было почти закончено. Осталось осмотреть только небольшую выемку с левой стороны клинка, которая имеется у многих ножей и предназначена для более удобного их открывания. Такие выемки, так же как и любые другие неровности и зазубрины клинка, — сущий клад для экспертов. Именно в них в первую очередь остаются так называемые следы-наложения, свидетельствующие о том, что данным орудием была нанесена травма: кровь, волокна текстильных тканей, волосы, клетки поврежденных органов.

Передвигая нож под микроскопом, я вдруг заметил в глубине выемки изогнутое волоконце синего цвета, похожее на запятую, рядом — еще одно, более светлое. Кончиком тонкой иглы я осторожно снял волокна с поверхности ножа и поместил в каплю дистиллированной воды...

В процессе работы судебно-медицинские эксперты обычно знакомятся с материалами дела, ибо нередко бывает, что какие-то сведения существенно влияют не только на методику расследования, но и на производство экспертизы. События, вначале казавшиеся маловажными и второстепенными, иногда выдвигаются на первый план, и тогда то, что представлялось бесспорным, подвергается сомнению, а «железные факты» могут рассыпаться как карточный домик.

Пока Петров лежал в больнице, быстро поправляясь после операции, а я рассматривал его одежду и нож как собственными глазами, так и с помощью микроскопа, следствию стали известны новые, весьма любопытные обстоятельства. Оказалось, что Петров мог легко избежать удара ножом, если бы он в тот роковой вечер находился не около вокзала, а на работе, куда он был обязан прийти еще за несколько часов до случившегося. Согласно графику, смена дежурного ночного электрика В. А. Петрова начиналась в 17 часов. Однако он на работу не вышел...

Узнав об этом, я созвонился со следователем, и мы условились опять встретиться в больнице, чтобы я мог присутствовать при его очередном разговоре с Петровым. Когда я вошел в палату, там кроме следователя и Владимира никого не было. День стоял солнечный, и большинство ходячих больных отправились на прогулку. Я присел в стороне на край свободной кровати, стараясь не мешать.

— Итак, Владимир, расскажите, пожалуйста, еще раз, подробнее, где вы находились в семнадцать часов второго июля.

— В тот день около шестнадцати часов я встретился со знакомой девушкой Леной. Мы пошли с ней в парк и пробыли там около часа. Потом зашли в кинотеатр «Мир», где смотрели кинокартину «Хроника пикирующего бомбардировщика».

— Когда начался сеанс?

— В семнадцать тридцать. Окончился около половины восьмого.

— Продолжайте.

— Потом я проводил Лену, мы с ней постояли минут пятнадцать на углу, и я пошел домой.

— В котором часу это было?

— Точно не помню. Но не позже половины девятого.

— А ударили вас ножом около девяти? Вызов на «скорую» поступил в двадцать пятьдесят.

— Да, что-то около этого.

— А теперь, Петров, объясните: почему в тот день вы не вышли на работу? Ведь ваш рабочий день, согласно графику, начинался в семнадцать часов.

— Я не знал, что должен был работать.

— Но, по показаниям ваших товарищей, график дежурных электриков, работающих во вторую смену, составляется заранее и известен каждому. И еще вопрос. Почему вы, не зная, что

должны быть на работе в семнадцать часов, попросили, однако, санитарку из приемного покоя позвонить на завод и сообщить, что с вами случилось несчастье? Звонила она около десяти вечера. В деле есть и ее показания.

Петров, до этого спокойный, внезапно вспылил:

— Конечно, до сих пор бандита не поймали, вот я и виноват! Будто не меня он ножом пырнул, а кого другого!

— Мы еще вернемся к этому вопросу, — произнес следователь. — А теперь скажите: у вас и раньше были прогулы и опоздания на работу?

— Ничего этого не было.

— Но по справке, выданной старшим электриком, за период с января по июнь вы пропустили без уважительных причин пять рабочих дней и несколько раз опаздывали. За две недели до случившегося на производственном собрании обсуждалось ваше поведение. В решении собрания дословно записано следующее: «Коллектив считает, что в случае несвоевременного выхода электрика В. А. Петрова на работу, прогула или появления его на работе в нетрезвом состоянии необходимо ходатайствовать перед администрацией об увольнении Петрова с соответствующей записью в трудовой книжке». Похоже, все не так просто, как вы, Владимир, нам неоднократно рассказывали. Концы с концами не сходятся. А нам важно знать правду, только правду.

Я иногда уже бывал на подобных беседах, так как закон разрешает судебно-медицинским экспертам присутствовать на допросах свидетелей и обвиняемых в ходе предварительного следствия. Часто те или иные важные сведения, различные нюансы, имеющие существенное значение при производстве экспертизы, нельзя узнать лишь из сухих материалов уголовного дела. Теперь же, слушая разговор следователя с Петровым, я мог наблюдать за ними. Следователь вел допрос мед-

ленно, не спеша, со стороны казалось — даже флегматично. Короткий вопрос — ответ. Еще вопрос — еще ответ. Однако было заметно, что обстоятельства дела он тщательно проанализировал и заранее подготовил вопросы. Петров же, вначале спокойный и улыбающийся, выглядел растерянным, даже испуганным. Улыбка постепенно исчезла с его лица, и оно покрылось каплями пота.

— Я устал, очень устал, — откинувшись на подушку, внезапно сказал Владимир. — Не могли бы мы продолжить разговор в другой раз?

— Да и мне уже пора, — как бы извиняясь за назойливость, произнес следователь. — У меня только одна просьба, и больше мы вас сегодня не потревожим. В прошлый раз вы рассказали, что успели заметить в руке убегающего преступника нож. Не могли бы вы изобразить его, хотя бы приблизительно, и указать размеры? — Он протянул Петрову лист бумаги и карандаш.

Петров опустил голову, словно вспоминая, положил бумагу на тумбочку перед собой, несколько минут сидел неподвижно, потом медленно начал рисовать.

Спустя некоторое время, выйдя из палаты, мы рассмотрели рисунок Владимира и обменялись впечатлениями. На бумаге был старательно изображен длинный нож весьма странной формы. У основания клинок ножа выглядел очень широким, затем ширина его постепенно уменьшалась, и узкий конец был шириной меньше сантиметра.

— Стало быть, так, — сказал следователь, — длина клинка тринадцать — пятнадцать сантиметров, ширина у основания двадцать пять миллиметров, а у конца шесть — восемь миллиметров. К тому же, обратите внимание, конец немного скошен.

— И когда он все это успел рассмотреть?

— Объясняет, что было светло, поэтому нож в руке у нападавшего он видел очень хорошо.

Раньше сам предлагал мне его нарисовать, говорил, что этот нож у него все время перед глазами. Но почему такой узкий конец?

Уходя из больницы, я решил еще раз поговорить с Александром Сергеевичем. Он и на этот раз был немногословен.

— Все не дает вам покоя, коллега, наш пациент? Так что же вас еще интересует?

— Прежде всего хотя бы приблизительное направление раневого канала в брюшной стенке Петрова и еще — глубина канала. По ней можно судить о длине клинка.

Александр Сергеевич в который раз раскрыл историю болезни Владимира.

— Раневой канал шел сверху вниз и вправо, чуть отклоняясь от средней линии живота. Нож, как я уже раньше говорил, дошел только до круглой связки печени, но саму печень не повредил. Следовательно, канал оказался очень коротким. С учетом толщины жировой клетчатки на брюшной стенке — а Петров человек молодой, худощавый — длина канала не превышала трех с половиной — четырех сантиметров. Видимо, это и есть длина ножа, — Александр Сергеевич развел в стороны большой и указательный пальцы правой руки, показывая, каким мог быть клинок, и продолжал: — Уже на операции у меня создалось впечатление, что нож, которым был ранен Петров, узкий и, возможно, короткий. А может, удар оказался очень слабым и рана образовалась лишь от конца клинка.

После всего сообщенного, я думаю, читателю не покажется странной мысль, которая исподволь, постепенно выкристаллизовывалась в сознании и у следователя, и у меня: а был ли преступник на самом деле? Не нанес ли Петров себе ранение сам, испугавшись ответственности за прогул? Он и раньше, мягко говоря, не был образцовым работником. Казалось бы, после последнего предупреждения администрации ему ни-

чего не оставалось, как пересмотреть свое отношение к труду. Иного выхода у него не было. И вот ножевое ранение — по его словам, нанесенное неизвестным — именно в тот день и в те часы, когда он должен был находиться на работе. Обращал на себя внимание целый ряд и других обстоятельств. Например, странное поведение Владимира в приемном покое больницы. Человек ранен, ему предстоит операция, а он без особой необходимости просит санитарку срочно позвонить на работу. Особенно удивительным показалось нам то, что Петров успел за какие-то считанные секунды не только увидеть нож в руке нападавшего, но и запомнить его форму и даже размеры. При этом концевая часть ножа, который он изобразил, очень походила на клинок его собственного крохотного ножа-сувенира!

В криминалистике есть такое понятие — следственный эксперимент. Под ним юристы понимают действия, производимые для проверки того или иного факта или какой-либо версии по делу путем постановки соответствующих опытов. В ходе эксперимента проверяется истинность обстоятельств, о которых рассказали свидетели, обвиняемые, потерпевшие. Главное требование любого следственного эксперимента — максимально точное воспроизведение фактов и событий в условиях, близких к действительности. Нередко экспериментальный метод используется и судебными медиками.

Посоветовавшись со следователем и товарищами по работе, я решил нанести ножом-сувениром экспериментальные повреждения, сравнив затем их форму и размеры с раной Петрова и размерами повреждений на его рубашке. Рубашка была уложена на специально изготовленный манекен. Клинком ножа через нее были нанесены экспериментальные повреждения соответственно в область живота, причем положение ножа при введении точно повторяло направление раневого кана-

ла, которое так подробно описал Александр Сергеевич. Я тщательно измерил повреждения на манекене и рубашке, а затем исследовал раневой канал. Он оказался очень коротким, не более трех сантиметров длиной, и будь на пути клинка не манекен, а тело человека, он все равно не достиг бы печени. После изучения экспериментальных разрезов под микроскопом я убедился, что их форма и длина точно повторяли повреждения, которые были «причинены» Петрову.

В этом необычном деле оставалось лишь поставить точку. И она была поставлена с помощью метода, разработанного профессором А. П. Загрядской и ее учениками, который я использовал на завершающем этапе экспертизы. Читатель, вероятно, помнит о двух волоконцах, изъятых с клинка ножа-сувенира. Именно они оказались окончательным штрихом во всей этой картине. Из рубашки Петрова были взяты отдельные нити и из них изготовлены образцы волокон, которые затем сопоставлялись на сравнительном микроскопе с волокнами, найденными на ноже. Все получилось, как я и ожидал: волокна, снятые с ножа, точно совпали по своей природе, цвету и другим свойствам с волокнами-образцами из рубашки Петрова!

Акт экспертизы занял несколько страниц, я приведу только основную часть заключения. *«У Петрова Владимира Андреевича имелось проникающее колото-резаное ранение передней брюшной стенки с кровоизлиянием в связку печени... Исходя из характера повреждений на теле и одежде Петрова В. А., направления раневого канала, результатов изучения экспериментальных повреждений и сравнительного исследования волокон, найденных на ноже, и волокон из материала рубашки потерпевшего, вполне возможно причинение ранения Петрову собственной рукой представленным на экспертизу ножом-сувениром... Клинком ножа, схема и рисунок которого*

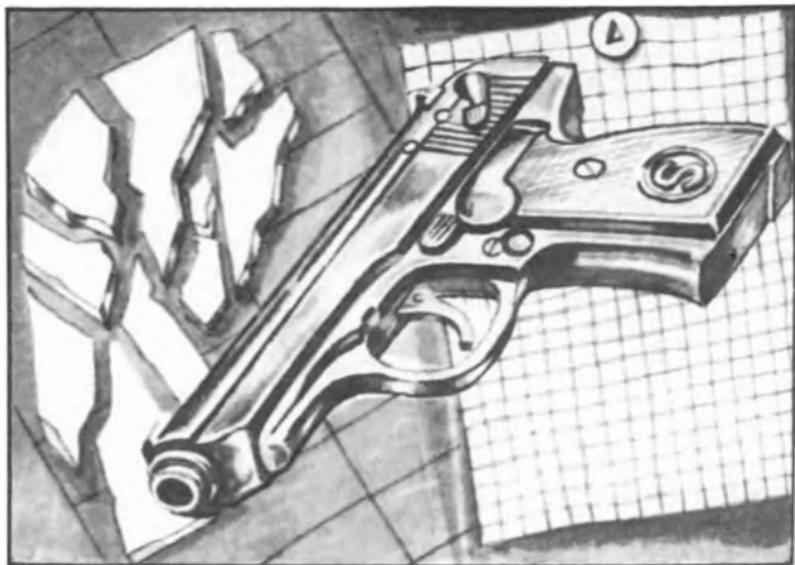
воспроизведены в материалах дела, описанные повреждения причинены быть не могли».

Когда следователь через восемь дней после случившегося ознакомил Петрова с окончательным заключением судебно-медицинской экспертизы, тот полностью признал свою вину в самоповреждении.

Так было раскрыто «преступление», якобы совершенное таинственным бородатым незнакомцем, которого в течение нескольких дней разыскивала милиция.

Вот и вся история, которую я вспоминаю, глядя на миниатюрный ножичек-сувенир, свободно уместящийся в обыкновенной спичечной коробке.

Солнечная сторона

Если вы москвич или хорошо знаете столицу, то без труда представите себе переулки старого Арбата. И дома этих переулков — надежные, построенные из крупного кирпича, сработанные, кажется, на века. В одном из таких домов в трехкомнатной квартире на четвертом этаже жила семья Федора Спиридоновича Серова. Глава семьи после демобилизации работал в каком-то министерстве, его жена, Антонина Анатольевна, — в районной стоматологической поликлинике, а сын Игорь учился в школе в шестом классе. Поскольку Серовы жили просторно, у мальчика была отдельная комната, окно которой выходило в крошечный дворик, казавшийся островком среди окружающих его каменных громад.

Утро 19 апреля началось как обычно. Федор Спиридонович вышел из дома около семи часов

утра: на работу ему было к восьми и ехать предстояло около часа. Вскоре ушла и Антонина Анатольевна. В кухне на столе она оставила сыну завтрак и записку: «Игорек, не забудь вымыть посуду. Купи хлеб и молоко. Целую, мама». Игорь еще спал. Родители по утрам обычно не будили сына, он вставал сам.

Первой с работы возвращалась Антонина Анатольевна. Но в этот день она задержалась в магазине и, подходя к дому, увидела мужа, стоявшего у табачного киоска. В подъезд они вошли вместе. Открывая дверь английским ключом, Федор Спиридонович недовольно покачал головой:

— Опять Игорь забыл закрыть нижний замок, да и этот заперт только на один оборот.

— Он, видно, очень спешил, вот и убежал, захлопнув дверь, — решила Антонина Анатольевна, проходя в кухню. — Завтрак съел, а до обеда так и не дотронулся.

В квартире было тихо. Федор Спиридонович, устроившись в кресле, стал просматривать свежие газеты. Жена захлопотала на кухне, готовя ужин. Дверь в комнату Игоря была полуоткрыта. Из нее доносилась музыка, и Федор Спиридонович подумал, что сын забыл выключить радиоприемник. Он вошел в комнату и неожиданно для себя в полосе света, падающего из коридора, увидел сына, который сидел за письменным столом в странной, неестественной позе. Не окликав Игоря, он включил свет и замер. Мальчик полулежал, грудью навалившись на стол. Одежда и пол вокруг него были в крови...

Полчаса спустя к Серовым прибыла оперативная группа: следователь прокуратуры, эксперт-криминалист, сотрудники уголовного розыска. Еще через десять минут вызвали дежурного судебно-медицинского эксперта. Это был один из старейших судебных медиков Москвы Юрий Владимирович Рудик.

Федор Спиридонович, безучастный к окру-

жающим и происходящему, оцепенев, сидел у окна, устремив неподвижный взгляд на темный прямоугольник за широкой рамой. Голос следователя заставил его вздрогнуть:

— Скажите, у вас имелось огнестрельное оружие?

Федор Спиридонович с трудом ответил:

— С войны у меня сохранился трофейный пистолет марки «Зауэр». Именное оружие. Подарил его мне перед самой демобилизацией на прощальном вечере наш комдив. В 1946 году. Была тогда такая мода... Пистолет заперт у меня в столе.

Он прошел в кабинет и, достав из кармана ключи, открыл нижний ящик большого двухтумбового стола. Там лежали какие-то бумаги, пачка пожелтевших, вероятно фронтовых, фотографий и совсем еще новая темно-коричневая кобура. Пистолета в ней не было. Схватив кобуру и убедившись, что она пуста, Федор Спиридонович начал лихорадочно выдвигать один за другим ящики стола. На пол полетели пачки бумаг, старые газеты, документы, записные книжки, фотографии...

Следователь прокуратуры Григорий Иванович Большаков, прислонившись к стене, грустно смотрел на борьбу хозяина с его реликвиями, потом тихо сказал:

— Когда в последний раз вы видели у себя в столе пистолет?

— Точно затрудняюсь сказать... — Федор Спиридонович устало опустил на стул. — Пожалуй, в феврале. Да, двадцать третьего. Вечером ко мне зашли друзья. Расчувствовался я, полез в ящик за фотографиями. Пистолет был на месте.

Осмотр места происшествия показал, что у Игоря имелось огнестрельное ранение левой половины шеи с повреждением крупных сосудов. Оружия в комнате обнаружить не удалось, между тем, судя по направлению потеков крови, ве-

роятность передвижения мальчика после ранения эксперт полностью исключал. Стол, за которым сидел Игорь, немного отстоял от стены. На нем были разложены учебники, несколько художественных книг, стоял полураскрытый портфель. Окно в комнате находилось справа от стола. Стекла его были целы, форточки закрыты снаружи и изнутри, а рамы аккуратно обклеены бумагой. На полу, сантиметрах в двадцати от левой ножки стула, лежало расколотое пополам карманное зеркальце размером чуть больше коробки из-под сигарет. Пистолет Федора Спиридоновича ни в комнате Игоря, ни вообще в квартире Серых отыскать не удалось.

К полудню следующего дня стали известны результаты судебно-медицинского вскрытия. Его производили два судебных медика: Юрию Владимировичу помогал его более молодой коллега. Экспертам долго не удавалось найти пулю, хотя направление раневого канала было им приблизительно известно. Входное огнестрельное отверстие — маленькая круглая дырочка диаметром около шести миллиметров — располагалось на левой половине шеи. Налет копоти вокруг раны и внедрение порошинок в кожу свидетельствовали о том, что выстрел был сделан с близкого расстояния. Отсутствие выходного отверстия позволяло предположить, что пуля находится в теле мальчика.

Юрий Владимирович работал обстоятельно и неторопливо. Не только следователям и работникам милиции, но и его коллегам иногда даже казалось, что слишком медленно. В тот день лишь через два часа после начала вскрытия он наконец уверенно сказал:

— Вероятно, мы встретились с внутренним рикошетом. Пуля ударилась о кость и изменила направление движения. Придется сделать несколько рентгенограмм черепа и верхнего отдела грудной клетки.

Пока готовили к работе рентгеновский аппарат, Юрий Владимирович сел на стул и, положив руки в перчатках на спинку другого стула, на несколько минут расслабился.

— Присядьте и вы, Гена, — предложил он помощнику. — Поиски снаряда в теле могут быть очень долгими. Вот вам пример из литературы, давний, как сама судебная медицина, и свежий одновременно. Вчера перед сном я просмотрел кое-какие книги об огнестрельных повреждениях. Один иностранец — кажется, итальянец Гануто — еще в двадцатых годах описал случай, когда пуля, выпущенная из пистолета, срикошетировав от черепа, закончила свой путь в левой почке! А вот что рассказывает профессор Эйдлин, один из наших авторитетных судебных медиков. Извозчик, пишет он, был убит из револьвера системы «Наган» выстрелом в затылок. Эксперт в поисках пули исследовал ткани головы и кости черепа, но безрезультатно. Тогда он предположил, что пуля вышла через открытый рот (и такое случалось в нашей практике). Но другой врач, более опытный, обнаружил ее под кожей кончика носа.

Принесли снимки. Юрий Владимирович подошел к окну, где было светлее, и начал просматривать их.

— Вот это фокус! — воскликнул он. — Взгляните-ка, друзья. Кажется, пуля застряла где-то у позвоночника, на уровне шейных позвонков.

Действительно, через десять минут, разрезав сзади кожу шеи, Рудик извлек пулю и передал ее следователю, которого уже ждала машина, чтобы отвезти в криминалистическую лабораторию.

Криминалисты были заранее предупреждены о необходимости крайне срочного исследования пули с целью определения ее калибра и марки оружия. Работа эта заняла у них немного времени. Измерив диаметр пули и сравнив ее форму и длину со стандартными образцами, эксперты

пришли к заключению, что она выпущена из немецкого пистолета типа «Зауэр» калибра 6,35 миллиметра.

Но куда делся пистолет? На этот вопрос ответа до сих пор не было. Редкая марка оружия делала маловероятной возможность существования другого пистолета, подобного тому, который непостижимым образом исчез из стола Серова. Следствие зашло в тупик. Что же в действительности произошло с Игорем? Несчастный случай? Самоубийство? Или самое страшное — коварно задуманное преступление?

Многие из тех, кто вел расследование, полагали, что Игорь был убит. При случайном выстреле или самоубийстве пистолет обязательно должен был бы остаться в комнате, рассуждали они. Ведь, согласно заключению судебно-медицинской экспертизы, после такого ранения полностью исключалась способность мальчика к передвижению и самостоятельным действиям, в результате которых он мог бы сам спрятать или выбросить пистолет. Да и поза Игоря за столом свидетельствовала о том, что он даже не успел встать со стула.

Самоубийство казалось маловероятным и по другим соображениям. Семья Серовых была дружной, почти образцовой. Сын очень любил отца, гордился его боевым прошлым. Он нередко помогал матери, что для ребят его возраста почти не характерно. Родители утверждали, что накануне вечером Игорь был абсолютно спокоен. Придя из школы, он около часа играл в хоккей, потом с 8 до 10 часов делал уроки. Никому не звонил. Утром, когда они уходили на работу, мальчик еще спал.

Хорошего мнения об Игоре были и преподаватели. Дисциплинирован, исполнительен, один из лучших учеников класса. Учительница литературы, классный руководитель 6-го «Б», сказала следователю:

— Золотой мальчишка. Но... крайне впечатлителен. Правда, скрывает это от всех. В их среде это не в почете. Мечтатель и фантазер. Очень любит литературу и историю, склонен к точным наукам, великолепно рисует. Да что говорить, хороший и способный мальчик, особых хлопот у нас с ним никогда не было.

Но если Игорь был убит, значит, в квартире кроме него находился неизвестный, который и забрал с собой оружие. Между тем никаких следов, подтверждающих это предположение, обнаружить не удалось. Дверь была заперта, окно и форточки закрыты, никаких посторонних отпечатков пальцев на предметах обстановки не найдено.

Опрос соседей по подъезду и жильцов ближайших домов ни к чему не привел: выстрела никто не слышал. Да это и понятно: рядом с домом велась какая-то стройка, шум и грохот беспокоили людей с утра до конца рабочего дня. К тому же в это время многие были на работе.

Прошло два дня, но следствие не продвинулось ни на шаг. Следователь решил еще раз осмотреть комнату Игоря. Он пригласил с собой Рудика, эксперта-криминалиста, понятых, и они молча вошли в уже знакомый им старый московский дом.

В комнате все оставалось на своих местах. Она казалась большой и светлой — может быть, благодаря приятной салатовой окраске стен. Стол, два стула, в углу кресло-кровать, входившее тогда в моду. Над столом портрет Игоря в металлической рамке — любительская фотография, сделанная, вероятно, отцом. Напротив портрета на противоположной стене кнопкой приколот чистый листок бумаги в клетку из ученической тетради.

Скрупулезно, словно впервые, метр за метром они начали повторный осмотр. Особенно тщательно исследовали окно и подоконник. Переплеты рам были обклеены пожелтевшей к весне бума-

гой, которая покрывала даже обе задвижки — наружную и внутреннюю. Форточки были закрыты. Балкона в квартире Серовых вообще не было.

За работой два часа пролетели незаметно. Пока в соседней комнате следователь беседовал с безучастным ко всему Федором Спиридоновичем, а криминалист обрабатывал особым составом окна, стены и полированную поверхность мебели, надеясь найти отпечатки пальцев, Юрий Владимирович на какое-то время оказался не у дел. Мешать товарищам ему не хотелось, и когда среди учебников на столе он заметил томик Пушкина, то, открыв его, присел и незаметно для себя углубился в чтение... Это были «Повести Белкина». Рудик почти дочитал до конца «Метель», когда его отвлек голос следователя:

— Юрий Владимирович, машину я уже вызвал. Пожалуй, на сегодня хватит. Спустимся вниз, подождем на свежем воздухе...

Через час Рудик был уже у себя дома, почти на другом конце Москвы. После ужина он, порывшись в личной библиотеке, нашел «Повести Белкина» и с наслаждением продолжил прерванное чтение. Юрий Владимирович дочитал «Метель», потом прочел «Станционного смотрителя». «Пушкина нельзя читать сразу помногу, — подумал он, — иначе теряется ощущение прекрасных, похожих на музыку строк. Прочту еще. «Выстрел», — он полистал книгу, — всего несколько страниц...»

Уже самое начало этой великолепной пушкинской вещи вызвало у Рудика необъяснимое волнение. Ему показалось, что название новеллы и суть ее как-то ассоциируются с делом, которым он занимался вот уже третий день. Он провел рукой по вспотевшему лбу и прошелся по комнате. «Вот наваждение, так ведь всю ночь не уснешь». Заставив себя успокоиться, Юрий Владимирович дочитал «Выстрел» до конца. Потом просмотрел

повесть еще раз, обращая внимание на некоторые места.

«Главное упражнение его (Сильвио. — Авт.) состояло в стрельбе из пистолета. Стены его комнаты были все источены пулями, все в скважинах, как соты пчелиные».

Юрий Владимирович перевернул три страницы:

«В картинах я не знаток, но одна привлекла мое внимание. Она изображала какой-то вид из Швейцарии; но поразила меня в ней не животись, а то, что картина была прострелена двумя пулями, всаженными одна на другую.

— *Вот хороший выстрел,* — сказал я, обращаясь к графу.

— *Да,* — отвечал он, — *выстрел очень замечательный. А хорошо вы стреляете?* — продолжал он.

— *Изрядно,* — отвечал я, обрадовавшись, что разговор коснулся наконец предмета, мне близкого. — *В тридцати шагах промаху в карту не дам, разумеется, из знакомых пистолетов.*

— *Право?* — сказала графиня, с видом большой внимательности. — *А ты, мой друг, попадешь ли в карту на тридцати шагах?*

— *Когда-нибудь,* — отвечал граф, — *мы попробуем. В свое время я стрелял не худо; но вот уже четыре года, как я не брал в руки пистолета.*

— *О,* — заметил я, — *в таком случае бьюсь об заклад, что ваше сиятельство не попадете в карту и в двадцати шагах: пистолет требует ежедневного упражнения. Это я знаю на опыте».*

Остановившись на этом месте, Юрий Владимирович заставил себя вспомнить комнату Игоря. Фотографически точная память, свойственная, впрочем, многим людям нашей профессии, ибо она вырабатывается годами, позволила ему представить эту комнату так ясно, словно он и теперь находился там. Рудик закрыл глаза, чтобы было удобнее думать и вспоминать. Вот окно, слева от

него стол, за которым сидел мальчик. В левом углу — кресло-кровать, у этой же стены еще один стул и две полки с книгами. На полу ничего, кроме разбитого зеркала. Над столом портрет Игоря, на противоположной стене — абсолютно чистый листок бумаги в клетку из школьной тетради. Приколот так, что находится за спиной у сидящего, причем, похоже, наспех — всего одной кнопкой. Если мальчик хотел что-то на этом листке написать, ему было бы удобнее повесить его у себя перед глазами. Но если человек за столом возьмет в руки зеркало, то он обязательно увидит в нем отражение листка...

Рудик открыл глаза, потом опять закрыл их, проверяя себя.

Догадка обожгла его внезапно. Ведь листок бумаги, вырванный из тетради, — это... мишень! Мальчишка целился в нее, держа в левой руке зеркало, а в правой — пистолет, стреляя назад через плечо. В комнату вошла жена, но Юрий Владимирович не заметил ее. Он подошел к телефону и набрал номер следователя.

— Григорий Иванович, извините за поздний звонок. Все думаю об арбатском деле.

— Да и мне не спится, Юрий Владимирович. Вот поужинал, хотел почитать, но что-то сегодня ничего не воспринимаю.

— Григорий Иванович, мне пришла в голову одна мысль... Помните листок бумаги, который висел на стене прямо напротив стола?

Прошло несколько секунд, пока Рудик услышал ответ:

— Отлично помню. Листок в клетку. Приколот к стене одной кнопкой. Абсолютно чистый, без каких-либо надписей. Я еще подумал: чего ради он тут висит? Но как-то не придумал этому значения. Хотел спросить отца, но несчастному и так довольно наших вопросов...

— Ну, если вы запомнили листок, то, безу-

словно, помните и разбитое зеркало на полу, рядом с левой ножкой стула.

— Зеркало я заметил сразу, как только первый раз вошел в эту комнату. Оно описано в протоколе осмотра и приобщено к делу.

— А не могло ли быть так, — Рудик сделал паузу и переложил вспотевшую трубку в другую руку. — Мальчик сидит за столом, бумага у него за спиной. В левой руке он держит зеркало, в правой — заряженный пистолет и целится в листок, как в мишень, используя зеркало. При этом правая рука его сильно согнута в локтевом суставе, почти под прямым углом. При таком положении руки ствол пистолета находится всего в нескольких сантиметрах от шеи...

— Даже не знаю, что и сказать, Юрий Владимирович. Фантастическая идея! Как она вам пришла в голову?

— Я заметил на столе у Игоря «Повести Белкина». Вначале подумал, что книга рекомендована школьной программой. Есть там одна вещь... «Выстрел». Короткая превосходная новелла. Занимательнейший сюжет. Так вот она, кроме всего прочего, могла бы служить отличным руководством для тренировки в стрельбе из пистолета. Придя к этому выводу, я попытался связать воедино зеркало и листок на стене.

— Но при вашем варианте пистолет обязательно должен был бы остаться в комнате.

— Значит, в ней находился кто-то еще кроме мальчика.

— Вот об этом я и думаю. По логике вещей, оружию, если мы имеем дело с самоубийством или, если принять за основу вашу идею, с несчастным случаем, деваться некуда. Ведь ранение было смертельным.

— Да, смерть наступила быстро, через считанные секунды. После такого ранения не то что мальчик — и взрослый человек не успел бы даже встать.

— Не успел бы даже встать, — повторил Большаков слова Рудика. — Юрий Владимирович, вы завтра с утра на работу?

— Да, буду у себя.

— А не встретиться ли нам еще раз у Серовых, чтобы прикинуть ваш вариант непосредственно на месте?

— Неплохая мысль. К девяти буду ждать вас на Арбате.

Большаков сел за стол и взял в левую руку зеркало, половинки которого были склеены тонкой полоской лейкопластыря. Теперь предполагаемая мишень была у него за спиной. Он поднял зеркало на уровень глаз, и Рудик, стоящий рядом, увидел, как в зеркале отчетливо отразился листок бумаги.

— Видно великолепно, Юрий Владимирович, — сказал следователь. — Листок как на ладони. — Он согнул руку в локтевом суставе почти под прямым углом. — Действительно, при таком положении руки, если предположить, что в ней находится пистолет, до места ранения на шее меньше пяти-шести сантиметров.

Большаков повернул зеркало слегка вправо и прищурился. И тут в глаза ему стремительно прыгнул солнечный зайчик. Произошло это настолько неожиданно, что он резко опустил зеркало.

— Я буквально ослеп на несколько секунд... — Большаков взглянул на окно, за которым над крышей соседнего дома ослепительно сияло в голубом небе утреннее апрельское солнце.

— Вот в эту секунду и мог произойти выстрел, — сказал Рудик, быстро подходя к столу. — Поднимите-ка еще раз зеркало, Григорий Иванович, и представьте на своем месте мальчика. Он целится в листок, висящий у него за спиной. Зеркало, как мы предполагаем, держит в ле-

вой руке, заряженный пистолет — в правой. Несколько раз поднимает и опускает его — так прицеливаются все, кто держит в руке оружие. На какое-то мгновение он поворачивает зеркало вправо, и луч солнца, отразившись от него, ударяет ему в глаза. Мальчик, на секунду ослепнув, теряет ориентировку, одновременно меняется и положение ствола пистолета. Тогда он непроизвольно нажимает на курок...

— В логике и наблюдательности вам не откажешь, Юрий Владимирович, — восхитился следователь. — Надо запросить сводку погоды за девятнадцатое апреля. Впрочем, больше для порядка, — добавил он. — Все это время дни стоят ясные, солнечные. Такой же была погода и несколько дней назад. Действительно, хорошая квартира, солнечная сторона...

В тот же день следователь опять встретился с Серовым. Тот осторожно вошел к нему в кабинет и, сев на предложенный стул, поднял на Большакова усталые, воспаленные глаза.

— Вернемся к нашему последнему разговору, Федор Спиридонович. Вы показывали когда-нибудь пистолет сыну?

— Пожалуй, раза два Игорь видел его. Впервые — несколько лет назад, я тогда только демобилизовался. Он был совсем малышом, учился в первом или во втором классе... Второй раз — совсем недавно. На школьных соревнованиях по стрельбе из малокалиберной винтовки он занял первое место. Вечером гордо так заявил об этом. Я обрадовался, расчувствовался, вспомнил войну. Тогда и показал ему пистолет. Было это в январе, во время школьных каникул.

— Пожалуйста, опишите подробно пистолет, его внешний вид. Имелись ли к нему боеприпасы? — попросил следователь.

— Пистолет марки «Зауэр», немецкого производства. К нему имелся магазин с семью патронами. Щечки сделаны из дерева, на правой выре-

зана надпись: «Дорогому Феде на память от друзей. 1941—1946 гг.».

— Вы когда-нибудь стреляли из него?

— Всего один раз. Перед отъездом из части, на следующий день после прощального ужина. Потом я вычистил пистолет и положил в кобуру. Магазин лежал отдельно, так что пистолет был разряжен.

Следователь закурил и, предложив сигарету Серову, прошелся по кабинету.

— Ну, а как вы сами относитесь к этому случаю? — спросил он. — Я понимаю, тяжело об этом говорить, но истина нужна вам не меньше, чем следствию. Результаты судебно-медицинской и криминалистической экспертиз вам известны?

Серов кивнул:

— С себя я вину не снимаю. Теперь, когда Игоря нет, мне никакой суд не страшен. Но в одном я уверен: сын не мог покончить с собой. В школе у него все складывалось хорошо, все его любили. До этого трижды проклятого дня наша семья горя не знала.

— Но выстрел произведен, скорее всего, из вашего пистолета. Пуля, которую обнаружил эксперт, стандартного образца для пистолета «Зауэр», калибра 6,35 миллиметра.

— Куда делся пистолет, я не знаю. Я первый вошел в комнату Игоря и могу поручиться, что его там не было. До вашего прихода все осталось на своих местах. Но одна мысль не дает мне покоя: не был ли кто-то рядом с Игорем в его последние минуты?

— Это и нам необходимо выяснить. Скажите, Федор Спиридонович, знал ли кто-нибудь из друзей Игоря о том, что у вас хранится оружие?

— Вообще-то я просил его молчать об этом. Впрочем, за то, что он об этом никому не говорил, поручиться не могу. У сына было много друзей.

— Назовите самых близких.

Серов назвал следователю несколько фамилий, которые тот записал в протокол.

— Все они из одного класса, учились вместе. Часто бывал у нас и Борис Венедиктов, из соседнего дома. С ним Игорь проучился до четвертого класса, потом у Бори обнаружили способности, и родители перевели его в математическую школу.

Большаков считал преждевременным говорить Серову о версии Рудика относительно обстоятельств выстрела в его квартире. Хотя эксперт и следователь были убеждены в истинности этой версии, предстояло еще выяснить самое главное: кто же девятнадцатого апреля находился в квартире вместе с Игорем? Логически все укладывалось в одну цепочку: листок на стене — мишень, разбитое зеркало на полу, окно справа, солнце и рана на шее. Не хватало одного, самого важного и последнего звена, без которого все предыдущие ничего не стоили: не было известно, кто взял пистолет.

Школа, где учился Игорь, находилась неподалеку от его дома. Следователь решил побеседовать с ребятами после занятий, полагая, что в непринужденной обстановке он сумеет преодолеть их скованность и они будут более откровенны. Опросить целый класс, хотя и по одному, оказалось делом нелегким. Большаков пробыл в школе до полудня, но ни на шаг не приблизился к цели. Он выяснил, что у Игоря действительно было немало друзей, многие приходили к нему домой. Ребята и преподаватель физкультуры сообщили, что он посещал стрелковую секцию и успешно выступал на соревнованиях. Однако никто из мальчишек не знал о том, что в квартире Серовых имелось оружие. Григорий Иванович попросил ребят назвать тех, с кем Игорь дружил помимо школы, и почти все назвали Бориса Венедиктова, который раньше учился в их классе.

Когда Большаков вышел из школы, время близилось к обеду. Все так же ярко светило апрельское солнце. Следователь перекусил в маленьком кафе, потом прошел два квартала пешком. В знакомом дворе было тихо. Григорий Иванович взглянул на окна Серовых и, вздохнув, направился к дому напротив. Когда он поднимался по лестнице, мимо него, прыгая со ступеньки на ступеньку, промчалась девочка лет двенадцати в голубой вязаной шапочке. Григорий Иванович окликнул ее и спросил, где живет Борис Вендиктов.

— Борька-то? — отозвалась девочка. — Да с нами на одной площадке. Вам позвать его? — спросила она и, получив утвердительный ответ, умчалась наверх.

Минут через десять, едва взглянув на лицо спускавшегося по лестнице подростка, Большаков подумал, что правильно поступил, решив не откладывать разговор с ним на завтра. Заметив незнакомого человека, мальчик покраснел, огляделся в растерянности и повернул было назад, но Григорий Иванович сказал, что хочет поговорить с ним, и предложил ему спуститься вниз.

С явной неохотой Борис вышел со следователем из подъезда. Следователь решил еще раз воспользоваться квартирой Серовых, благо ключ от нее был у него с собой, но, поняв, что мальчик не хочет идти туда, подошел к автомату и вызвал служебную автомашину. Потом, вспомнив, что при допросе несовершеннолетнего обязательно присутствие педагога, Большаков позвонил в соседнюю школу и договорился со знакомым преподавателем о его участии в беседе с подростком.

По дороге в прокуратуру и в кабинете следователя Борис держался настороженно. Григорий Иванович сознательно не спешил, решив дать мальчику возможность успокоиться. Он переложил бумаги на столе, потом запер часть из них в сейф. Достал авторучку и наполнил ее чернилами.

ми. Потом познакомил Бориса с вошедшим в кабинет педагогом. Сказал несколько слов секретарше, которая ушла и, вернувшись, положила на стол довольно толстую папку в бледно-коричневом блестящем переплете. Наконец он повернулся к мальчику:

— Ну, Боря, давай поговорим. Я полагаю, ты понимаешь, зачем я тебя сюда привез?

Они сидели напротив. Но Борис не смотрел следователю в глаза, устремив взгляд в сторону вверх его головы.

— Ты дружил с Игорем Серовым?

— Да.

— Учились вместе?

— Четыре класса.

— Ты бывал у Серовых?

— Иногда.

— Утром девятнадцатого апреля, в первой половине дня, ты виделся с Игорем?

Григорий Иванович ожидал услышать отрицательный ответ и был готов к этому, хотя еще на лестнице понял, что Венедиктов что-то скрывает. Поэтому для него как гром среди ясного неба прозвучал ответ Бориса:

— Да...

Большаков встал и зажег свет. Ему вдруг показалось, что в большом светлом кабинете днем стало темно. Потом, взглянув на мальчика, он налил в стакан из графина воду и пододвинул ему:

— Выпей-ка, успокойся и расскажи подробнее.

Борис, до сих пор отвечавший следователю лишь короткими однозначными фразами, вдруг начал говорить подробно и взволнованно. Григорий Иванович не перебивал его. Вероятно, несколько дней молчания и страха после случившегося, невозможность ни с кем поделиться явились слишком тяжелым испытанием для тринадцатилетнего мальчишки.

— Девятнадцатого апреля, утром, — начал

рассказывать Борис, — Игорь позвонил мне домой. Спросил, сделал ли я уроки. Потом говорит: давай заходи ко мне, покажу одну вещь. Дома он прошел в соседнюю комнату, к столу Федора Спиридоновича, и открыл нижний ящик. Там лежали какие-то бумаги, фотографии и кобура, в которой был пистолет и магазин с патронами. Пистолет и патроны Игорь вытащил, ящик запер, и мы пошли обратно в его комнату. Я спросил, откуда у них пистолет. Он ответил, что отец привез его с фронта. Действительно, сбоку на рукоятке пистолета я увидел дощечку с надписью. Потом Игорь сказал, что он ходит в стрелковую секцию и, чтобы выработать твердость руки, тренируется, целясь из пистолета. «Тренировкой можно добиться многого. У Пушкина, — сказал он, — есть рассказ «Выстрел», так там написано, что меткая стрельба из пистолета требует ежедневных упражнений». На столе у Игоря лежала книга Пушкина «Повести Белкина», и он показал мне это место. Мы немного поцелились кто во что, и я сказал, что мне пора домой. «Погоди, — остановил меня Игорь, — сейчас я покажу тебе самый сложный способ стрельбы, который я еще прошлым летом видел в цирке, когда стреляют назад, глядя в зеркало». Он приколот к стене листок бумаги, нашел зеркало и сел за стол. Потом взял пистолет, вставил магазин, передернул затвор. Зеркало он держал в левой руке, а пистолет в правой. Листок находился у него за спиной, и он смотрел на его отражение в зеркало. Игорь несколько раз поднимал и опускал согнутую правую руку, в которой держал пистолет, повернутый стволом назад. Я стоял сбоку от него и смотрел. Вдруг что-то блеснуло и раздался выстрел. Я подумал, что Игорь пошутил, но, взглянув на него, увидел на шее кровь, которая быстро заливала рубашку. Я испугался, схватил с пола пистолет, гильзу, лежавшую рядом, и выбежал из комнаты...

— Ты кому-нибудь рассказывал об этом?

— Нет. Я так испугался! Несколько часов бродил по Москве, а к вечеру увидел во дворе милицейские машины и из разговоров узнал, что Игорь погиб.

— Где же сейчас пистолет?

— Когда я выбежал из подъезда, мне хотелось поскорее избавиться от него, и я засунул его в ящик с песком, который стоит в нашем дворе. Наверное, он и сейчас там.

Григорий Иванович отпустил Венедиктова домой и вышел из кабинета. Следователь подумал, что еще успеет позвонить Рудику. К счастью, Юрий Владимирович оказался у себя. За пистолетом на Арбат они поехали вместе.

Во все времена в человеке особо ценились верность своему делу, страстная увлеченность им. Эти качества нередко освещают обыденность будней и повседневность труда золотыми искрами истинного таланта. Людей, страстно увлеченных своей работой, талантливых в ней, не так уж мало в нашей жизни. Судебно-медицинский эксперт Юрий Владимирович Рудик был из когорты таких людей.

Капля крови

Произошло это в одном из небольших городов средней полосы. Короткий осенний день с утра выдался ненастным. К вечеру ветер усилился, пошел мокрый снег. Время близилось к полуночи. Патрульная милицейская машина не спеша объезжала микрорайон. Выехав из-за угла, метрах в семидесяти впереди в свете покачивающегося от ветра фонаря патруль заметил у здания радиотелевизионного ателье две фигуры, метнувшиеся в тень. Послышался звон разбитого стекла.

«Кража», — мгновенно среагировал водитель, и машина, быстро набрав скорость, ринулась вперед. Преступники тоже заметили автомобиль с синим сигнальным огнем и бросились бежать. Конечно, им бы не уйти от погони, но внезапно дорогу патрулю перегородила широкая траншея. Ремонтные работы, которые велись неподалеку, позволили бежавшим выиграть несколько секунд.

Они промчались по узкому мостку через траншею и, когда сотрудники милиции, выскочив из машины, попытались их догнать, свернули в темный переулок. Один из милиционеров упал, другой продолжал преследование, но расстояние между бегущими увеличивалось. В темноте погоня могла оказаться безуспешной. И тогда милиционер вытащил пистолет. Первый выстрел он сделал в воздух, второй и третий — вслед убегающим преступникам. Однако задержать неизвестных так и не удалось.

Наутро судебно-медицинский эксперт Александр Петрович Седов, специально вызванный из областного центра, вместе со следователем и работниками уголовного розыска в присутствии понятых осмотрел место происшествия. Из радиотелевизионного ателье пропали некоторые ценные детали, несколько транзисторов и около четырехсот рублей. Витрина была разбита. Обычно подобные случаи не имеют отношения к нашей службе, но в этот раз присутствие судебного медика было продиктовано особыми обстоятельствами — тем, что, вероятно, один из преступников был ранен. На сооруженном вдоль строящегося дома деревянном тротуаре, по которому бежали преследуемые, отчетливо была заметна цепочка красно-коричневых пятен. Над тротуаром был сделан небольшой козырек из досок, поэтому, несмотря на ненастную погоду, пятна сохранились.

Вооружившись лупой и линейкой, Седов внимательно осмотрел следы на тротуаре, после чего высказал несколько весьма полезных для следствия соображений:

— Пятна не очень крупные, диаметром до полутора сантиметров. Следовательно, кровь, если это она, падала с небольшой высоты — в пределах одного метра, может быть, чуть больше. Это верхняя часть бедра или область таза. Форма пятен овальная, но задний край их как бы зазубрен. Рядом с ними мелкие точечные пятнышки.

Это указывает на то, что преступник бежал. А вот тут, — Седов подошел к концу тротуара, — раненый повернул направо. Вероятно, он ранен в левую половину тела, так как кровь расположена не по свободному краю настила, а с его внутренней стороны.

— Как мы поняли, Александр Петрович, вы считаете, что один из преступников ранен в левую ногу? — уточнил следователь.

— Возможно, весьма возможно, — ответил Седов. Опустившись на корточки, он острым ножом срезал с поверхности тротуара кусочки дерева с пятнами и спрятал их в целлофановый пакет. — Биологи в лаборатории определяют вид и группу крови, ее половую принадлежность, — пояснил он. — Потом пригодится.

В тот же день все медицинские работники города, персонал районной больницы и станции скорой помощи были предупреждены о том, что в ближайшие дни к ним может обратиться человек с огнестрельным ранением левой ноги или левой половины таза, и проинструктированы, что следует делать в этом случае.

Прошло несколько дней, потом неделя, другая. За медицинской помощью никто не обращался. Поступил, правда, сигнал от фельдшера одного из здравпунктов, но при проверке выяснилось, что пострадавшего в момент ссоры ударил напильником в левый бок его же знакомый. Рана оказалась несерьезной, и наутро, протрезвав, приятели решили, что будет лучше для обоих, если никто не узнает о случившемся. По этому факту возбудили уголовное дело. Что же касается ограбления радиотелевизионного ателье, то дело пока не двигалось. Разумеется, параллельно с «медицинской линией» сотрудники уголовного розыска под руководством следователя активно искали преступников и по другим каналам.

Месяца через полтора после случившегося Седов опять приехал в этот город. Дел у него ока-

залось немного, и к часу дня он был свободен. Автобус в областной центр уже ушел. Следующая машина отправлялась после 16 часов. Взяв билет и пообедав, Александр Петрович решил как-то скоротать время и, перейдя площадь перед автовокзалом, не спеша пошел к центру города. Он заглянул в один из магазинов и остановился у киоска, чтобы купить свежую газету, когда мимо него прошли двое молодых людей. Один из них, высокий, хорошо сложенный, невольно обращал на себя внимание. Но Седова заинтересовал не он, а второй парень, пониже ростом. Он едва поспевал за товарищем. Оба разговаривали на ходу, и высокий, чтобы приятель не отстал, старался идти помедленнее, но порой забывался, ускорял шаг, и тогда второй парень, догоняя его, переходил на бег, при этом он слегка прихрамывал на левую ногу. Александру Петровичу показалось, что он где-то видел этого парня. Но где? Он на миг задумался, а когда снова взглянул на парней, то увидел, что оба перешли на другую сторону улицы и удаляются от него. Еще минута — и они скроются совсем. Какое-то необъяснимое чувство, похожее на интуицию, заставило Седова догнать их и пойти следом.

Когда Александр Седов на пятом курсе медицинского института прочел книгу Вересаева «Записки врача», на которую в институтской библиотеке была огромная очередь, его особенно заинтересовали мысли писателя о том, что по внешнему облику человека можно иногда определить его болезнь или недуг. Постепенно, приобретая жизненный и врачебный опыт, Александр Петрович убеждался в справедливости этих слов. Позднее, уже работая судебно-медицинским экспертом, он стал относиться к таким второстепенным, казалось бы, вещам, как цвет лица, настроение, поведение и походка человека, вполне серьезно, и ему действительно иногда удавалось узнать или предугадать то, о чем люди, с которыми

он сталкивался, ему не говорили. Ничего сверхъестественного в этом, разумеется, не было. Вероятно, и профессия судебного медика, требующая от врача особой внимательности, умения увидеть любую деталь, любую мелочь, сыграла не последнюю роль в формировании у него этого качества.

Идя за молодыми людьми, Седов продолжал наблюдать за прихрамывающим парнем. «Дефекты походки могут появиться по самым разным причинам, — размышлял он, — вследствие врожденного заболевания, болезни, травмы, простой потертости на ноге... Врожденное заболевание здесь, пожалуй, исключается, так как при этом часто больная конечность укорачивается, да и хромота бывает более выраженной. Парень на вид молодой и здоровый... Нет, на больного он не похож. Скорее всего, хромота его объясняется какой-то травмой...» Парень в самом деле щадил больную ногу, стараясь наступать на нее осторожно. «И довольно быстро идет при этом, — подумал Александр Петрович. — Значит, давненько у него что-то неладное с ногой».

Седов принял решение: «Этого человека надо обязательно проверить и тщательно осмотреть. Ведь раненый преступник до сих пор не задержан. Только как это сделать? Поблизости никого из знакомых, милиции тоже не видно». Однако молодые люди, за которыми он шагал от центра уже больше получаса, сами облегчили его задачу. Вероятно, они шли на работу, так как у проходной небольшого завода замедлили шаг и, поздоровавшись с вахтером, прошли прямо в широко распахнутые ворота. Поглядев им вслед и убедившись, что они действительно прошли на территорию завода, Седов подошел к телефонной будке и набрал номер дежурного по райотделу.

Вскоре к заводу подъехала милицейская машина со следователем и двумя сотрудниками уголовного розыска, а минут через сорок в приемном

покое ближайшей больницы Седов на основании постановления следователя в присутствии понятых начал осмотр задержанного. Им оказался Проскурин Виктор Константинович, 24 лет, работающий токарем на механическом заводе.

— Что у вас с ногой, Виктор? — поинтересовался следователь.

— На работе поранил, — коротко ответил парень.

— Давно?

— Больше месяца прошло. Железным прутом ударило.

— На больничном вы, вероятно, не находились? — спросил Седов, просмотрев доставленную из поликлиники амбулаторную карту Проскурина. — Последняя запись сделана еще прошлым летом.

— Если вы о ноге, доктор, то из-за нее не стоило и беспокоиться, — беззаботно отмахнулся Проскурин. — Случилось это в пятницу, на работе. Два выходных дома отлеживался да два отгула заработанных использовал. Вот и все лечение. А потом мастер домой зашел: «Выходи, — говорит, — Витя, на работу, хватит лодырничать». Опять же конец месяца, план.

Александр Петрович предложил Проскуруину раздеться. Тот вначале не понял или сделал вид, что не понял его, и разделся только до пояса. Сняв пиджак, рубашку и майку, он аккуратно повесил их на спинку стула и спокойно сел.

— И брюки снимите, пожалуйста, — попросил Седов. — А теперь подойдите к окну, поближе к свету.

Несколько выше левого тазобедренного сустава Александр Петрович увидел слегка втянутый овальной формы рубец диаметром чуть больше сантиметра, покрытый нежной розовой кожей. Края его были розовыми, как недозревшая ягода.

— Вот сюда прут и ударил, — Проскурин

ткнул пальцем в бедро. — И что вы беспокоитесь, доктор, до свадьбы заживет. Правда, может, кость повредил, до сих пор хромаю.

— Рану сами перевязывали?

— Сестра помогала. Она у меня тут, в больнице, санитаркой работает. Вместе перевязывали. Зачем людей беспокоить?

Седов попросил Проскурина не одеваться и подняться на второй этаж, в рентгеновское отделение. В просторной, погруженной в полумрак комнате поблескивали никелем два рентгеновских аппарата, в углу за столом сидел врач и просматривал снимки на матовом светящемся экране.

— У меня к вам просьба, коллега, и крайне срочная. Не могли бы вы сейчас же сделать снимок левой половины тела одному больному?

— Простите, доктор, а вы откуда? — сняв темные очки, рентгенолог протер их концом халата. — Нельзя ли подождать до завтра? Дело в том, что лаборант у меня уже ушел. Впрочем, если это крайне необходимо... Что у него, перелом?

Через несколько минут снимок был готов. Еще минут 15 ушло на обработку пленки. На мокрой рентгенограмме, с концов которой еще стекали вниз струйки воды, медики и следователь увидели в левой тазовой области четкие контуры инородного тела конусовидной формы.

— Неужели пуля? — удивленно воскликнул рентгенолог.

— Она, — удовлетворенно ответил Александр Петрович. — Ее-то я и ожидал увидеть. Короткое тело, широкое основание и такой же широкий закругленный конец. Похоже, от пистолета Макарова.

— А ведь тут и кость повреждена, — заметил рентгенолог. — Вот, в двух сантиметрах позади пули небольшое круглое отверстие...

— Вероятно, кость и погасила ее кинетиче-

скую энергию. Иначе бы снаряд пошел дальше, — предположил Седов.

— Большое спасибо вам, доктор, за помощь. А снимок, хоть и мокрый, мы заберем с собой, — сказал следователь.

Через день Проскуруину была сделана операция. Пулю осторожно извлекли и направили в криминалистическую лабораторию. Вскоре было получено заключение баллистической экспертизы, из которого следовало, что пуля, удаленная из тела Виктора Проскураина, выпущена из пистолета системы Макарова. Именно из этого пистолета той осенней ночью стрелял один из патрульных.

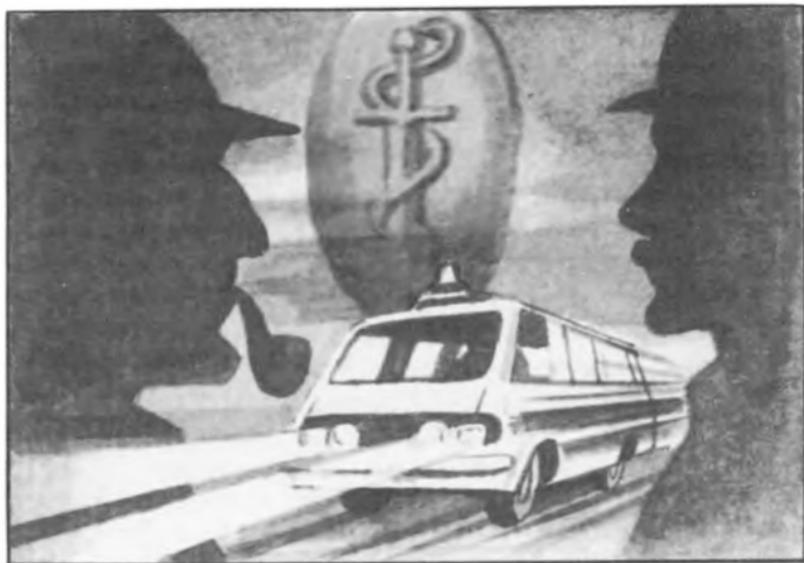
Пришло время обратиться и к следам крови, изъятым с деревянного тротуара. До подходящего момента они хранились в биологическом отделении судебно-медицинской лаборатории. При их сопоставлении с образцом крови, изъятой у Проскураина, выявилось полное совпадение по полу и групповой принадлежности.

Доказательства, которыми теперь располагало следствие, оказались настолько вескими и убедительными, что Проскураин сразу же признал себя виновным. Поэтому я не буду задерживать внимание читателя на подробностях дальнейшего расследования кражи из ателье.

На первый взгляд может показаться, что раскрытию этого преступления способствовали лишь случайные обстоятельства: неожиданная встреча на улице, редкая наблюдательность и интуиция эксперта. Когда я спросил об этом самого Александра Петровича, он, подумав, сказал:

— Пусть покажется странным, но я был уверен, что все равно рано или поздно увижу и узнаю человека, раненного той ночью из пистолета. Ведь нам было известно о нем не так уж мало. Поэтому ничего удивительного в этом случае я не нахожу. Сколько существует преступлений, столько есть и способов их раскрытия.

Размышляя о профессии

«Профессии кажутся нам самыми возвышенными, если они пустили в нашем сердце глубокие корни».

Карл Маркс

Однажды в справочном отделе «Медицинской газеты» был напечатан ответ редакции на вопрос молодого человека, пожелавшего избрать специальность судебно-медицинского эксперта. Газета писала, что вначале необходимо окончить лечебный факультет медицинского института, затем пройти подготовку по судебной медицине в одном из институтов усовершенствования врачей. Все правильно: без фундамента — высшего медицинского образования стать экспертом невозможно.

Инструкция о производстве судебно-медицинской экспертизы в СССР допускает, что в случае отсутствия штатного эксперта освидетельствова-

ние человека, получившего повреждения, или осмотр трупа на месте его обнаружения может произвести врач любой другой специальности. С учетом этого положения во всех без исключения медицинских институтах страны на старших курсах введено преподавание такой, казалось бы, сугубо специфичной и узкой дисциплины, как судебная медицина.

Но вот окончены институт и интернатура. Знания вчерашнего студента по судебной медицине пока еще минимальны. Теперь будущего эксперта ждет специализация. Это пять месяцев напряженной учебы в одном из институтов усовершенствования врачей. Программой предусмотрена весьма солидная подготовка. Профессора, опытные преподаватели читают курсантам лекции, ведут семинарские занятия. После специализации молодой эксперт, казалось бы, готов к самостоятельной работе.

К сожалению, некоторые на этом останавливаются. Полагая, что знаний, полученных в институте усовершенствования врачей, хватит на долгие годы, они изо дня в день добросовестно выполняют текущую работу и не больше. Но легче стать экспертом, чем быть им. И это не игра слов. Судебно-медицинский эксперт должен постоянно учиться, внимательно следить за специальной литературой, пополнять свой теоретический и практический багаж современными сведениями как по общей, так и по судебной медицине, юриспруденции, криминалистике. Чувство нового, неизвестного, творческое освоение опыта товарищей — вот тот «вечный двигатель» в работе настоящего судмедэксперта от юности до зрелых лет.

Многие имеют весьма поверхностное представление о судебной медицине. Одни (таких большинство) полагают, что эксперты работают только с трупами, другие наивно думают, что судебно-медицинским экспертом можно стать после

окончания краткосрочных курсов, не получив высшего медицинского образования.

Иногда мне кажется, что ни одна из медицинских наук не обрастает такими фантазиями, небывицами и легендами, как судебная медицина. Скажем, вопрос о трупном яде. Конечно, никакого трупного яда в природе не существует. Но попробуйте доказать это нашим оппонентам! Напрасная затея. В общем-то, все это объяснимо, ведь природа не терпит пустоты, и люди с давних пор, пытаясь разгадать происходящее вокруг, заменяли недостаток информации фантазией и вымыслом.

Бывают курьезы, когда вдруг в общественном транспорте, от знакомых, просто на улице узнаешь, что вчера стряслось нечто из ряда вон выходящее, а впоследствии все это оказывается чем-то схожим с первоапрельской шуткой. В распространении такого рода информации велика роль слухов.

Чтобы не быть голословным, приведу запомнившийся случай. Как-то вечером перед праздниками сидел я на почте в ожидании междугородного телефонного разговора. В небольшом помещении было много посетителей. Моложавая, со вкусом одетая дама беседовала о чем-то со своей знакомой. Внезапно в зале наступила тишина. Даже телефонистки, несмотря на перегрузку, прекратили работу. Заметив всеобщее внимание, дама повысила голос.

— Живем мы в ужасном районе, — говорила она. — Возвращаюсь я вчера вечером домой и вижу: у кинотеатра «Факел», на остановке, трое пристали к какому-то пареньку. Он бросился бежать, тогда один догнал его и ударил чем-то в спину. Парень упал, а тех и след простыл. «Скорой помощи» долго не было, — возмущалась дама, — а милиция вовсе не приехала.

После столь впечатляющего рассказа в помещении почты воцарилась гробовая тишина. Одна-

ко я точно знал, что ни вчера, ни позавчера и вообще на этой неделе никаких происшествий, связанных с нанесением серьезных ранений, в городе не было. И хоть не хотелось портить предпраздничное настроение словоохотливой даме, внезапно замолчавшей, дабы насладиться своим маленьким «триумфом», но сдержаться не смог и вежливо возразил: мол, ничего подобного за последнее время не случилось. Такой реакции от рассказчицы я, признаться, не ожидал. Повернувшись ко мне и сделав паузу для большего эффекта, дама воскликнула:

— Вот еще один выискался, такой же, как те, у «Факела»! А может, и вы там были, гражданин?

Лишь вмешательство соседа по подъезду выручило меня. Назавтра рассказ об этом «случае», гораздо более подробный и впечатляющий, я услышал в троллейбусе, после чего написал в областную газету заметку с опровержением. Думается, что сейчас, когда гласность, освещение истинного положения вещей, тем более касающихся юридической практики, становятся нормой, велением времени, сотрудники правоохранительных органов не должны оставаться сторонними наблюдателями в подобных скользких ситуациях. Дать отпор обывательским рассуждениям, пресечь нелепые и вредные слухи через средства массовой информации либо в публичной лекции перед трудовым коллективом — это долг и обязанность юристов, в том числе и судебных медиков.

На фасадах зданий, в помещениях некоторых кафедр судебной медицины высечены прекрасные гордые слова: «Это есть место, где смерть готова помогать жизни».

Ныне судебно-медицинский эксперт не ограничивается вскрытием тела погибшего человека. В его арсенале достижения многих наук помимо ме-

дицинских, таких, как судебная химия и токсикология, серология (наука о следах крови), криминалистика, баллистика, антропология и др. В своем заключении по каждому конкретному случаю, прежде чем изложить выводы, он заполняет специальный раздел — «Данные дополнительных методов исследования», в котором приводит результаты лабораторных анализов, микроскопических и биологических исследований, детально описывает повреждения и предполагаемое орудие травмы. В итоге даже рядовая экспертиза с графиками, таблицами, фотографиями нередко имеет вид небольшой научной работы.

Приведу в качестве примера две экспертизы, выполненные экспертами-практиками на уровне современных достижений отечественной судебно-медицинской науки.

...Вечер. Из ресторана навеселе вышли двое молодых людей. Затем в строках протокола будет сказано, что между ними и гражданином Г. произошла ссора, в ходе которой ему была причинена травма головы. Преступники скрылись, пострадавший был доставлен в больницу. С места происшествия изъяли каблук от мужского ботинка.

Через три дня милиция, санкционировав свои действия с прокурором района В. Парчевским, задержала Александра Колесникова. По его словам, никакого отношения к инциденту с Г. он не имел. У Колесникова был небольшой порез пальца, который он объяснил неосторожным обращением с ножом, когда отрезал хлеб. На застежке куртки, ее карманах и рукавах были обнаружены пятна, похожие на кровь. Уже на следующий день одежда Колесникова — куртка и потертые джинсы — поступила на исследование в биологическое отделение. Экспертиза была поручена двум опытным врачам — А. В. Жуковой и И. П. Иванниковой.

Кровь на куртке оказалась четвертой группы, такая же группа крови была у Колесникова. А

так как он порезал палец, то вполне мог испачкать куртку. Потертые джинсы на первый взгляд интереса для экспертизы не представляли. Крови на них не было заметно. Обращало на себя внимание то, что колени стертые почти до дыр. «Ничего не поделаешь, мода, — размышляла И. П. Иванникова. — Но что-то цвет у этих потертостей какой-то неестественный, да и великоваты они...» Эксперт продолжила исследование и обнаружила на коленях следы крови третьей группы — такой же, как у Г. Пятна оказались замытыми и затертыми. Кровь третьей группы была обнаружена и на каблуке, найденном у ресторана, — как потом оказалось, он от ботинка, принадлежавшего второму преступнику. Под влиянием улик Колесников и его сообщник признали себя виновными.

Другая экспертиза, описанная Ю. В. Гальцевым в сборнике научных работ ленинградских судебных медиков, интересна тем, что истоки ее уходят в годы Великой Отечественной войны. Вот как рассказывает об этой экспертизе автор:

«В нашей практике удалось установить личность пилота через много лет после его гибели в бою. Успех был достигнут благодаря совместному исследованию вещественных доказательств судебными медиками и криминалистами... Речь идет об установлении личности Героя Советского Союза военного летчика Алексея Тихоновича Севастьянова, совершившего в ноябре 1941 года первый ночной таран в Ленинградском небе. Погиб А. Т. Севастьянов позже, 23 апреля 1942 года, в бою, прикрывая самолет товарища от атаки «Мессершмитта». Служивцы видели, как его «Миг-3» загорелся и упал вблизи поселка Рахья Ленинградской области. ...Недавно на участке торфопредприятия «Ириновское» участниками поисковой группы было выявлено скопление металла на глубине более двух метров. При раскопках обнаружены: искореженные части самолета

«Миг-3», костные останки человека, обрывки одежды и снаряжения летчика, документы с неразличимыми записями и некоторые другие личные вещи пилота. При судебно-медицинском исследовании останков удалось определить их вид, пол, возраст и вероятное время пребывания в грунте... При криминалистическом исследовании угасших записей в документах методом инфракрасной люминесценции было доказано, что документы составлены на имя старшего лейтенанта А. Т. Севастьянова. По отпечаткам стрелок на циферблатах часов удалось установить время их остановки (поломки), то есть точное время падения самолета на землю».

Отталкиваясь от этих и других экспертиз, хочется привести слова из оригинального выступления профессора А. П. Загрядской на совместном совещании экспертов и следователей прокуратуры: «...В настоящее время у следователя не сложится той ситуации, которая мастерски описана Федором Михайловичем Достоевским в романе «Братья Карамазовы», когда наука была не в состоянии определить происхождение крови, оказавшейся на руках и одежде Дмитрия Карамазова, обвиняемого в убийстве отца. Не возникнет у современных судебных медиков значительных осложнений и по совершенно неразрешимому в прошлом вопросу о том, каким предметом наносились удары по голове Карамазова — медным, который был у его сына, или свинцовым, который использовал убийца Смердяков. А ведь от указанных обстоятельств зависела судьба Дмитрия Карамазова, они составили вескую основу обвинительного приговора. В современных условиях, при том уровне развития судебно-медицинской науки, которого она достигла в наши дни, великому Достоевскому пришлось бы, по-видимому, внести существенные коррективы в свой замечательный роман».

В подавляющем большинстве судебно-меди-

цинские эксперты — это знающие, эрудированные люди, влюбленные в свою профессию. Иначе и быть не может, ибо без известной доли фанатизма, в хорошем понимании этого слова, работать в судебной медицине невозможно.

Пример такого человека — Дмитрий Евгеньевич Джемс-Леви, долгие годы проработавший заведующим физико-техническим отделением Московского областного бюро. Выезжая из Москвы на совещания и научные конференции, он в свободное от заседаний время без усталости осматривал незнакомые города, их музеи, картинные галереи. Он собрал одну из самых полных коллекций медицинских значков, которые мне когда-либо доводилось видеть. Но главным увлечением его жизни стала судебная медицина. Ей он отдал годы труда, написал свыше сорока научных работ, защитил кандидатскую диссертацию.

К сожалению, изредка среди экспертов мне встречались люди и совсем другого склада. Однажды в Ленинграде я пять долгих месяцев прожил рядом с врачом, который за столь огромный срок ни разу не побывал ни в одном из музеев или театров великого города. Впоследствии ему пришлось уйти из судебной медицины. Мне кажется, какая-то взаимосвязь между его внутренним миром и этим уходом все-таки существует.

Замечательным экспертом был сравнительно недавно ушедший из жизни заведующий кафедрой судебной медицины 2-го Московского медицинского института, профессор Владимир Михайлович Смольянинов. Почти шестьдесят лет трудился он на благо отечественной судебной медицины. В годы Великой Отечественной войны профессор исполнял обязанности члена Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Мне не так уж часто доводилось встречаться с Владимиром Михайловичем. Но я навсегда сохраню в памяти его советы, человеческий такт и глубокий

интерес к нуждам молодого периферийного эксперта. Родина высоко оценила заслуги ученого. Профессор Смольянинов был награжден двумя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции и Отечественной Войны I степени, медалями.

Таких энтузиастов судебной медицины, подлинных патриотов нашего дела в стране немало. После кончины В. М. Смольянинова кафедру во 2-м мединституте возглавил профессор В. Н. Крюков, автор многих научных работ, солидных монографий. Ныне Виталий Николаевич вместе со своими учениками, среди которых немало докторов, кандидатов медицинских наук, продолжает разработку важнейшего раздела нашей науки — экспертизы тупой травмы. Частым гостем кафедры бывал недавно скончавшийся В. А. Свешников — сын народного артиста СССР, руководителя знаменитого хора Александра Свешникова. Вячеславу Александровичу по семейной традиции, и не без основания, прочили блестящую артистическую карьеру. Однако истинное свое призвание он обрел в судебной медицине. В. А. Свешников создал не только классическую теорию биомеханизмов утопления в воде, но и нашел эффективные методы профилактики, позволившие спасти сотни человеческих жизней на наших водоемах.

Талантливым экспертом-практиком был мой давний товарищ и коллега, очень рано погибший, Наум Иосифович Шинкарев. Помимо судебной медицины (Шинкарев защитил кандидатскую диссертацию, автор ряда научных работ) в круг его интересов входило очень многое: фотография (он участвовал в профессиональных фотовыставках), автолюбительство, туризм во всех его видах, археология (участвовал в археологических партиях во время отпуска). Лишь люди, близко общавшиеся с Шинкаревым, знали, что он с детства страдал серьезным заболеванием сердца. Это не

помешало ему, однако, как-то летом совершить вместе с поэтом Е. Евтушенко и своим братом журналистом-известинцем Л. Шинкаревым трудное, но увлекательное путешествие по одной из сибирских рек.

Основная задача судебной медицины — оказание помощи правосудию. Кроме того, советская судебная медицина призвана помогать органам здравоохранения. Труд экспертов чрезвычайно важен для совершенствования лечебно-профилактической помощи населению страны. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по улучшению охраны здоровья населения» (1982 г.) поставило перед судебными медиками серьезные задачи, в решении которых обязаны участвовать как сотрудники кафедр судебной медицины, так и судебно-медицинские эксперты-практики. Ведь именно судебные медики, а не врачи-патологоанатомы исследуют лиц, умерших в стационарах клиник и больниц от насильственной смерти, поэтому они могут не только анализировать данные по различным видам травматизма и отравлений, но и разрабатывать действенные меры профилактики этих явлений.

Отличной формой деловых контактов экспертов с врачами лечебных учреждений является проведение совместных клинико-анатомических конференций. Их цель — выявление дефектов диагностики и лечения больных, сопоставление судебно-медицинских и клинических диагнозов. Подобное сотрудничество всегда полезно для дела. Глубоко не правы те медики, которые считают нашу службу неким контрольно-ревизионным органом, призванным выискивать ошибки и промахи врачей. На практике чаще бывает наоборот. Не раз мне и моим коллегам доводилось участвовать в различных комиссиях, защищать честь и достоинство хирургов, анестезиологов, акушеров-гинекологов, других медиков, которые, казалось бы,

сделали все для спасения своих пациентов, однако же, увы, не смогли предотвратить фатального исхода.

Вот один из показательных примеров сотрудничества судебных медиков с органами здравоохранения. Среди вопросов общей медицины на последних съездах судебно-медицинских экспертов широко обсуждались вопросы скоропостижной смерти от сердечно-сосудистых заболеваний, и прежде всего ишемической болезни сердца (ИБС). Эта болезнь нередко поражает даже молодых людей. Смертность от сердечно-сосудистых заболеваний ныне составляет приблизительно 170 случаев на 100 тысяч человек, причем в возрасте после 40 лет она значительно выше и постоянно растет. Причины возникновения и профилактика ИБС — вот две наиболее важные проблемы, которые, по мнению такого авторитетного органа, как Всемирная организация здравоохранения, подлежат незамедлительному изучению. Именно в этой области возможен наиболее тесный контакт между судебно-медицинскими экспертами и врачами-терапевтами, кардиологами, непосредственно занимающимися лечением заболеваний сердца. Ведь с незапамятных времен скоропостижно (то есть среди кажущегося здоровья) скончавшийся человек подлежал судебно-медицинскому исследованию, прежде всего для исключения версии о насилии. Поэтому судебной медициной накоплен огромный практический и теоретический материал по случаям внезапной смерти.

Всем известна эмблема медицины — чаша со змеей. Судебные медики могут гордиться: у них есть свой отличительный знак. Его изображение можно увидеть на значках, проспектах, книгах, посвященных судебной медицине. Змея на эмблеме обвивается вокруг стилизованного меча — символа Правосудия. Иногда рядом изображаются еще и весы, олицетворяющие беспристрастность и честность эксперта перед Законом.

Касаясь вопроса о моральном облике эксперта, Главный судебно-медицинский эксперт Министерства здравоохранения СССР, член-корреспондент Академии медицинских наук Александр Петрович Громов пишет: «Советские судебные медики должны иметь высокие нравственные качества, стимулирующие их к систематическому пополнению своих знаний и к совершенствованию практического мастерства. Независимость эксперта в своих суждениях и заключениях налагает на него и величайшую ответственность за них. От его заключения зависит иногда честь, свобода и даже жизнь подсудимого... Звание судебно-медицинского эксперта налагает на врача большую ответственность, а его работа часто требует значительного напряжения физических и духовных сил, так как она связана с тяжелым напряженным трудом, иногда в совершенно не подходящих условиях. Каждый судебно-медицинский эксперт должен быть готовым в случае необходимости пренебречь своими личными интересами во имя дела, которому он служит. Все трудности экспертной деятельности могут быть компенсированы только одним — призванием к избранной специальности, любовью к судебной медицине, которую каждый судебно-медицинский эксперт должен пронести через всю жизнь».

«Важно не то, чтобы за преступление было назначено тяжкое наказание, а то, чтобы *ни один* случай преступления не проходил нераскрытым», — писал В. И. Ленин. В этой короткой фразе мне видится не только настойчивое требование соблюдения социалистической законности, но и своего рода напутствие, закон этики для каждого, кто избрал своей специальностью борьбу с преступностью, в том числе и для судебного медика.

Встречаются в нашей работе ситуации, когда истина по делу устанавливается лишь в зале суда. Под требовательным взглядом десятков глаз теряются даже искусственные, привыкшие ловчить

и изворачиваться обвиняемые. Эпизод, приведенный ниже, взят из практики опытного судмедэксперта, доктора медицинских наук В. А. Кодина. Он дается в авторском изложении.

...Поздним ноябрьским вечером на привокзальной площади появились двое. Невысокий коренастый парень в плаще и второй, повыше, в куртке из «болоньи» коричневого цвета. Подойдя к такси, попросили водителя отвезти их в один из переулков города. Кроме шофера в машине на заднем сиденье находился его приятель. Когда «Волга» остановилась в пустынной переулке, между пассажирами и приятелем шофера возникла ссора. Все трое вышли. В руке у парня в плаще сверкнул нож. Он дважды ударил им этого человека, третий удар ножом в живот нанес ему парень в куртке. Затем преступники скрылись в темноте. Водитель такси затащил своего окровавленного приятеля в машину и погнал ее к больнице. Благодаря оперативности врачей жизнь пострадавшего была спасена. Через несколько дней подозреваемые в совершении преступления были задержаны милицией. Началось расследование. Из истории болезни и разговоров с врачами мне удалось установить, что на теле пострадавшего было три раны. Сопоставив их с повреждениями на его свитере, я пришел к убеждению, что рана в живот нанесена ножом более узким, чем тот, который был изъят при задержании у парня в плаще, некоего Забродина. Кстати, на следствии Забродин свою вину признал, тогда как его напарник, Круглов, настаивал на том, что у него ножа не было. И вот суд. Мне предоставили слово. Я утверждал, что ранения потерпевшему были нанесены двумя ножами, и обосновал свои выводы. Приближался кульминационный момент. Признает ли Круглов себя виновным? Судья, выслушав показания эксперта, обратился к Круглову: «Вы слышали заключение эксперта. Он утверждает, что и у вас был нож. Согласны ли вы

с этим?» В наступившей тишине глухо прозвучало: «Согласен». Суд удалился в совещательную комнату для вынесения приговора.

Для меня судебная медицина — увлекательная профессия. Выезды по сложным делам в любое время дня, нередко по ночам, поиск, тайна, стремление к ее разгадке, анализ и синтез увиденного, завершающийся кропотливым лабораторным трудом...

Когда я писал эту книгу, меня часто отвлекали. Однажды ясным морозным утром пришлось вместе со следователем прогуляться на лыжах в лес, километров двадцать в оба конца. Помню поход осенью на катере рыбоохраны вниз по реке. А как-то ночью в начале марта нам с водителем патрульного «УАЗа» встретился на заснеженной тропе ослепительно-белый, совершенно сказочный заяц-русак. И всегда, когда я возвращался с мест происшествия, такие «штрихи» добавляли что-то новое в мою экспертную биографию.

А вообще выезд на место происшествия — дело привычное для любого эксперта. Приходим в областное бюро, занимаемся повседневной работой, как вдруг телефонный звонок. Иногда зовут к аппарату, но чаще раздается короткая, как выстрел, фраза: «Дежурного эксперта — на выезд!» Через несколько минут появляется машина — современная скоростная «Волга» или скромный милицейский «газик». Судмедэксперту доводится бывать в самых разных местах. Ему хорошо известны любые отдаленные улицы родного города, окружающие поселки. Мы выезжаем в государственные квартиры, в частные дома, на заводы и стройки, в общественные учреждения — клубы, гостиницы, больницы.

Помню, в начале моей работы экспертом маленького районного городка мне приходилось добираться и на лошадях. Иной раз запрягали двух лошадей — один конь всю опергруппу не потянет.

Теперь, конечно, техника иная. Если дело серьезное, применяются специальные машины — передвижные криминалистические лаборатории. В них рация, мощная осветительная аппаратура, пишущая машинка, магнитофон, приборы для проведения неотложных исследований. Но, как и прежде, выезд эксперта на происшествие — это всегда в какой-то мере бросок в неизвестность. И, как прежде, зоркий, наблюдательный глаз эксперта нужен правосудию не меньше, чем самый тонкий и чувствительный электронный прибор.

Содержание

Предисловие	3
Человек с двумя фамилиями	5
Случай у колодца	16
Поклонники авторулетки	32
Квартира номер семь	45
Хроника необычного расследования	60
«Интеллектуалы»	75
Нет проблем?	85
За добрую силу	93
Поиск	101
Вокруг дуэли М. Ю. Лермонтова	109
Третья встреча	118
Порочный круг	127
По следам экспедиции Амундсена	143
Экспертизой установлено	165
Загадка сувенира	181
Солнечная сторона	197
Капля крови	216
Размышляя о профессии	224

М. А. Фурман

ХРОНИКА НЕОБЫЧНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Редактор В. А. Терехина
Художник Е. П. Суматохин
Художественный редактор А. Б. Бобров
Технический редактор М. С. Караматозян
Корректоры Л. В. Соколовская, М. Ю. Калининцева
Оператор Е. С. Пашкевич

ИБ № 1892. Научно-популярное издание.

Сдано в набор 25.07.88. Подписано в печать 20.01.89.
А-12614. Формат 70×100¹/₃₂. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура кудряшевская энциклопедическая. Печать офсет.
Объем: усл. печ. л. 9,68; усл. кр.-отт. 19,68; учет.-изд. л. 10,14.
Тираж 100 000 экз. Заказ №1092. Цена 1 руб.

Издание подготовлено к печати на ЭВМ и фотонаборном оборудовании
в ордена «Знак Почета» издательстве «Юридическая литература»
121069, Москва, Г-69, ул. Качалова, д. 14

Можайский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР
по делам издательства, полиграфии и книжной торговли
г. Можайск, ул. Мира, 93